

Екатерина
Королькова

Путь кама

Современный миф о богах и шаманах. О душе и ее воплощениях. О фантазиях и тонких гранях между реальностью и вымыслом. Об обычном мальчике Максе, который волей рока был заброшен в самую гущу войны между тэнгри Востока и Запада.

Триумф смерти

За широким окном с деревянными потертými ставнями светило полуденное солнце. Блеклые лучи щедро озаряли землю, но не дарили тепла. Безучастное светило намекало, что через пару недель власть мороза на северном полушарии усилится, и свидания с полуденной звездой станут куда короче.

Максим перевел взгляд на деда. Кроме него и пожилого пациента в палате не было ни души.

Страшно? Конечно! Ведь перед ним лежал сам Асай Оциола.

Худой, иссохший до степени коряги старик недвижно распластался на белой казенной постели. Редкая борода его лежала на впалой груди, а седые волосы рассыпались буйным потоком по подушке. Сквозь волосяной занавес едва пробивалось маленькое лицо в многочисленных родинках с плотно закрытыми глазами.

Морщины испещрили каждый сантиметр кожи Асая. На вид ему было лет двести, не меньше. По крайней мере, столько ему дал при первой встрече единственный внук — четырехлетний Макс Оциола.

Мальчик поднялся с жесткого кресла и потянулся. Что бы он ни делал, глаза неотрывно следили за человеком на койке. Тот два месяца не подавал признаков жизни, однако парнишке все время казалось, что дед наблюдает за каждым его движением, ждет момента, пока мальчик расслабится, чтобы напугать.

Старческие мышцы и сухожилия были натянуты до предела, словно он не лежал в больничной палате, а сражался с невидимым противником.

Макс неторопливо приблизился к деду. Брови мальчика сошлись на переносице.

Интересно, деда — колдун, правду говорила мама? Или это ему приснилось, и мамины слова — просто выдумка?

В голове Максима всплыла картина, когда они впервые привезли дедушку Асая в больницу. Дяденька и две тети в белых халатах осмотрели старика, взяли длинной иглой кровь и велели Максy и маме ждать в коридоре.

Люди мелькали перед сидящим семейством бледными мухами, что-то бормотали, таскали баночки и страшные, игольчатые шприцы. Сначала Макса одолел страх. Вдруг торопыга в белом споткнется, упадет и нечаянно воткнет иглу в его руку или попу? Или дядя доктор решит, что заболел не только деда, но и они с мамой, и положит Макса рядом с дедом Асаем? Через час, когда никто так и не упал, и им не выделили койки, парнишке надоело бояться, и он уснул в кресле, положив голову на колени матери.

Проснувшись через какое-то время, точнее, через час, так как стрелочки часов сделали круг и показывали шесть, Максим услышал тихий голос дяди врача и увидел маму, которая то и дело вытирала слезы с бледных щек.

— Лина Асаевна, я удивлен, что ваш отец еще жив. Мы, конечно, делаем все, что возможно, но очистить организм от такого количества токсинов... Нереально. Титры буфотенина и подобных психотропов зашкаливает. Скажите, как это произошло?

Мама Лина пожала плечами.

— Не знаю, Денис Сергеевич. Мы с папой почти не общаемся. Он позвонил на днях и попросил помочь с ребенком. Откуда он и как оказался у одинокого пенсионера, я тоже не знаю. Когда мы с сыном приехали, папа лежал на пороге входной двери без сознания.

Голодная девочка рыдала в комнате.

Денис Сергеевич, бородатый, кряжистый мужчина лет сорока поморщился и посмотрел на мальчишку. Спустя секунд пять морщинки на лбу разгладились, он улыбнулся ребенку лишь уголками рта. Глаза при этом остались серьезными и сосредоточенными. Понизив голос, доктор спросил:

— Ваш папа либо хотел покончить с собой, либо имеет проблемы с психикой. Вы знаете, что за яд он принял?

Лина Оцеола отрицательно качнула головой.

— Что ни есть натуральнейший: мухоморы. Он употребил не меньше трехсот граммов галлюциногенных грибов. Такими балуются шаманы-самоучки, безумцы и всякий сброд.

Дочь Асая удивленно заморгала. За спиной врача послышалось:

— Поберегись, — и каталка с больным проскользнула мимо.

Денис Сергеевич подошел к маме впритык и что-то быстро шепнул в самое ухо. Она отпрянула, явно почувствовав, что скрывать секреты от доктора больше не имеет смысла. Не ровен час, как отец Асай преставится, а на шею и без того усталой женщины может навалиться новая проблема в виде уголовного дела о похищении или убийстве.

Лина обреченно вздохнула и открыла то, что так долго утаивала от посторонних:

— Папа ушел из семьи очень давно, я еще совсем крохой была. Как потом объяснила мама: он — шаман и служит людям Срединного мира, поэтому жить в семье и принадлежать только родным он просто не имеет права. Его миссия намного важнее. Мама умерла от рака два года назад, и в тот же день объявился Асай. Он ничего не рассказывал о себе, не просил прощения, только принес букет ромашек к могиле и подарил Максу ловца снов.

С тех пор мы не виделись, хотя телефонами обменялись еще на поминках. Наверное, не было нужды. И вот... Асай позвонил позавчера и попросил приехать. Как бы ни была я зла на него, но клятву матери сдержала: решила помочь блудному отцу. Мы приехали по названному адресу в полночь. За приоткрытой дверью лежал Асай в странной кожаной маске, с бубном в руках. Вокруг валялись сухие ветки, листья и куски чего-то непонятного, серо-зеленого.

— Мухоморы?

— Наверное. Почти уверена, колдун проводил обряд, и что-то пошло не так.

Лина облегченно вздохнула и присела рядом с Максом.

Денис Сергеевич, добрый дяденька врач, немного помолчал, потом, наконец, кивнул. Слова мамы явно успокоили его, поэтому он поспешил по своим делам.

Сделав пару шагов, мужчина все же обернулся и неторопливо проговорил:

— Если человек решил уйти из жизни — ничто его не остановит. Имейте в виду.

Мама снова кивнула, а Макс уткнулся в ее теплый бок и сонно засопел.

Мальчик очнулся от воспоминаний и посмотрел на старика.

— Деда колдун, — тихо позвал он и схватил Асая за палец.

Старческая кожа с мозолями и черными прожилками трещин была холодной.

Старик не шевельнулся.

Макс хмыкнул, подбежал к жесткому креслу, в котором ребенка оставила Лина полчаса назад, и вскарабкался на него. Спать больше не хотелось. Мальчик принялся рассматривать журналы на тумбочке и мурлыкать песенку Винни Пуха.

— Время-а-а пришло-о-о в гости отправиться-а-а... — начал он и остановился. Страница, которой игрался мальчуган, застыла на месте и с легким шелестом опустилась

назад. Рука Максима повисла в воздухе. Подняв взгляд на Асая, ребенок испуганно вжался в спинку и замолчал.

Вместо неподвижного тела, младший из семьи Оциола увидел призрака. Бледный, трясущийся старик открыл глаза и уставился на мальчугана. Белые, под цвет сорочки глаза были мертвы и только тихое дыхание, которое то и дело вырывалось из легких, говорило о том, что жизнь не полностью покинула старческие чресла. Асай поднялся с предсмертного ложа, вырвал иглу от системы из вены и побрел к выходу. Мальчонка зажмурился.

Когда ему хватило храбрости открыть глаза снова, деда он не увидел. Легкий шлейф незнакомых трав и затхлый запах немытого тела — это все, что осталось после больного.

— Мальщ, куда увезли дедушку? — услышал Максим и повернул голову к матери. Невысокая, юркая блондинка присела на краешек облюбованного ребенком сиденья и махнула в сторону койки Асая.

«Совсем непохожи. Она точно не колдунья», — решил паренек и спокойно, с доверием ответил:

— Деда ушел.

— Сам?

— Сам, — подтвердил он.

Женщина вскочила. Конечно, поверить в слова сына она не могла, но неожиданная пропажа отца насторожила. Два месяца старый шаман лежал в коме. Медперсонал почти не обращал на него полумертвеца внимания и тем более не занимался его лечением. Решился на самоубийство — поделом. Так что же изменилось?

Деньги по-прежнему капали на счет больницы, никаких претензий к врачам у Лины не было. Сиди и радуйся легкому заработку. Зачем усложнять?

Дочь Асая помогла обуться сыну, взяла за руку, и они вместе пошли к главврачу.

За матовым стеклом дверей отделения ее ждало первое препятствие. Юная кокетка в шифоновом голубом халате преградила путь в кардиологию. Она с долей привычки решила отвадить настойчивых посетителей, которые попытались прорваться к начальству в отделение. После долгих объяснений и просьб, медсестра не сдалась и безучастно повторила:

— Ждите на первом этаже у кабинета. Самуил Петрович на операции. Здесь не проходной двор.

Лина сжала ручонку Макса и решительно зашагала к лифту. Спустившись и пройдя ресепшн, а также пару-тройку комнат для персонала, она уткнулась в дубовые двери личных апартаментов Самуила Мендельсона. Постучала. Потянула за отполированную ручку.

Замок скрипнул, но дверь не поддалась.

— Мам, зачем мы сюда пришли? — захныкал Макс.

— Чтобы найти дедушку.

— Зачем его искать? Вон он! — крикнул мальчик и указал пальцем в сторону лестницы, примостившейся в дальнем углу, в противоположной от лифта стороне.

Лина обернулась. Выход на лестничный пролет был открыт. Тьма сгустилась за границами коридора и манила своей тишиной. Молодая мама прислушалась. Ни души. Максим, как обычно, фантазировал. От маленькой лжи ребенка мурашки понеслись по коже Лины и заставили поежиться.

— Не говори глупостей, Макс! — строго сказала она и направилась к администратору.

Мальчик засеменил следом.

Словно из воздуха, в проеме двери на лестницу материализовалось серое, сухое существо и проковыляло в смежный холл, который заканчивался педиатрическим отделением.

Асай тяжело дышал. Туманная дымка вместо зрачков говорила, что едва ли старик видит хоть что-то вокруг. Но слепота и тяжелое состояние не помешали ему беспрепятственно спуститься с четвертого этажа и при этом не попасться на глаза медперсоналу. Как только дряхлое тело колдуна появлялось среди людей, они мистическим образом отвлекались и упускали его из виду. То залает пес на улице и медсестра ненароком выглянет в окно, то застонет больной и врач с ассистентом поторопятся в палату.

Только единожды Асаю пришлось остановиться, когда мимо проехало две каталки. Запах горелого тела и опаленных волос ударил в нос седого путешественника, и он замедлился. Взгляд, устремленный в пустоту, на мгновение прояснился, губы искривились в усмешке.

Кучка студентов-медиков, которые спешили за каталками с людьми, спасенными из ужасного пожара, с отвращением посмотрели на сумасшедшего. Один, самый говорливый, хотел было толкнуть старика, чтобы тот прекратил улыбаться. Его разозлило отношение дряхлого маразматика. Но помедлил.

— Отойди, дядя, — брезгливо предупредил он и сделал шаг навстречу. Желваки на скулах заиграли.

— Петь, ты чего? Не надо, — нежным сопрано пропела за спиной однокурсника Алина.

Когда парень обернулся, чтобы высказать Алинке свое недовольство и попросить не вмешиваться, на него посмотрели два бездонно голубых глаза в канве нарощенных ресниц.

«Красота-а-а. Так чего ж я хотел?» — неожиданно растерялся Петр, но, решив не показывать этого, лихо подмигнул подружке и зашагал дальше. Самое интересное, что на пути будущего врача не возникло никаких препятствий. Злобный старикан испарился из больничного холла так же неожиданно, как и из его головы.

Асай открыл стеклянную дверь отделения педиатрии. Теплый свет ламп и блики из оконных проемов заиграли солнечными зайчиками. Уютный коридор с нежно-голубыми стенами заполняли детские рисунки. То здесь, то там были развешаны красочные картинки, которые кривыми, нерешительными буквами маленьких пациентов желали здоровья своим друзьям, мамам и папам. У каждой палаты стояли низкие лавочки с розовыми и голубыми подушечками в виде сказочных героев. Особенно забавным были Горынычи, головы которых свисали унылыми сосисками и пялились в пол.

— Вы к кому? — послышалось из-за тумбы.

Медсестра лет сорока с хвостиком, с зачесанной наверх копной седых волос улыбнулась. Ее мягкие, приветливые глаза не без любопытства воззарились на гостя.

— Девочка, к которой приходит Лина Оциола. Где она? — скрипуче спросил старик.

Дама зашуршала листками, копаясь в завалах графиков, списков и важных записулк, подписанных кривым почерком «Не забыть».

— Новорожденные и младенцы в конце коридора. Но вам туда нельзя, дедушка, — все еще не поднимая головы, пролепетала женщина, — тем более родные малышки не установлены.

— Тетя Галя! — внезапно позвал медсестру детский голосок, и она повернула голову к палате.

У дверного проема никого не было.

— Заработалась. Приплыли, — недоуменно сказала женщина. Ей давно намекали, что пора взять отпуск и хоть раз в жизни съездить на Юга, чтобы подлечить здоровье. Галина Ивановна не соглашалась. Что ж, теперь точно пора, раз ей слышатся голоса из пустых палат, откладывать не стоит.

Тень скользнула мимо женщины.

Медсестра вздохнула и начала разбирать стопку на столе. Подняв, наконец, голову к входной двери, она заметила, что дверь приоткрыта. Ничего странного в этом не было. Ребята и их родители постоянно забывали прижимать дверь до щелчка, поэтому Галина встала и захлопнула ее. Про то, что минуту назад в отделение приходил посетитель, она успешно забыла.

Тень двинулась дальше. В конце отделения, у бокса для младенцев она замерла. Медсестра, которую приставили следить за маленькими пациентами, мирно посапывала на посту. Видимо, плач и постоянные крики, в конце концов, сморили ее.

Асай распахнул дверь и спешно вошел в помещение, где блуждали тени и потолок прятался в черноте едва различимыми квадратами. Три малыша в изоляторных боксах мирно посапывали, не слыша шума ветра за окном.

Старик принялся рассматривать крох. Найти нужного: вот задача, которая стояла перед ним. И чем быстрее она бы осуществилась, тем успешнее могло стать предприятие в целом.

Пройдя к окну, старик пригляделся к маленькой пациентке бокса № 1.

Девочка сладко спала, то и дело пуская слюнявые пузыри. Рыжая челка на лысой головке торчала вихревым завитком вверх и оканчивалась смешной кисточкой. Щеки неестественно алели на почти белом лице.

Малышка открыла глаза и серьезно посмотрела на посетителя. Асай понимал, что ребенок вряд ли узнает защитника, и боялся его бурной реакции, но в этот раз оказался неправ.

«Алиса Иванова», как временно назвали малышку органы опеки, радостно улыбнулась и потянулась к старику. От напряжения пятна на личике стали чуть ярче.

Пневмония, которая вот уже два месяца не отпускала маленького пациента, неожиданно начала прогрессировать. Гость непонятным образом влиял на развитие тяжелого недуга и сейчас, когда Алиса почти выкарабкалась из ямы удушья, симптомы возобновились. Несмотря на это, девочка ничуть не испугалась, напротив, подарила лучезарную улыбку своему непреднамеренному мучителю.

Асай щелкнул замками пластикового изолятора и уже потянулся пальцами к стеклу колбы, чтобы приоткрыть, как заметил интерес в глазах Алиски. Кроха радостно загукала и повернула голову в сторону пеленального столика у стены. Что-то явно привлекло внимание младенца. И если обычный человек не обратил бы никакого внимания на любопытствующий взгляд неразумного дитя, то опытный колдун Срединного мира мгновенно понял, куда смотрит подопечная.

На крышке столика в полумраке сидел и невозмутимо наблюдал за кражей небольшой зверь. Крупные когтистые лапы его чесывали ухо, глаза-бусины понимающе мигали.

Бурая шерсть животного лоснилась и переходила в угольную шапку на голове. По бокам белела седым шарфом, разлившимся по всему брюху крупным светлым пятном. Зверюга зевнула, оголив стройный ряд мелких, но невероятно острых зубов.

— Пора. Время не ждет, — прошептал Асай, укутал кроху в одеяло и бесшумно скользнул в дверной проем.

Зверь недовольно фыркнул, спрыгнул на мраморную плиту больничного бокса и медленно проследовал за беглецами. Спешить бессмертному существу, в отличие от хозяина, было некуда.

На посту охраны парочку встретил тучный мужчина в униформе. Как только Асай на трясущихся ногах подошел к рамке, охранник вышел из-за стойки.

Во взгляде толстяка прочитались два чувства: пренебрежение и злость оттого, что ему помешали. Сидеть и ничего не делать было куда приятней, чем ловить неухоженных стариков в больничной сорочке с ребенком на руках.

— Куда собрался? — обратился секьюрити к недалекому беглецу и выпятил живот.

Асай теснее прижал сверток к груди и тихо сказал:

— Добрый человек, помоги. Времени не осталось.

— О-о-о, отец, эка тебя зацепила белая горячка.

Рассмеявшись своей шутке, охранник нервно потер пальцами отвисший подбородок. От натуги пуговицы рубашки в центре брюха разошлись, и одна с характерным звоном отлетела, ударившись о мраморные плиты пола.

— Подожди, отец, щас пуговку найду, и разберемся, — покраснев, добавил неуклюжий мужчина и начал шарить ногой под столешницей. Пока он пытался найти пропажу, колдун выбежал на больничный двор.

Старик пытался уйти как можно дальше от здания больницы. Бежал что есть мочи по узким дорожкам, но силы иссякали. Вместе с силами иссякало и время, проскальзывая в никуда безвременья, словно песчинки в часах римского императора.

С трудом преодолев центральную аллею, Асай провел взглядом по дворику больничного комплекса. Справа поблескивали в лучах осеннего солнца новые реанимоби́ли и скорые. Водители курили или посапывали в полудреме на своих рабочих местах. Чуть поодаль светился белизной новый корпус, который пристроили к основной части совсем недавно.

Куда идти, беглец не знал, но чуйка подсказала, что единственный шанс спастись: найти укромное место, где можно без труда скрыться от любопытствующих взглядов смертных. Спрятаться от людей и их душ. Услышав немой приказ, полупрозрачная четырёхпалая тень отделилась от тени Асая и метнулась в кусты.

Раздался шорох и призывное рычание.

Асай поспешил к зеленой преграде. Справа от кустов, в глубину посадок вела узкая асфальтовая дорожка. Мужчина зашагал по ней и через десяток шагов уткнулся в высокую металлическую дверь.

Длиннохвостый зверек снова рыкнул. Маленькие глазки победно сверкнули.

Дверь неожиданно закрипела и подалась вперед. Хвостатый помощник шмыгнул в темный проем. А за ним, не дожидаясь приглашения, вошел пожилой колдун. Немощные руки едва держали ценный груз, на морщинистом лбу появилась испарина. Собрав последние силы, Асай побежал по пустому коридору.

Эхо раздавалось при каждом шаге беглеца, шорох превращался в гул, который, казалось, мог разбудить мертвеца. Старик то и дело оборачивался с опаской, пугая сам себя. Помещение, где он оказался, вовсе не походило на больничный коридор родного отделения, в котором старик пролежал в коме почти два месяца. Здесь не было жизни, стульев и людей в белых халатах. Холод, стерильность и необжитость царили в просторном холле и ничуть не стыдились своего присутствия среди города-миллионника.

Асай с шумом выдохнул. Казалось, он бежит целую вечность. С каждым шагом тяжесть накатывала все сильнее, девочка начинала хныкать и нездорово сопеть. В другое время, в другом месте он бы, не задумываясь, остановился, чтобы пожалеть невинное существо, но только не сейчас.

Сзади что-то зашипело, раздался резкий хлопок.

Старик Оциола обреченно повернулся. И без того усталые глаза его совсем потухли. Жизнь едва держалась в крошечном тельце некогда великого человека.

— Солнца тебе, нагваль.

Человек в красной головной повязке улыбнулся.

Он стоял, укутанный в черный длиннополый халат с золотой вышивкой, словно волшебник из восточной сказки или джин. Только добром от этого джина и не пахло. Ониксовые глаза, полные льда, вполне явственно говорили о намерениях незнакомца.

— Не верится, что такой дряхлый кам, как ты, смог победить моих демонов.

— Тебя, великий тэнгри, я не одолею, — обреченно проговорил Асай, опершись о холодный кафель стены.

Какой бы силой ни обладал колдун, как бы ни горел он своей миссией, но очевидную немощь перед божеством скрыть было невозможно.

За спиной человека в чалме зарычали довольные псы, жаждущие плоти и крови. Рыжие холки и хвосты распушились. Готовые кинуться в любую секунду, они то и дело посматривали на хозяина. Во взгляде темных демонов читалось бескрайняя преданность и страх.

— Отдай ребенка, кам. Он не принадлежит тебе ни по праву рождения, ни по праву крови.

Асай криво улыбнулся потрескавшимися губами. Оголил кривые, почерневшие зубы. Он знал, кто перед ним, однако преклоняться перед богом Востока не собирался.

Сколько лет прошло с тех пор, как он впервые увидел духа? Пятьдесят? Сто? Так почему даже сейчас при одном взгляде на иномирцев его охватывает трепет? Неужели он никогда не перестанет удивляться величию мира? Не сможет забыть его многогранность и красоту? Наверное, так и есть. Жаль, что минуты земной жизни почти исчерпаны, и совсем скоро душа рассыплется на куски, которые перестанут помнить себя, перестанут чувствовать вселенную так полно, как в последнее мгновение ДО.

Асай медленно скользнул на пол, закрыл хитрые, шаманские глаза. Девочка в руках затрепыхалась, словно бабочка. Он бережно положил маленькое тельце на согнутые в позе лотоса ноги и улыбнулся. Старческая улыбка, предназначенная крохе, совсем не походила на ту, которой он одарил тэнгри. Теплота и искренность крылась в уголках губ, в мягкой линии изгиба.

— Фас! — загремело от двери, и два демонических пса ринулись на беспомощную пару.

Асай тихо замычал что-то себе под нос.

С каждым мгновением голос его набирал мощь, становился тверже и уверенней. Вскоре мычание переросло в песню, гул от которой раздавался в пустом коридоре многократным эхом.

Рыжие собаки одновременно присели и паре метров от старика и рванули вверх, готовясь разорвать добычу в прыжке. Но безуспешно. Звук удара бубна, возникший из ниоткуда, заставил их повиснуть в воздухе. Замереть воздушными шарами.

Псы заскулили и посмотрели на хозяина. Они понимали, что кам не сдастся без боя,

однако такого поворота никак не ожидали.

Черноглазый мужчина яростно сжал кулаки и рванул к Асаю. Цоканье металлических шпор его сапог разорвало горловое пение шамана и неприятно резануло слух.

Когда рука тэнгри почти коснулась плеча старика, снова раздалось знакомое «Бум-м-м».

Бурый зверь, неожиданно выросший до размеров Асая, полупрозрачной дымкой отделился от тела хозяина и вцепился мощными челюстями в одеяло с малышом. Вывернувшись из рук мужчины в тюрбане, он проскользнул между ног нападавшего и... Бесследно исчез. Растворился в пространстве, подобно сахару в теплом чае, оставив после себя только колышущийся воздух.

Иномирец зарычал. Он поймал Асая за грудки больничной сорочки, чтобы выбить из гадкого кама последние частички души, но опоздал. Мертвая голова Оциолы медленно откинулась на руки разъяренного тэнгри.

— Проклятье! — заревел мужчина и оттолкнул тело.

Асай упал тряпичной куклой на ледяной пол коридора.

Тэнгри встал, отряхнулся, свистнул своей охране, которая так и висела в воздухе все это время, и стремительно вышел из здания. Псы не тронули мертвого и понуро побрели следом за хозяином. Сегодня они получили ценный урок о мощи шаманов Пути и решили, что в следующий раз будут осторожней с подобной братией.

Когда коридор оказался пуст, деревянная дверь в конце холла со скрипом открылась. Из нее вышел немолодой, чуть подвыпивший человек в мятом больничном халате, зевнул и потянулся. Мешки под глазами и болезненный цвет лица кричали, что мужчина запойный. Однако все было абсолютно не так.

Борис Сергеевич или просто Моменто Боря, как его называли коллеги, не любил спиртное. Наоборот, не уважал горячительное всей душой. И все же накануне ему пришлось нехило набраться в честь долгожданного отпуска.

Патологоанатому в тяжелые времена мировой пандемии живется ой как несладко.

— Что за черт? Откуда он здесь? — спросил Моменто Боря невидимого собеседника, когда взгляд его упал на тело незнакомца.

Проверив пульс, врач насупился. Своих он помнил наперечет, а этот был явно не из их числа.

Пока Борис Сергеевич пытался понять, откуда в морге пополнение, Максим успокаивал маму.

— Сынок, почему ты говоришь, что с бабушкой все в порядке? Откуда ты знаешь? — спросила она мальчика.

— Знаю и все. Мы скоро встретимся.

— Он придет к нам?! — радостно воскликнула она.

— Нет, не к нам. Ко мне, — заявил младший Оциола и умолк.

Бегство Лота

Для Макса наступила горячая пора.

С утра позвонил Ромка, как обычно сонный, словно муха весной, и пожаловался, что не смог залутать город, так как в самый разгар игры зашел дед и вырубил комп.

— Да, жиза, — согласился Макс.

— Сегодня идешь в шарагу? — поинтересовался одноклассник, чавкая в трубку чем-то съестным.

Подросток ухмыльнулся и коротко ответил: «Нет». Как-никак у него день рождения и в такой день идти на учебу — грех. Посмеявшись, парни распрощались.

Макс сел перед монитором, надел наушники и включил загрузку Скана. Пока загружалась игрушка, он достал чипсы из ящика стола и зажевал хрустящие куски картошки. Теперь жизнь не казалась такой отвратной, как минуту назад, и парнишка забубнил назойливую попсовую песню, которой заразился от девчонок из школы.

Комната Максима Оциолы мало походила на обитель знаний или спальню хорошего мальчика из приличной семьи. Изрисованные граффити обои серели 3D изображениями черепов, мертвых животных и непонятных рун. Среди многообразия образов самым ярким была птица. Она стояла на мощных лапах в центре стены, над кроватью художника, и вглядывалась черными бездонными глазами туда, где покоилась его голова в часы отдохновения. Огненные крылья хищницы были раскрыты и доставали перьями до бледно-голубого потолка с лепниной в стиле барокко.

— Лучше бы порисовал. Альбом уже пылью покрылся, — посоветовала мама, встав за спиной игрока.

Максим проигнорировал слова и уставился на иконку загрузки.

— Хватит делать вид, что оглох. Папа пришел!

Лина не выдержала и смахнула наушники с головы сына. Макс чертыхнулся. Он надеялся, что одиннадцатилетие пройдет без назойливого папаши. А тут такой зашвар. Корчить радостную мину и болтать с человеком, которому ты как собаке пятая нога — дело унизительное.

Максим родился седьмого сентября, когда отец, тоже Максим, сидел на совещании в высотке Москва-Сити и пытался уломать партнера открыть очередной ресторан в Краснодаре.

— Да, тебе не расширение нужно, а поездки в город, где живет любовница и новый наследник. Так и скажи, хватит комедию ломать, — разозлившись на доводы Максима Исаева, рявкнул слишком пронизательный коллега и закурил сигару.

— Даже если так, прибыль от французского ресторана в столице Кубани никто не отменял. Это золотой проект, я тебе говорю, — бросил мужчина.

Спорить для предприимчивых коллег было привычным делом, иначе успешный бизнес не построишь. Ум, смекалка и безудержные амбиции отличали двух парней, когда бизнес открывался. Из пяти учредителей остались только они. Остальные либо спились, либо погибли, либо спились и погибли, крайне точно соблюдая последовательность действий.

— Лады, твоя взяла, — после долгого молчания согласился товарищ и затушил вонючую кубинскую гадость.

С тех пор Исаев приезжал к Лине и сыну каждые полгода, не боясь уличений жены.

Красивую и кроткую любовницу все устраивало, его — подавно.

Дома, в двухэтажном коттедже жила высокая, накаченная гиалуронкой жена Лиза, дочь известного и крайне авторитетного адмирала, и его собственная дочь, Вероника, блондинистая малышка с инстаграмным профилем и сумками от Louis Vuitton. В Краснодаре же неусыпно ждала встреч милая светловолосая Лина.

Мальчик, как две капли воды похожий на Макса, не считал Исаева частью своей жизни и с первых встреч невзлюбил чужака. Глаза, раскосые, азиатские, единственное наследство от предков любовницы, зло посматривали на отца, когда бы тот ни появлялся.

Сегодня как раз наступил день икс, когда Макс-старший прилетел в Краснодар и решил зайти на праздничный обед к отпрыску. Усталая Лина по обыкновению копошилась на кухне и накрывала на стол. Кудахтала над салатами и любимым лакомством ребенка: круассанами со сгущенкой. Увидев гостя, она побросала дела, обняла мужчину, звонко чмокнула того в щеку. Помедлив, попросила Макса подождать в гостиной, пока она позовет ребенка. Пускать мужчину в комнату было бы неосмотрительно. Во-первых, подросток мог не сдержаться и выгнать родителей, что доказало бы ее несостоятельность в роли матери, во-вторых, мрачная обстановка и раскиданные вещи показали бы на неряшливость жильцов квартиры.

— Извини, Макс, сынок только проснулся, поэтому может ворчать.

Исаев кивнул и разлегся на кожаном диване. Постучал пальцами по аквариуму на дубовом столе. Вода тихонько зажурчала пузырьками.

Прекрасное, тихое место убаюкивало.

Бизнесмен провел рукой по итальянской коже и вспомнил, как дарил мягкую мебель пару лет назад, когда старые пожитки, доставшиеся Лине от мамы, ожидаемо развалились.

Все в квартире было куплено им. Скрывать очевидный факт не имело смысла. Тем более в минуты, когда Лина позволяла себе высказывать неразумные претензии. Намек, что без его финансов воспитательница детского сада жила бы куда хуже, заставлял красавицу умолкать и идти на уступки.

Исаев закрыл глаза и тут же провалился в сладкую негу. Сквозь сон он неожиданно услышал приветствие сына:

— Ну, привет. Чего пришел?

Дремоту как рукой сняло. В голове зашумела кровь.

— Щенок! Страх потерял?! — завопил Макс-старший и вскочил на ноги, чуть не опрокинув аквариума. Его начало трясти.

Мальчишка, обронивший фразу, стоял в дверях и ухмылялся. Он знал реакцию отца, но отказать себе в удовольствии позлить воскресного папашу не мог. Тем более за спиной стояла и нервно теребила халат мать.

Пусть, в конце концов, знает, с кем связалась.

— Я научу тебя взрослых уважать! — выкрикнул Исаев и залепил пощечину Макс-младшему.

От удара парня отшвырнуло к косяку. Послышался глухой звук, который обычно бывает при ударе черепа о твердую поверхность.

Лина взвизгнула, поймала в объятия раненого, и, что-то шепча, повела в спальню. Ее парни не впервой сцепились из-за пустяка, однако раньше Макс не трогал сына. Крик и оскорбления — да, частенько раздавались в квартире, но на этом все прекращалось.

В комнате женщина положила сына на кровать и накрыла пледом. Мальчишка не проронил ни слова, с каменным лицом отвернулся к стене и затих. Мать знала, что он

страдает. Физическая боль, чувство ненужности и одиночества слились в худом теле подростка с ненавистью к человеку, которые не любил, не уважал их маленькую семью.

И зачем? Зачем она оставалась с Исаевым все эти годы? Страх перед неизвестностью? Неверие в себя? Любовь?

Какая теперь разница. Итог ее решений лежал рядом: искалеченный мальчик одиннадцати лет.

Не в силах вынести душевных терзаний, Лина направилась на кухню. Что-то нужно было делать. Срочно и незамедлительно. Только это смогло бы спасти ее от истерики и от желания вышвырнуть любовника из квартиры вместе с его самодовольством, запахом элитной туалетной воды и домашними тапочками, которые стоили в два раза дороже самого нарядного платья Лины.

— Сладкая, — услышала она сзади ласковый баритон подлеца и резко обернулась.

Макс, как ни в чем не бывало, тянул руки к ее талии, чтобы прижать податливое тело и насладиться минутами свободы.

— Отстань! — выкрикнула она и услышала грохот в коридоре.

Пара торопливо выглянула из комнаты.

Входная дверь медленно отворялась после мощного удара о косяк. Кроссовок Максима младшего, как и рюкзака, на месте не было.

— Доволен? Добился своего, эгоист?! — завопила Лина.

Уткнувшись лицом в ладони, она громко зарыдала. В эту минуту молодая женщина впервые возненавидела себя. Эгоистом был не Макс, эгоисткой была она, всю жизнь прятая за плечо старшего. Сначала этим человеком была мама, властная дама со стальным характером, а после похорон ее заменил Исаев, сильный и бескомпромиссный бизнесмен, уверенный в своем превосходстве.

Пока Лина занималась самобичеванием, Максим Оциола, подросток одиннадцати лет, мчался по лестнице, чтобы как можно скорее оказаться подальше от родителей и их тараканов.

— Ромаш, через десять минут буду, выходи, — крикнул он по ходу в трубку другу и пробежал очередной пролет.

Многоэтажка, где они проживали, находилась в двух кварталах от гимназии, поэтому дойти до одноклассника так быстро ему не составило бы труда.

Спустившись на пару ступеней, парнишка отвлекся. Телефон, как назло, не захотел залезать в карман, и Макс принялся с усердием пихать аппарат в узкую тканевую полость. Человеческая тень мелькнула рядом с перилами, кто-то ощутимо задел плечо подростка.

— Извините, — буркнул Оциола и обернулся, чтобы взглянуть на поднимавшегося.

На верхних ступенях никого не оказалось.

Смутившись, Макс ускорил шаг. Призраков и демонов из фильмов и игр никто не отменял. Мало ли какая дикость шныряла в элитной новостройке и ждала случая пообедать человеческим детенышем.

Накрутив себя страшилками, Макс вылетел из подъезда, словно ошалелый орангутанг. На улице оказалось тепло и солнечно. Гуляли старушки с собаками и мамочки с малышкой. Первые пожелтевшие листья шелестели от легкого ветерка и тихо падали на деревянные лавочки. Ничто не предвещало начало Армагеддона.

Люди и шум машин успокоили именинника, и он неспешно побрел к гимназии.

Бакинская 25 располагалась совсем близко от городского парка. Кованые ворота,

разноцветные клумбы с флоксами и петуниями, улыбчивые дети на фото у крыльца располагали гостей к соответствующему настроению. Гостей, но не гимназистов, многие из которых презирали родные пенаты похлеще утренней овсянки и первомайских выступлений местных звезд.

Напротив гимназии, через шоссе, стояли гаражи. Часть из них давно разрушилась и больше походила на руины советского постмодернизма, другая часть была перестроена и обновлена. Предприимчивые собственники использовали постройки в качестве складов и ремонтных мастерских.

Макс и Ромка договорились встретиться именно там. Школьники частенько терялись среди землянок, дабы спокойно покурить или устроить драку между главными задирами классов.

Сегодня Макс планировал преступление номер один. Для этого он вытащил из портмоне отца помятую пачку и запрятал в карман джинс несколько сигарет.

Друга еще не было. Парнишка вышел к заброшенному гаражу с надписью на воротах «Вход воспрещен». За обвалившейся стеной из красного кирпича он сел на импровизированную лавочку, закрыл глаза и, наконец, выдохнул.

— О, кого я вижу!

Рыжеволосый, веснушчатый Ромка похлопал Макса по плечу и присел рядом. От резкого приседа кудри первого подпрыгнули.

Макс, не открывая глаз, вытащил сигарету и подал новоприбывшему.

— Нее, не в кайф. У меня есть кое-что поинтереснее.

Оциола поднял веки и с насмешкой уставился на Ромку. Тот был известным сказочником и частенько заливал истории, над которыми потешалась вся гимназия. Так что ж он придумал на этот раз?

— Колись, френд. Что притащил?

Рома, по очевидной причине прозванный Рыжим, вытащил самокрутку из газетной бумаги и подал однокласснику.

— В честь дня рождения презентую вкусняшку!

Макс недоверчиво покосился на «вкусняшку», поджал губы. Мало ли что принес друг. Чай, полынь или другую гадость, чтобы прикольноуться. Проверять парню совсем не хотелось.

— Кринж словил? — засмеялся парень. — Не бойсь, натуральная вещь. У старшего братана стырил.

Ромка подпалил самокрутку и смачно затянулся. Слегка закашлявшись, он подал папиросу Максиму. Бледные щеки подростка порозовели, и глаза заблестели ярче обычного.

Максим взял подарок и последовал примеру товарища. Раз Ромка не побоялся попробовать эту гадость, то ему сдрейфить никак нельзя. Вдохнув едкого дыма, совсем непохожего на тот, к которому он привык за полгода посиделок за гаражами, парень кашлянул и зачесал нос.

Голова внезапно закружилась, ноги стали ватными. Парень слегка испугался, попытался подняться, но не смог. Мир вокруг резко изменился, калейдоскопом переворачиваясь в новых, неизведанных комбинациях.

Из-за развалин показалось белое существо, похожее на зефирину, и медленно подплыло к ноге Макса.

— Ты тоже его видишь? — взвизгнул Макс и толкнул в плечо Ромку.

— Кого? — удивился тот и совсем глупо, по-детски рассмеялся.

Из пожухлой травы гаража напротив высунулось с десятков таких же существ. Белесые тельца, толкаясь и сбивая друг друга, двинулись в сторону ребят. Вместо глаз и ушей, крошечные твари имели углубления в форме воронок, во рту виднелись острые, почерневшие зубки.

Первый зверек поднялся до бедра Макса, злобно пискнул и прижался ртом к правому локтю.

Мальчик вскрикнул от резкой боли и испуга, схватил хищную тварь и попытался оторвать от руки. Безуспешно. Челюсть зефирины, сродни ротовому аппарату пиявки, вгрызлась в кожу и начала медленно высасывать живительные соки.

Подросток подпрыгнул на месте, стал крутиться, извиваясь всем телом, словно змея. Что делать, он не знал, а друг помогать не собирался; лишь сильнее смеялся при виде его кривляний. Определенно Ромка не видел того, что лицезрел Макс, иначе бы не вел себя так беспечно.

— Пора, Мар, пора, — затрещали неприятными, деревянными голосами остальные зефирины. Заволновались, задвигали пухлыми отростками конечностей.

Скрипучие голоса, издаваемые ими, мало походило на людскую речь, но Максиму почему-то были понятны слова, которые они выкрикивали.

«Это они ко мне обращаются? Почему Мар?» — подумал подросток.

Электрические импульсы в мозгу замедлили свой бег до минимума. Видимо, наркотик в самокрутке возымел действие на организм, но то, что злобные твари были плодом его фантазий, Оциола отверг. Больно живыми и реальными казались зефирные человечки.

Стиснув пальцами противоположной руки белесую пиявку, парень рванул скользкое тельце влево. Раздался писк. Тварь оторвалась и взорвалась в руке, словно тубик с пастой. Холодная жижка внутренностей поползла по коже неприятными зудящими соплями.

— А-а-а-а, — закричал Максим, стряхивая гадость.

Ромка, который вот уже минут пять хохотал над товарищем, смахнул слезы с глаз и почесал заболевший живот. Таким Макса он никогда не видел и это немного пугало. Хотя и было смешно до колик.

Обычно сдержанный, Оциола заставлял одноклассников трепетать от страха. Своим приходом он производил эффект взорвавшейся бомбы: все ребята, кроме Ромки, пугливо прятали глаза и усаживались как можно дальше от пассивного агрессора. Получить оплеуху или разбитый нос от Маска было делом привычным даже для девочек, стоило спросить про его семью или назвать Мышью.

То было до сегодняшнего дня. Сейчас же Максим походил на загнанного зверя.

Мышино-серые волосы, из-за которых его нередко обзывали в младших классах, растрепались и взмокли от пота, в черных глазах застыл ужас. Кожа смуглая с красными точками подростковых прыщей побледнела.

Схватив рюкзак с земли, испуганный парень метнулся к дороге. Кирпичи под ногами, пожухлые кусты ничуть не смущали беглеца. Он перемахивал через преграды молодым сайгаком. Летел, что есть сил. Когда показался забор гимназии, и до асфальта осталось не больше десяти шагов, в груди кольнуло.

Земля закружилась и рухнула.

С усилием открыв глаза, Макс понял, что это не земля упала ему на голову, а он свалился на нее и не может пошевелиться.

Прошла секунда, другая. Тьма окутала подростка, и он отключился.

В следующий раз, когда Оциоле пришлось поднять усталые веки, земли под ним не было. Точнее, ее заменила кровать с дурацким покемонным бельем трехлетней давности и мокрой от пота подушкой.

Родная спальня встретила парня не особо приветливо. В ней находились трое: набыченный папаша с мамой и мужчина в белом халате.

Врач хмыкнул.

— Будет жить. Не волнуйтесь, — начал он и бросил укоризненный взгляд на кровать. — Выйдем. Пусть отдохнет.

Когда дверь захлопнулась, Макс спустился с потертых простыней и на цыпочках подошел к двери. Голова перестала кружиться, и уже почти не тошнило. За здоровье он не беспокоился. А вот отношение доктора встревожило не на шутку. Интересно, что он скажет предкам?

За дверью кто-то кашлянул. Мать шмыгнула носом.

Низкий, старческий голос начал поучительную лекцию:

— Легкие наркотики в виде самокруток — это только начало. За мальчиком надо следить. Знаете, какие изменения в мозгу от этих вещей? А-а-а, не знаете. А я вам скажу: через год-другой не узнаете своего пацана: двойки, девиантное поведение, рукоприкладство.

После слов о рукоприкладстве мать ожидаемо заныла и начала всхлипывать чаще. Отец выругался.

— Соберитесь, женщина. Не время плакать, надо действовать, — продолжил противный старикан. — Вот номер нарколога. Дети не занимается, но, может, что посоветует. Мне бы тоже вас зарегистрировать, мало ли.

Папаша резко прервал доктора:

— Василий Иванович, мы-то вам позвонили для того, чтоб история осталась секретом. А вы регистрировать собрались. Нехорошо. Сколько с меня? Тысячу, две?

Старик помедлил.

— Максим, побойтесь Бога. Таких расценок лет пять, как нет.

— Евро, Василий Иванович. Вы неправильно поняли.

На этот раз знакомый отца довольно заурчал. Максимум показалось, что улыбнулся. Зашелестели бумажки.

Не успел Макс добежать до кровати, как дверь открылась и в комнату вплыла Лина. Большие грустные глаза с беспокойством проследили за движением сына, прячущимся под одеяло. Послышался вздох.

Не в силах больше держаться на ногах, мать сделала несколько шагов к кровати Макса, отчего тонкий халат с веткой сирени, расцветающей на подоле, заиграл светом заходящего солнца. Села на самый краешек.

Уголки губ понуро опустились.

— Перестань, мам. Уже все нормально, — прошептал Макс, выглянув из-под одеяла, и протянул к ней руку.

Лина разомкнула губы, чтобы ответить гневной тирадой, ибо ничего нормального в сигаретах, побегах и хамстве она не видела, но ее прервал стальной голос Максима-старшего.

— Нормально? Ты куришь за гаражами! Это нормально? Опозорил меня, мать, и это тоже нормально? Неблагодарный выродок, — последние слова он произнес с таким

отвращением, будто говорил не о своем ребенке, а о паразите или неизлечимой болезни, которая вызывает мучительные нарывы и распространяет вонь.

Макс вскипел из-за грубости папаши, все нутро его начало клокотать и гореть. Он вознамерился препираться с Исаевым до конца, чтобы хоть на время заглушить душевный вулкан, который то и дело вырывался в последние годы.

Как смел предатель и лжец поучать? За что такая несправедливость?

Брови парня сошлись к переносице. Губы искривились в немой истерике. Рот открылся, чтобы выплеснуть ушат грязи, но... Тут же закрылся обратно.

Из-за левой ноги Максима-старшего выглянула гиена.

Рыжее, с черной мордой и пятнами на холке, несуразное существо сидело чуть позади человека и чавкало приплюснутой челюстью. Слюна тонкой струей спускалась по подбородку и капала на бежевый ковер.

Животное посмотрело на подростка, неприязненно повело мордой и пискнуло.

Звук был незнакомым, резким, такого парнишка еще не слышал, но ему показалось, что гиена чем-то недовольна. В недовольстве своем она была до крайности категорична потому, что секундой спустя издала свистящий рык и подняла верхнюю губу.

Максима пробил мелкая дрожь.

Для одного дня количества галлюцинаций было предостаточно. Мало того что в гаражах разгуливал зубастый зефир, так теперь по квартире шастала зверюга из саванны с осуждающей миной и зубами настоящего хищника.

Конечно, если он начнет тыкать пальцем и кричать про гиену в комнате, его, сто процентов, отправят в дурдом. Поэтому ничего не остается, как переждать и затаиться.

Разумней было молча смотреть на африканского гостя и ждать, пока он уйдет по собственному желанию.

Когда это случится? Наверное, как пройдет действие наркотика, или когда гиене надоест гостить в многоэтажке...

Пока Макс-младший раздумывал над поведением зверя, старший, не замолкая, горланил о своей участи отца. Он столько времени и денег потратил на отпрыска, а тот вел себя так, будто забыл, благодаря кому существует на земле. И существует, надо сказать, вполне сносно. Велосипеды, сноуборды и самокаты, компьютеры и планшеты менялись в арсенале парнишки со скоростью света. Все, что хотел, на что указывал в магазине, покупалось незамедлительно. И каков итог?

Исаев замолчал и смахнул капли пота со лба. Красивое лицо его покраснело от возмущения и переизбытка тестостерона.

— Итог один: неуважение! Но на этот раз ты получишь по заслугам! — выкрикнул он и расстегнул ремень из хорошо выделанной змеиной кожи.

Как только язычок выскочил из отверстия, сидящая гиена поднялась.

Лента скользнула из шлевок, и зверюга, словно услышав чей-то приказ, заверещав, прыгнула на кровать. Матрас тяжело провалился, но ни мать, ни отец этого не заметили. Один все так же, как и раньше готовился задать ему взбучку, а другая, потупившись, рыдала.

Не в силах сдерживаться, Макс подскочил.

Бежать было некуда. На кровати расположился падальщик, который безотрывно следил за каждым движением парня, а на полу стоял гневливый родитель с ремнем в руках.

Забившись в угол, паренек зажмурился и прикрыл руками лицо. Его ждала смерть или побои, но так или иначе, выбирать приходилось из плохого и очень плохого. Пускай решит

судьба. На все ее воля.

Гиена подняла верхнюю губу выше, меж желтых зубов появилась слизь, которая запенилась и полилась на одеяло густыми каплями рвоты. Что-то неестественное, потустороннее было в этом действе, мертвое до глубины естества. Будто в дом притащили гниющую рыбу.

Да, так и было. Разве нет?

Наконец, Макс осознал.

Зверь, который готовился в любую секунду наброситься и разорвать жертву, не относился к миру живых. Мутные глаза и трупная вонь выдавали в нем нечто иное.

Марионетка, вот что явилось перед внуком Асяя. Зомби, которым управляла злоба отца.

«Неужели дед и вправду видел такое?» — пронеслось в голове Максима. Зрачки расширились. Ошеломленный, он не удержался на краю кровати и, запутавшись в ткани, повалился на подушку и стол, что стоял впритык к изголовью.

Исаев, который занес ремень, чтобы как следует отстегать непослушного юнца, в ту же секунду рванул к телу парня, испугавшись за его голову, летевшую прямо на край крышки. Поймав мальчика, он выдохнул от облегчения. Всего на секунду. Пока не заметил алые потеки на руках.

Кровь. Повсюду была кровь.

Нет, Макс-младший не долетел до стола. И в постеле не было намеков на твердые предметы. Просто из ушей, глаз и носа одиннадцатилетнего паренька беспричинно потекли струйки горячей жидкости. Пятна безобразно расплылись на синем рисунке постельного белья.

Лина с обезображенным от ужаса лицом метнулась на кухню за салфетками.

Где-то поблизости загудел в истеричном звонке мобильный. В коридоре, вторя собрату, пискнул планшет. Даже заранее отключенный айфон Исаева тревожно завибрировал в кармане. Электроника сошла с ума в тот самый миг, как из паренька хлынули потоки.

— Что за черт? — задал в пустоту вопрос мужчина и сильнее прижал тело сына. Как ни был он зол на сорванца-подростка, но такого не желал никогда.

Бледный Макс что-то зашептал и начал мотать головой. Присмотревшись, Исаев понял: тот в обмороке.

Для людей из Срединного мира этот припадок был реальным, ведь Максим не играл. Он в самом деле отключился, бессвязно лепетал бессмыслицу, закатывал глаза и невпопад дергал конечностями.

Для самого же парнишки реальность исчезла, и ее место заняло нечто иное. Грезы, вымысел, далекие вселенные сплелись в беспорядочной круговерти ирреальных событий, заставили лицезреть то, чего не могло быть на Земле.

Открыв глаза в своем новом сне, Максим увидел, что все также лежит на кровати, родители недвижно сидят в ногах. Вместо вычурно-немодного потолка, который так любила мама, висит перевернутая комната. Нет, не комната, зала. Бальная зала из фильмов о гусарах, дворянских барышнях и русском царе.

Пол комнаты-спутника стал потолком и складывался из мраморных плит, подобно шахматным клеткам. Он блистал, начищенный до состояния зеркала, от сотен свечей в канделябрах. Белые колонны у стен упирались капителями в пустоту там, где когда-то висели карнизы. Арочные окна, статуи дам и воинов, розовые кусты на подоконниках — все в перевернутом мире сияло совершенством и роскошью. Все, кроме человека в центре залы.

Он пугал.

И причиной этому была столь явная вещь, что бежали мурашки.

Высокий и широкоплечий, он принадлежал к расе химер. Получеловек-полуживотное; имитация разума и души в знакомом образе двуногого походила на венца природы довольно сильно, если не замечать отдельные черты.

Опасным или дружелюбным был новый гость галлюцинаций, сказать затруднился бы любой, но массивный торс и лапы с изогнутыми когтями устрашали. Хищник в военном мундире вот, кто предстал перед парнишкой.

Тряхнув головой, офицер поднял голову и посмотрел наверх. Взгляды пары встретились. Каким бы грозным ни показалась химера вначале, но Оциола понял, что на него смотрят глаза разумного создания, не мертвые и пустые, как у гиены, а живые, с озорным блеском, хитрецей.

Паника тут же отступила, уступив место любопытству и какой-то невообразимой приподнятости настроения.

А создание, тем времени, неспешно изучило черты лица дитя и, также успокоившись, расслабилось. Белая шерсть на макушке легла на место, разгладилась.

— Пора, друг, пора, — неожиданно проговорил зверь басом, повернулся и зашагал к выходу.

— Куда?! Куда пора, ие-кыла? — закричал ему вслед Максим, подскочил на постели и потянулся к офицеру с мордой обычного белого медведя. Тот, словно не услышал вопроса, хлопнул створками дверей и исчез в пустоте.

Душа Макса треснула, больно заныла. Химера, которую он впервые увидел несколько минут назад, стала вдруг такой родной. Ее сила и мощь, неизмеримая стать придала храбрости мальчику, заставила расслабиться даже сейчас, в обстановке незнакомой, абсолютно чуждой.

Почему ие-кыла? Что это? — вспомнил он свои же оброненные вопросы и с тоской посмотрел на закрытую дверь. Ответить ему смог бы только один человек. Тот, которого не стало семь лет назад. Колдун, шаман и дедушка Макса, — старый Асай знал все о мире духов. И белого медведя он тоже мог знать.

Парень чуял, что без помощи деда и белого медведя жизни в реальности ему не будет. Гиены, белые паразиты — это лишь начало, и дело не в наркотиках, дело в нем. Что-то проснулось внутри Макса. То чего боялась Лина и чем гордился старый Оциола.

Куда ты, ие-кыла! Вернись, — услышал Макс свой же голос издалека, открыл глаза, наполненные слезами и понял, что лежит на постели в полной темноте.

За окном мерцали звезды, лаяли местные псы во дворе, а в ногах, где в фантазиях сидели восковые фигуры родителей, свернувшись калачиком, спала мама. Ее посапывание навевало дрему, отчего через минуту подросток уснул.

Эта ночь была последней, когда семья принадлежала друг другу. Исаев уехал и в квартиру вернулся семейный уют, которым окружили себя двое одиноких, потерянных человека. Кроме того, эта ночь стала самой теплой для них и самой короткой.

Проснувшись с утра, Максим накинул свое одеяло на мамины плечи, доел торт именинника и, собрав в рюкзак самое необходимое, вышел из квартиры. Неслышно прикрыв за собой дверь, он начал спускаться.

Поверх футболки он накинул ветровку и натянул капюшон так, чтобы прохожие не заметили синяков под глазами. В полупустом рюкзаке гремели телефон, карандаши и

альбом с набросками, в кармане побрякивали ключи и складной нож.

Центральный парк, куда держал путь подросток, оказался пуст. В шесть утра мало, кому пришло в голову выйти на прогулку, только у площадки для выгула собак бродили сонные хозяева с такими же невеселыми питомцами.

Зеленые поляны сменились хвойными зарослями. Сквозь жесткие иглы сосен проглянули яркие вкрапления цветочных клумб.

Макс спустился к пруду.

Когда дорога легла через палисадник, Оциола присел у пушистых астр, вдохнул их сладкий запах и улыбнулся. Как жаль, что наступила осень и совсем скоро зелень превратится в омертвевший мусор, который соберут в тачки и вывезут из города.

— Но за осенью и зимой наступит весна, — с надеждой подсказал внутренний голос.

— Наступит, но не для меня, — ответило внутреннему ребенку эхо поколений.

Максим встал и обошел небольшой яйцевидный пруд.

У пожелтевшего клена он снова присел, вытащил нож и стал копать. Когда острие уткнулось в корень, мальчишка отбросил металлического помощника и принялся грести из углубления влажную землю. Под корнем блеснула коробка. Вытянув ее на изумрудный ковер травы, юный путешественник снял крышку и приподнял белый сверток, прятанный на дне. Когда-то, лет шесть назад, они с мамой пришли сюда, чтобы спрятать от мира кусочек уродства, которое досталось мальчику при рождении, теперь же настал день принять себя полностью.

Дернув за угол, Макс развернул ткань и поднял с нее маленькую косточку. Шестой палец с левой ноги, бережно удаленный хирургами у новорожденного Максима почти одиннадцать лет назад.

Как только лучи солнца коснулись кусочка кости, поднялся ветер, и парковые фонари резко вспыхнули. Макс зажмурился, прекрасно понимая, что очнуться в Краснодаре ему уже не суждено.

От непривычной мысли глаза невольно распахнулись. Но... Что бы ни нашептывали ему голоса, Максим-младший все так же стоял перед золотистым кленом и пялился на знакомые ветки.

Неожиданно он зарычал, схватил камень с промёрзшей земли и запулил в дерево.

— Лажа! Ты все врала! — заорал он гневно и пригрозил дереву кулаком.

Клен, как и ожидалось, не ответил, да и отвечать маленькому каму не имело смысла. Как только тот отвел взгляд от ствола и осмотрел местность, сразу понял, что деревья никогда не врут.

Четыре апостола

*Кам есть аватар Бога, им созданный и вдохновленный.
Через него Всевышний ведет беседу, дабы вселить в нас,
послушников и греховников,
веру в себя и в провидение.
Бойтесь бунтовать и молитесь о покаянии.*

*Милена Амбросия, кухарка и верноподданная
кесаря Филиппа XIV короля Умбрии.
«История Умбрии», том 5.*

*Бакиа (камшун) уродился от диавола самого.
Бесноватый отрок темного племени.
Сила его, гадами скверными преумноженная,
разрубила сердце чистое и посеяла великое горе на земле.
Как погиб лучезарный Ло, так нет среди нас покоя и радости.
Не сотвори оного, было бы иначе.
За деяние прокляли предки бакишу,
и ходит с тех пор сын бесстыжего с душами многими.
И отражается в них, аки в зеркале, все зло мира.*

Писание монаха древнего царства Коюн Васа Тишайшего.

*Эй, шаманы, маги, экстрасенсы и подобные вам,
испытайте себя!
На мне испытайте!
Не вините, если невинного погубите.
Покажите, на что способны!*

*Пантелей Камриди, писатель и греческий философ XXI века,
отрывок поста о лженауках и паранормальном.*

Клен шуршал под порывами ветра пожелтевшей листвой, приветствуя новобранца из Срединного мира, где когда-то жил Асай. Ветви дерева, толстые, кривые, словно пальцы старика, чернели на фоне золотой кроны.

Внизу, у корней, был спуск. Между двух каменных глыб, влажных, с обсыпавшимися краями шла узкая тропа и терялась в тумане. Что было там, в молочной дымке, Макс не видел. Но был уверен, что находится в горной местности и довольно высоко: порывистый ветер, подгоняемый свободой ландшафта, леденил открытую кожу и заставлял периодически съезживаться.

Парень чертыхнулся, засунул руки в карманы ветровки и крепче сжал сверток с косточкой. Убраться из родного Краснодара у него получилось быстро и безболезненно, только куда перенеслась брэнное тело и душа теперь, он не представлял. Фантомы прошлой

жизни, к сожалению, инструкций не дали.

Это удручало.

Из дымки вылетела птаха и, весело защебетав, села на ветку. За подругой подтянулась еще парочка и также уселась неподалеку в густой листве. Теперь малыши запищали куда громче и дружнее.

Своим гомоном они призывали новых товарищей. Те не заставили себя долго ждать и через секунду вынырнули из серой пелены, порхая и кружась вереницей белых галочек, крохотных звезд. Сотня веселых, юрких малышей сначала разлетелась по клену, словно снежный поток, затем, успокоившись, присела на верхушку деревянного старца.

Макс улыбнулся и взгляделся в крылатых гостей.

На воробьев, знакомых ему из земной жизни, птицы не походили. Маленькие головки с крошечными клювиками плавно переходили в неширокие грудки и компактное, удлиненное тельце. Раздвоенный хвост торчал стрелой.

— Ласточки, — наконец, опознал Макс птиц в белом оперении.

Правда, раньше он видел только черноголовых представителей семейства, но белые мало от них отличались, только расцветкой: тот же клюв, бусинки глаз и веселый, бойкий нрав.

— Хай, — поздоровался мальчик по-свойски и решил не терять времени на крылатых, а как можно скорее спуститься по тропинке.

Внизу, в тумане его ждал новый мир, поэтому сидеть и разглядывать только маленький кусочек новичку не хотелось. Чем быстрее вселенная примет гостя, тем будет легче найти помощь и освободиться от назойливых привидений.

Парень сделал несколько шагов к тропе. Приготовился прыгнуть через валун, лежащий между ним и дорожкой, но резко остановился. Кто-то или что-то не дало ему двинуться с места.

Посмотрел назад и скривился.

Сетчатый карман рюкзака зацепился за нижнюю ветку клена, ловко переплетаясь нитками с крючковатыми выступами на коре.

Психануть и сломать кленовую ветку, вот чего больше всего возжелал Макс в эту секунду. Преграды, вечные преграды... Даже здесь не давали покоя.

«Почему нет? Кто помешает?» — решил он и незамедлительно исполнил свое намерение. Раздался хруст, кусок дерева полетел под ноги. На промерзшую землю посыпались остроконечные листья.

От резкого рывка не устоял и сам виновник беспорядка. Он грохнулся назад, больно ударившись спиной и левым боком об острые пирамиды в каменистой почве. Раздался звук, похожий на треск ломающейся ветки, и Макс вскрикнул. Внутри, в самом центре раненой руки, начала расползаться неприятная, ноющая боль. Она усиливалась, перетекала по клеткам, неповоротливо соединяясь с потоком крови. Запульсировала.

В обычной жизни, когда случались падения и ушибы, парнишка почти не плакал и не жаловался. Да, было больно, но еще большее было продемонстрировать слабость. Особенно перед одноклассниками. Жалкими, тупыми и наивными детьми, которые ничего не понимали во взрослой жизни. В том, как может быть одиноко, тоскливо с пачкой денег в кармане и крутым мобильным в руке.

Здесь же, далеко от родных мест, он позволил себе расслабиться и расплакался, как самый заурядный ребенок его возраста. Все равно никто не услышит. Тогда зачем скрывать

эмоции?

Из густого тумана на тропе показалась высокая, широкоплечая фигура и без труда зашагала вверх по склону к плачущему Максиму.

Гость, казалось, не замечал скользких камней и мха под ногами, ловко маневрируя между опасных мест. На плечах его была накидка из звериной шкуры и ляжки из витой бечевки, которые держали самодельный рюкзак. Подтанцовывая движениям ног, вещевая сумка грозно брэнчала спрятанной сталью. На поясе тоже висел стальной предмет: огромный тесак с деревянной, плохо обтесанной ручкой.

Не успел Макс опомниться, как оказался на руках мужчины.

Хотел закричать, но не смог. Рот словно клеем намазали.

— Успокойся, я не убивать пришел, — на ломанном русском проговорил спаситель и повернул к парню лицо.

Подросток поднял взгляд и его затрясло. Губы внезапно побелели. Вместо человеческих черт он увидел плоскую, овальную маску бледно-желтого цвета с двумя узкими прорезями на месте глаз. Полированное безличье играло бликами, кривым отражением тумана и валунов. Жуткий образ дополняли седые пакли волос, неряшливо сплетенные в мелкие косички над ушами.

Упершись руками в широкую грудь спасителя, Макс начал толкаться. Ужас, недоверие, боль превратили юнца в зверька. Испуганную мышь в амбаре со сварой котов.

— Не бойся, — повторил седовласый, поправил неугомонную поклажу и начал спускаться.

Силы и решимость стремительно покидали Макса, но он сражался до конца. Может, попытки и привели бы его к чему-то дельному, если бы он перед очередным взбрыком не повернул голову и не увидел, что дымка на пути рассеялась.

Оциола и незнакомец находились теперь на относительно плоской части предгорья. А сзади в паре километров от них начинался резкий подъем, который плавно перетекал в высокую пирамидальную гору. На вершине этой пирамиды блистали ровные полосы снежного налета.

Впереди, под тропинкой, открывалось еще одно чудо: каменные лепестки из горных цепочек и долин. Обнаженные породы их пиков так же, как и центральная гора, были покрыты снежными пластами, а чаши низменностей зеленели травой и редкими деревьями.

— Нам туда, — указал спаситель на одну из долин.

Макс, совершенно забывший о побеге, взглянул, куда указал седой, и охнул. В самой широкой долине было с десятков построек. Совсем крошечные отсюда, они походили на жилища муравьев.

«Городом это не назовешь, на деревню потянет» — подумал парень и сильнее схватился за мех накидки.

— Стойбище, — уточнил мужчина в маске и замолчал.

Его молчание длилось довольно долго; они провели в тишине часа три, не меньше.

У мальчишки оказалось немало времени, чтобы поразмышлять над своим путешествием и о том месте, куда он нарочно или нет, но прибыл. Природа, растения были земными. Да, не теми, что видел он на родине, но очень похожими на картинки в учебниках географии. И практически клонированным с видео о Сибири, которым пичкали школьников перед выпускным экзаменом в четвертом классе.

По дороге попадались ржавые от холода кусты смородины и шиповника, пурпурные

барбарисы. В расщелинах на скудной почве расползались мхи всевозможных форм и размеров.

Белых ласточек не было видно. Наверное, они остались выше и сюда спускаться не стремились. Вспомнив о них, паренек вдруг понял, что птицы исчезли еще раньше. Они будто растворились в воздухе, как только появился незнакомец. Быть может, тоже нереальные, как видения дома, на родине? Как знать.

Мужчина в маске перепрыгнул ручеек, присел и приказал Максу напиться. К вечеру они придут к людям, а до того момента парень должен набраться терпения и сил.

Новичок кивнул.

Ему подали самодельную деревянную кружку, выуженную из мешковины рюкзака. В замасленной посудине плескалась чистая, ледяная вода. Раненый с жадностью заглотил живительную влагу и отер лицо рукавом ветровки.

Сладость водицы ручья удивила. Еще больше поразило, с какой бережностью седоволосый перевязал тряпицей из вещь-мешка сломанную руку и туго примотал конечность к торсу. Опытные руки сделали дело так быстро, что Макс не успел испугаться, только пискнул пару раз в самом конце. Да и то напоказ. Приятно же, когда о тебе заботятся и жалеют.

— Пора, — бросил спаситель, как только с делами было покончено, и снова поднял Маску на руки.

В этот раз нести мальчишку оказалось тяжелее. Это почувствовали оба. Мужчина то и дело вздыхал, останавливался, но маску не снимал. Будто не чувствовал, что лицо прикрывает неудобная пластина.

Незнакомец, прочитав мысли новенького, уточнил:

— У тебя тоже будет такая, если захочешь. Она из кости священного животного.

— Какого? — спросил Макс неожиданно.

— Своего — не назову. Запрещено. А ты о своем узнаешь позже.

С наступлением сумерек путник и поклажа добрались до деревни.

Спаситель едва переставлял ноги и часто дышал. Если бы не стражники у защитных столбов, он упал бы и размозжил себе или парнишке череп. Но, хвала небесам, жители подросли и вовремя поддержали их.

Мальчик мирно спал, когда шершавая рука похлопала его по щеке, и кто-то тихо позвал:

— Ма-а-а-кс.

Сквозь сон подросток оттолкнул говорившего.

Когда невыносимо ноет рука и тело в синяках, разговаривать не хочется. Даже с главой камов и великим шаманом белого рода.

— Ма-а-а-кс, — снова послышалось в голове мальчишки, и неожиданно в его сон, где царили тишина и покой, ворвался белый олень с маленьким торнадо из снега, застрявшим между огромных, царственных рогов.

— А-а-а! — закричал Макс и подпрыгнул с меховой подстилки, в которую был завернут, словно в пеленку.

Темноволосый мальчик на соседней лежанке недовольно поморщился. Тени от складок под закрытыми глазами стали четче и длиннее. Щеки надулись. Он сидел в позе лотоса и пытался медитировать, пока новичок не вскрикнул и спугнул настрой. Приоткрыв один глаз, парнишка спокойно спросил:

— Чего орать-то? Первый раз руку ломаешь?

Макс кивнул.

— Понятно. Не бойсь. Здесь тебя мигом вылечат. Им больные ученики не нужны, — уже добродушной заверил юный йог и открыл второй глаз.

На вид новому знакомому было не больше двенадцати. Упитанный до состояния шара, он производил впечатление добряка и славного парнишки. Над такими детьми очень часто издеваются старшие и одноклассники понаглее. Макс сразу понял, с кем имеет дело. Буквально вчера он сам третировал пухляка Сафронова и рисовал маркером на его парте. Сегодня Петька пришел в теле азиатского парня и улыбнулся добродушной улыбкой, еще не зная, какое чудовище лежит рядом.

Ссориться с пухляком не имело смысла, особенно со сломанной рукой, поэтому Оциола приветливо кивнул. Смуглая кожа и кеды в иероглифах выдавали в подростковом возрасте напротив чужестранца. В Краснодаре Максим не видел таких. Заинтересовавшись моднявым прикидом, парень выпалил:

— Зачетные кроссы.

И, действительно, белая обувь с толстой подошвой смотрелась дорого и необычно. Особенно в том жилье, где разместили ребят.

— Спасибо. Асаши, — гордо выпятив грудь, похвалился хозяин знаменитым брендом. Макс промолчал.

— Ты откуда? — наконец, спросил краснодарский гимназист.

— Токио, район Сибуя. А ты?

— Краснодар, Бакинская.

Толстяк озадаченно сдвинул брови и, очевидно, задумался. Не найдя в стриженной под ежик голове ни намека на воспоминания о Краснодаре, он всплеснул руками:

— Это — Испания, правда?

— Почти.

Макс не стал ничего объяснять. Краснодар, и Краснодар. Какая разница? Здесь, в ином мире, страны и города ничего не значат. Ведь они как-то общаются, хотя японский и русский совсем не похожи.

— Россия, — услышал краснодарец мужской голос за спиной японца.

На него выглянуло светлокжее существо с абсолютно белыми локонами до плеч и светло-голубыми, словно лед, глазами. Из ярких пятен на снежноликом были пропитавшаяся кровью плечевая повязка и алая рубаха до колен.

— Меня Николасом зовут, а этого..., - альбинос кивнул на смуглого, — этого — Акаем. Он — японец, я — индеец, а ты, если правильно понял, русский?

Максим облегченно выдохнул. Несмотря на странную внешность, новый, третий в этом мире знакомый появился кстати. С ним-то он точно найдет общий язык.

Парни решили познакомиться, рассказали о себе. Поведали, кто сколько мог и как хотел. Трудно быть одному в чужом мире, но и тайны души раскрывать не легче.

Оказалось, что Ник живет в Америке вместе с папой. Мама умерла, когда ему было меньше трех, поэтому он ее почти не помнит.

Шин Удхани увез маленького Николаса с родины в надежде забыть жену и построить бизнес на торговле элитным индийским чаем. Хватка и недюжинный ум брахмана произвели должный эффект. Бизнес развивался, поднимая семью по социальной лестнице туда, где они привыкли находиться в далекой Индии.

Акай Сада — парень из многодетной семьи зажиточных торговцев морепродуктами.

Жил с родителями и тремя братьями в традиционном особняке, доставшемся от бабушки по материнской линии, и учился в сибуйской школе для мальчиков. К двенадцати годам он в совершенстве знал японскую поэзию, древнегреческий и какой бренд планшетов самый крутой сегодня. Какой — самый прочный.

— Откуда такие подробности? — деловито поинтересовался Николас, даже не взглянув на нового товарища. По брезгливой мине индеец Макс понял, что тот едва сдерживается, дабы не навалить толстяку.

— Поэзию я люблю, древнегреческий знаю, потому что учитель — маньяк заставлял нас читать книги Платона и Гомера на мертвом языке. А планшеты — главная забава в нашей школе для таких, как вы.

Подростки недоуменно переглянулись. Акай, пыхтя, поднялся со своей лежанки и совершенно обыденным тоном закончил:

— Они проверяют прочность своих учебных гаджетов об голову и задницу таких, как я. У кого планшет прочнее, тот получает обеденные талоны остальных спорщиков.

Николас захохотал и тут же скорчился от боли. Видимо, рана дала о себе знать. Макс промолчал, потупившись. Очередь рассказывать свою историю дошла до него. В отличие от предыдущих ораторов ему было нечем поделиться. По крайней мере, так считал парень. Поэтому он кратко сообщил, что учится в гимназии, мама — медсестра. Звезд с неба не хватает, но неплохой баскетболист.

— А папа? — перебил Акай.

— Нет у меня папы. Летчик-испытатель. Погиб при важном государственном задании.

Акай покраснел, насколько могла краснеть его смуглая кожа, и извинился. Он предложил выйти из лачуги, где лежала тройца, и посмотреть, куда же они попали.

— Вы тоже не знаете, где мы? — уточнил Макс. Он последним оказался среди ребят и думал, что те хоть что-то разведали об этом месте, но надежды не оправдались. Ни один из них не имел представления о новой Вселенной.

Последним воспоминанием с Земли у индеец стала отцовская открытая вечеринка с бассейном, в который он на спор нырнул. Японец Сада вспомнил только то, как сел у могилы погибшей сестры. Закрыв глаза в молитве.

Мальчики выглянули из-под занавеси, плотно закрывавшей вход в помещение. Свободно вдохнули морозный воздух и огляделись. Рядом не было ни души.

Хижина, где они лежали на деревянных циновках, покрытых мехами, стояла в центре поселения. И не хижина это была, а юрта, без углов, полусферической формы, с конусом в центре крыши. Жилье казалось огромным, заполненным незнакомыми рисунками на плотной холщевой ткани, служившей ей стенами и потолком.

Вокруг, по периметру расположились такие же шалаши разных размеров и цветов. Лишь на центральной площадке, где вместо земли кто-то рассыпал речную гальку, одиноко стояло строение из неровных обломков камня. Куски породы сложили гениальные руки, и хаос превратился в высокую мозаичную башню. По основанию его расползлись мхи, кое-где пестрели таежные цветы. Макс вспомнил, как смотрел на этот «маяк», стоя у клена, и удивился расстоянию, которое преодолел его спаситель с ним на руках.

Теплая благодарность родилась в душе и сдвинутые к переносице брови разошлись. Мальчик расслабился.

— Смотрите люди, — тихо сказал Акай и указал на юрту метрах в ста от них.

И, действительно, из обиталища, как две капли воды похожего на юрту за спиной,

выходила толпа мужчин.

Время было предрассветное, и разглядеть вышедших ребята не могли. Однако одна деталь бросалась в глаза даже сейчас: необычный наряд. Все как один были в мехах, головных уборах и масках.

Кто-то натянул шляпу с полями, из которых торчали козлиные рожки, у кого-то на тугих косах была повязана бандана с пушистыми шарами, наподобие звериных ушей. Часть, не заморачиваясь, натянули шапки-ушанки.

Мужчины перешептывались, что-то горячо обсуждая, и неторопливо расходились по юртам.

Последним из совещательной юрты появился горбатый старик и медленно захромал в сторону мальчиков. Как по мановению волшебной палочки, к нему присоединились четыре крупных человека в черных повязках зорро и с ножами на поясе.

Николас чертыхнулся.

— Валим? — спросил Макс.

Альбинос кивнул и ринулся на полусогнутых за соседнюю юрту. Оциола последовал за ним.

— Ребят, вы куда? — как ни в чем не бывало спросил Акай и непонимающе развел руки.

— Твою ж... — зашипел Максим и выскочил за Акаем. Парень, конечно, туповат, но оставлять его воинам опасно. Он по наивности расскажет, куда побежали остальные, и, значит, у них не хватит времени изучить странных жителей со стороны, распознать в них будущих врагов или друзей.

Вопросы роились в уме мухами и нетерпеливо ждали ответов: кто эти люди, чем занимаются, и почему среди населения нет ни одного ребенка и женщины?

Даже в деревнях африканцев, почитающих традиции предков, живут семьями и разводят скот. Тут же на пологой равнине, кроме юрт и мужчин, никого нет.

— Бежим, — бросил Макс, приблизившись к японцу, и схватил того за майку. Потянул.

— Ребятишки, куда собрались-то? — спокойно обратился старец к неудачливым беглецам.

В скрипучем тембре не было ни тени раздражения. Мягкий, но настойчивый он успокаивал и вселял уверенность. Хозяин голоса казался сильным и справедливым, невероятно мудрым по меркам краснодарского гимназиста.

Вибрации добра почуяли все ребята, поэтому Николай вышел из-за укрытия и присоединился к товарищам, а Акай поклонился в приветствии, как это делают на его родине.

— Пойдемте в юрту, друзья. Чего мерзнуть? — сказал согнутый под тяжестью лет старик и показал ладонью на жилище, где подростки провели вместе последние сутки.

Когда компания оказалась внутри, четверка из свиты пожилого мужчины отстала и оставила их наедине с предводителем. Прикрыв вход в помещение мешковиной, грозные мужи встали в ряд и преградили путь любому неудачливому посетителю.

Старик сел. Седые волосы его, сплетенные от висков в косицы, даже не качнулись. Они были настолько длинными, что почти доставали до пояса. Кое-где, среди локонов, виднелись бусины и еще какие-то замысловатые украшения, которыми обвешиваются индейцы и другие коренные жители земли.

В прорезях костяной маски сверкнули агатами два хитрых глаза.

— Акай-сан, мистер Удхани, Максим, вы на Ольхоне. Это местечко далече от Земли и

как бы я ни желал перенести вас обратно, ничего не получится. Старик слаб и все, что старик может — подлечить и научить. Время раннее, ложитесь спать. Попозже побалакаем.

— Дедушка, а как вас зовут? — спросил уважительно, опустив голову в очередном поклоне, Акай Сада.

На глазах парнишки проступили слезы отчаянья, но он всячески пытался их скрыть. Слабый самурай — бесчестный самурай.

Старик в меховой накидке рыжей лисицы хмыкнул, но ответил:

— Кличут меня Тимучином, внучок. Отдыхайте ребятки, у вас всех болячки опосля ольхонового знакомства. Лечитесь.

Тимучин привстал с циновки, поскрипывая костями и кряхтя, как это делает всякий пожилой, и побрел к выходу.

Как только мальчики отошли, чтобы обсудить произошедшее, не в силах сдержать любопытства, он повернулся и бросил взгляд на Оциолу.

Пепельные волосы мальчика были взъерошены, квадратное лицо с выделяющимися скулами горело, в миндалевидных глазах, черных, как беззвездные ночи Нижнего мира, отражался страх и упрямство.

«Далеко пойдет внук великого. Как бы хватило света в душе», — подумал белый кам и закрыл за собой входную занавесь.

Часы сна тянулись мучительно. Земляне кричали, метались и стонали во сне, словно сумасшедшие. Камам из охраны то и дело приходилось заглядывать и проверять ребят. Жизнь их была бесценна. Как бесценна была живая вода, дарующая не воскрешение, но надежду.

Попав на Ольхон, три ребенка встретили то, что уготовила им судьба и не поняли этого. Слишком юными и неопытными они пока были. Да и какой опыт мог быть в мире, где царит наука, власть вещей и животная сила.

Японский мальчик Акай из древнего шаманского рода Сада, к которым приходили со всех провинций Ва за травами и благословением, проснувшись на Ольхоне впервые, увидел самца оленя.

Благородный красавец пил, грациозно опустив рогатую голову в ручей. Акай оглядевшись и увидев его, вскрикнул и пополз в кусты. Дикий зверь не на шутку испугал привыкшего к комфорту паренька. Конечно, он помнил, что уснул на кладбище, где могут бродить мелкие звери из местных лесов, но оленя он лицезрел в первый раз.

Как назло шиповник, куда попытался спрятаться Акай, встретил новичка острыми иглами. И тот, закричав что есть мочи, побежал в сторону ручья. О первой опасности он не забыл, но олень уже исчез, а окровавленные руки и лицо нещадно зудели.

Когда до журчащей дорожки осталось не больше дзё, олень снова появился перед парнишкой, да так неожиданно, словно вырос из-под земли. Парнишка не успел затормозить и со всего маху влетел ему в бок.

Ревели все. Олень, испуганный наглостью мальчика. Сада, ошалелый от боли в переносице. Ручей.

К раненному подошел высокий незнакомец в меховой накидке с рюкзаком в руках, достал белую ткань из грубо переплетенных нитей, присел. Каким бы грозным ни казался мужчина, Макс понял, за ним пришел друг. Маска на лице улыбнулась отражением подростка. Он, измученный болью, отключился.

В этот самый момент где-то в Калифорнии солнце нещадно палило на головы гостей семейства Удхани. Чайки кричали и зигзагами летали в высоком лазурном небе. Внизу, улегшись на шезлонг у бассейна, на них глядел такими же светло-голубыми глазами юный наследник миллионера — Николас. Зачем они парили над жаркой землей и почему не улетали от пекла, парень не знал. Но был уверен: если бы ему подарили крылья, он улетел бы далеко на восток. Туда, где развеяли прах матери и его детские мечты злые и расчетливые люди из отцовского рода.

Брахман — каста жрецов досталась парнишке от папы в наказание. Будучи не таким, как все, белой вороной среди лебедей, он опозорил свою варну уродством.

— Ники, какого черта ты на солнце? Иди в тень! — рявкнул Шин с бокалом виски в руках.

— Хоршо, па. Кончай со спиртным. У тебя завтра встреча, — нравоучительно ответил Ник и встал с рыжей ткани лежака.

— Ха, дружище. Тебя пацан уже строит, — начал подтрунивать старшего Удхани мистер Блэк, лучший друг и коллега отца из касты богачей побережья.

В волосах Блэка цвета спелой ржи копалась девчонка на пару лет старше Ника и призывно терлась грудью о рукав белого поло. Открытый купальник и яркий макияж явно намекали на профессию гостыи.

— Это он при тебе такой смелый, — ухмыляясь, ответил отец и даже не посмотрел на Ника.

— Серьезно? Тогда пусть не языком треплет, а делом докажет свою смелость, — загоготал мистер Блэк.

— Например, прыгнет с мостика в бассейн. Как настоящий спортсмен, — подпела ему малолетка.

— Без проблем, — отрезал Ник и показал вертихвостке средний палец.

Привыкший к издевкам родни, Николас не позволял остальным смеяться над собой. Сверстники из средней школы прекрасно знали об этом пунктике альбиноса и не смели рта открыть в его присутствии. Хитроумный и безжалостный, он уничтожал любого, кто смел перечить.

Прыжок удался на славу. Ни капли брызг, точный и выверенный.

Вода подхватила победителя, обдав теплой волной, и понесла наверх. Там, у воздушной границы нагретая жидкость вдруг превратилась в ледяную и из зелено-голубой превратилась в серую. Ник вынырнул и огляделся, закашлявшись. На холмистой равнине, поросшей низкорослой зеленью, кроме него, не было ни души.

— Па-а-а, — позвал мальчик и повернулся вокруг своей оси.

Никого. В кустах неподалеку что-то шевельнулось.

Удхани сделал несколько размашистых движений руками, подплыл к берегу и, трясаясь каждой мышцей то ли от холода, то ли от страха, выполз на мелкую гальку.

— Эй, кто-нибудь, помогите! — закричал он настойчиво.

Ледяная вода сменилась не менее морозным воздухом, и парень задохнулся. Ручьи, стекающие с тела под беспощадным ветром, освежали так, что он решил: «Где я не так важно, а вот что мне не выжить без взрослых ясно, как день».

Из кустов, усеянных мелкой синей ягодой, вышел волк и походкой владыки долины направился к речушке. Удхани обмер. Он-то думал, что поблизости человек, но никак на дикое животное.

— Где я? — спросил парень у пустоты.

Она не ответила.

Схватив в ярости камень, он метнул его в волка.

— Где я, тварь?!

Зверь с такими же голубыми глазами, как у мальчика, с глазами неба Калифорнии, рыкнул и прыгнул на человека. Белая шерсть взметнулась снегопадом и опустилась на оцепеневшее тело со скоростью молнии.

Кровь хлынула потоком, когда мощные челюсти вцепились в плечо, и стала окроплять горные потоки алым. Краснота потекла ниже по течению. Хищники помельче учуяли добычу и довольно заурчали.

После белого волка будет, чем поживиться. Они ожидали.

Только напрасно.

Со стороны леса, снося непролазную чащу мощными ударами тесака, вышел грозный воин в безликой маске цвета луны. В руках он держал самодельный рюкзак и оружие.

Увидев безвольное тело в волчьей пасти, мужчина заревел, словно медведь, и кинулся на зверя. Силы противников были равны. Острым зубам человек противопоставил клинок, мощным лапам — жилистые руки в кожаных наручнях.

Когда схватка была окончена, человек сбросил с себя тушу зверя, поклонился ей в знак уважения и подошел к мальчику.

— Жив? — спросил он сухо.

— Жив, — ответил Ник и устало прикрыл глаза.

Пришло утро. В маленькие судьбы ворвалась новая эпоха. Жизнь: насыщенная, горячая, уникальная. Но страх не отступил. Рядом оказались такие же потерянные души, слабые и смешные. Пока.

Тимучин, старый хозяин деревни, подарил веру и одновременно обреченность, с которой мальчишкам оставалось только смириться.

Сегодняшней ночью страхи вернулись.

В паутине снов каждый увидел что-то свое. Жуткое, рвущее сердце, но настолько понятное, что иные не постигли бы и через сотню лет.

Гордый Николас брел по неизвестной тропинке в лесу. Кружева теней смещались, играли со страхом попаданца, отчего тот ускорял шаг. Впереди все отчетливей вырисовывалась поляна, солнечный свет на которой затапливал сочную листву, окрашивал зелень в изумруд.

Мальчик выбежал на опушку и радостно развел руки. Внутри потеплело.

«Вот она — свобода. Вот они — крылья!» — подумалось ему, и легкость наполнила каждую клетку молодого организма.

— В свободе можно потеряться, — пронеслось эхом над поляной.

Белый волк выступил из тени и оскалил зубы.

Свет погас. Между Ником и хищником встало Ничто. И в этом утерянном мире зверь показался роднее, чем безыизвестность.

Волк сказал, слегка размыкая челюсть:

— Ты — шаман, ты призван служить духам. Но выбор делать тебе: с нами постигнешь мир, а без нас — свободу вечности. Что выбираешь?

Ник промолчал. Тогда волк повторил.

Мальчик снова не ответил.

Белоснежная шерсть на звере вздыбилась, из пасти потекла слюна. Он не выдержал слабости кама, его юной робости. Он разозлился.

— Что выбираешь? — зарычав, бросил волк и его голубые глаза налились кровью...

— Что выбираешь? — вопил сквозь ветер олень, проносясь через снежную мглу Акая.

Мальчик трясся и жмурился при каждом крутом повороте, но молчал. Нет, быть шаманом и видеть духов, он не хотел. Не желал помогать сильным, оставаясь слабаком.

— Выбирай, толстяк! — скомандовал олень и резко остановился. Полозья саней, на которых сидел Сада, закрипели и лениво встали у мощного крупа животного.

— Иди ты! Стану шаманом, покажу тебе, что умеет толстяк! — заорал в ответ Акай и расплакался...

Внук Асая не уронил ни капли слезы, когда могучие корни древесного исполина сжали его и потянули под землю. Утопив человека в теплый чернозем, они, в конце концов, замедлились. Над головой зашумели розовыми тельцами черви, по макушке застучали горсти почвы.

— Ты видишь, ребенок, кто мы? — спросило Нечто.

Парень плотнее сомкнул губы и промолчал.

— Ты види-и-ишь, — зашипело Оно довольно. — Мы не отпустим тебя, кам. С нами не играют. Прими дар аватара, либо умри. Иного не будет.

Максим попробовал втянуть воздух и понял, что чернота заполнена им до краев. А вот корни-оковы пропали.

Чудище ждало ответа, посматривая из бесконечности.

— Аватар — посредник? — спросил парнишка.

— Конеч-е-ечно. Ты — кам, и роль твоя тройственна. Но нам нужен только связной.

— А другие роли?

— Для вас, людей, не для духов. Защитник и охотник. Но не нам тебя наставлять. Спрашивай белого.

— Белого? — решил обнаглеть Макс и задал новый вопрос.

Нечто терпеливо выдохнуло. Оно пыталось быть грозным и не терять авторитета ужасного-ужаса, но любопытство мальчика было таким славным, что голос сам собой смягчился.

— Тимучина, главного шамана.

Подросток удивился сначала, затем быстро пришел в себя и слегка поднял уголки губ в улыбке.

— Хорошо. Я буду шаманом, — заверил он белого медведя, прятавшегося в темноте, и проснулся.

Днем, когда солнце Ольхона поднялось в зенит, трое парней открыли полные слез глаза и осмотрелись. При первой встрече они едва рассмотрели друг друга и юрту, в которой находились вот уже вторые сутки.

На промасленном пологе стен висели квадраты полотенец с алой вышивкой, а также ручная утварь из глины и ловцы снов с пушистыми кисточками из птичьих перьев. По земле были раскиданы мягкие меха диких зверей. В центре чернело пеплом место от кострища.

— Красиво! — восхитился оптимист Акай, молниеносно позабыв сон и свой праведный гнев на оленя.

— Согласен, — согласился Макс, вытащил из школьного рюкзака, с которым его принесли в деревню, альбом с карандашами и принялся усердно что-то малевать.

Выходило славно. Морда медведя была точь-в-точь как во сне. А когда на белом пространстве обозначился хвост зверского офицера, картина перешла в стадию завершения.

— Здравия, парни, — прогремел басом вошедший незнакомец в маске.

Точнее, всем присутствующим он был до боли знаком, но имени его пока никто не слышал.

Николас встрепенулся первым. Торопливо надев красные штаны, под цвет верхней рубахи, он подскочил и широко улыбнулся спасителю.

— Добрый день, мистер...

Мистер промолчал. Сомнительно, что вообще понял обращение.

Поправив сумку на плече, он продолжил:

— Времени отлеживаться было предостаточно. Отдохнули и баста. Надевайте шерстяные попоны, которые занесет Клубничка и поднимайтесь по тропе в лес.

— Клубничка? В лес? Зачем? — гаркнули в один голос мальчишки.

— Я все сказал. Разберетесь, — отчеканил гигант и вышел.

Не успела ткань над входом упасть в проем, как ее откинули, и в юрту залетела юркая девочка лет семи. Несмотря на царящий полумрак, с приходом девчушки стало светлее и веселее в разы. Ее рыжая, словно огонь головка, закрутилась из стороны в сторону юлой. Зеленые глаза забегали по лицам. Рассмотрев новичков, она расцвела пятнами стеснения на веснушчатых щеках.

В руках Клубнички, как и предупреждал воин, лежали вязанные из белой шерсти овец шали. Как водится, отверстием для головы. На тонкой фигурке девочки была надета точно такая же.

— На-те, — церемонно вытянув руки, скомандовала девочка и важно насупилась.

— Спасибо, Клубничка, — с преувеличенной серьезностью сказал Ник, присел на одно колено перед гостьей и принял подарки.

— Д-д-дурак! — выпалила она, заикаясь, и повернулась, что убежать.

— Подожди! — попросил Максим. — У меня к тебе просьба. Выполни, пожалуйста.

Девчушка озадаченно нахмурилась.

— Ну? Говори.

— Скажи, как зовут того человека, который только что вышел.

— Безымянный.

— Что? — смутился Акай.

— Глухой что ли? — огрызнулась Клубничка. — Безымянным его кличут. Или просто Безымом.

Парни замолчали.

Девочка, поняв, что долг ее выполнен сполна, горделивою походкой вышла из юрты.

До лесного массива пришлось идти долго. Он находился там, откуда накануне спустились Безым и Макс.

В дорогу мальчишек снарядили небольшими кувшинами с водой и лепешками, поэтому сил добраться хватало с избытком. В пути ребята смеялись, рассказывали веселые истории, плодившиеся в среде подростков земли, шутили.

Откуда бы родом ни был человек, всегда найдется с полсотни небылиц, которые с легкостью рассмешат его собрата с другого полушария. И парни сполна подтверждали эту теорию.

Рука Макса почти не болела. Ее перевязал настоящий мастер. Поломанная кость была

плотно прижата к обтесанному дереву и обмотана мягкой, упругой тканью.

Когда на небесах появились первые звезды, троица поднялась до перелеска.

Остановились отдышаться и глотнуть прохладной воды. Максим неприязненно скорчился, вспомнив места, и показал друзьям на злополучный клен, который стоял рядом с протоптанной тропой. Дерево как ни в чем не бывало зашелестело золотыми ветвями.

— Красивое, — снова восхитился японец, поправив сумку на покато плече.

Его оптимизм удивил Оциолу, Удхани же он, несомненно, взбесил. Тот готов был взорваться в любую секунду. Смущало только, что находились они в неизвестном пространстве и Сада был раза в два крупнее.

— Олени тоже красивые, особенно тот, в которого ты мордой воткнулся, — съязвил Николас и скользкая улыбка подлеца расплылась на бледном лице альбиноса. В наступавшей темноте он все больше походил на призрака.

— Я пришел, — решительно выпалил Максим и побрел к клену. — Идите дальше, — скомандовал он товарищам, которые недоуменно таращились на его удаляющуюся спину.

— Ок, — после недолгого раздумья бросил Ник и отправился по тропинке дальше, в глубокую чащу. Акай последовал за ним.

Прошло совсем немного времени, как на ветки клена вновь опустились белоголовые ласточки. Они защебетали и задергали крыльями, словно передразнивали кого-то или играли.

«Забавные. Они мне понравились еще в первый раз. Есть в них нечто знакомое. Будто родное», — подумал Маск, умиляясь неунимающимся малышам.

— Милый шаман, мы ждем тебя столько лет! — раздался писклявый голосок откуда-то сверху из листьев. Второй сдержанно продолжил:

— Пора, мой друг. Заждались. Двенадцать лет ищем, кто возродит нас. Терпения почти не осталось.

Максим, с трудом передвигаясь на острых камнях, обошел дерево. Пару раз поскользнулся, но сумел устоять. Даже в сумраке он понял, что кроме него и птах, на маленьком куске поляны никого не было. Парни ушли.

— Вы кто? — спросил он озадаченно.

— Мы — твой двойник, твоя духовная сила. Если отгадаешь наши загадки, станешь шаманом.

— Хватит звездеть. Я знаю, что вы — говорящие птицы. И мы никак не похожи.

— Грубиян! Хам! Сопливый паскудник! — зашестело дерево сотнями белых крыльев.

— Всем молчать! — скомандовал один из голосов и остальные ветки замерли.

К Максиму подлетала одна из птах, не страшась, что мальчик схватит за хрупкое тельце, села на плечо. Голос начал говорить совсем близко, но парень не двинулся, лишь внимательно слушал слова крылатого собеседника:

— На Ольхоне живут только шаманы и духи, обычные люди на священной земле не умирают. Чтобы остаться здесь и стать проводником, надо получить трех двойников, которые будут помогать в испытаниях, поддерживать и станут продолжением тебя.

— А как их получить? — тихонько, чтобы не напугать малыша на плече, спросил Оциола.

— Отгадать загадки духов леса и получить согласие богов.

— Так, стоп.

Максим резко повел плечом, и птице пришлось вернуться на ветку клена.

— Я запутался: сначала духи, страшные и не очень, заставляют меня согласиться на это ваше «шаманство», а теперь другие духи, да-да, вас имею в виду, говорят, что для начала я должен пройти испытания и доказать, что достоин этого. Определитесь сами, нужен я вам или нет.

Птаха с плеча взметнулась ввысь и пропала в золотом потоке кленовых листьев. Вылетела другая. Она повисла в воздухе перед лицом Макса, словно колибри перед цветком, и снова раздался первый, восторженный голосок:

— Дорогой кам, чтобы тэнгри благословили тебя, надо быть сильным, смекалистым и иметь шаманские корни. Мы приняли тебя потому как чуем запах силы в твоём роду, но боги куда привередливей. Им подавай самое лучшее, иначе никак.

— Раз никак, то загадывай. Выбора у меня не особо. Либо отгадать, либо всю жизнь мучиться от видений.

От слов Макса птицы будто проснулись. Они завиляли хвостами, затанцевали лапками по неудобным нашествиям. Радостное ликование переросло в истеричный писк, который неожиданно оборвался, когда кружевной лист, оторвавшись от нижней ветви, медленно опустился на почву под деревом.

Макс вздрогнул, в груди болезненно защемило. Такого еще не было, и он испугался. За последние дни с ним приключилось столько бед, только за что — непонятно. Трава травой. С этим шутки плохи, он уже понял. И видения напугали. Но неужели сердце такое слабое? Неужто в новом мире ему суждено сгинуть так скоро!

Время шло, парнишка все стоял с опущенным лицом и пытался отдышаться. Когда немного отпустило, он вновь поднял глаза на клен. Картинка изменилась. Вместо армии белых ласточек перед подростком сидела всего одна. Она-то, видимо, и была главной загадчицей.

— Весной рождается, осенью сгорает. Есть у человека, есть у леса.

— Все? — спросил Макс.

— Все, — кивнула головкой кроха и принялась чистить перья, будто реальное пернатое создание.

Парень задумался. Неожиданно что-то вспомнив, он храбро выставил тощую грудь вперед, облизнул потрескавшиеся губы.

— Я знаю ответ.

— Внимательно слушаю, — ехидно ответила птица, продолжая почесываться.

— Дерево! — выпалил Максим и по-детски беззаботно рассмеялся.

Птица резко обернулась и уставилась на человека с явным уважением.

Почему так произошло, Макс не понял. Головоломка не казалась сложной, он-то ее хорошо помнил.

— Рука болит? — вдруг спросила птица.

Макс пошевелил пальцами, покрутил запястье и понял, ноющая боль исчезла без следа. Парнишка взвизгнул, все еще не веря в чудо. Потрогав руку в месте слома, он удостоверился, что кость цела и невредима.

Чтобы парень не засыпал ее вопросами и восторгами, птица загадала вновь:

— Ленивый хранитель спит пока сытый. Не убьешь во сне, сгинешь с рассветом.

— Совсем не детская загадка, — пробурчал шестиклассник и принялся рыться исцеленной конечностью в кармане ветровки, спрятанной под шерстяной накидкой. Казалось, загадка взволновала его меньше, чем прошлогодняя конфета, прилипшая к

подкладке.

— Медведь, — решительно ответил юный кам, беззаботно вынимая липкую обертку.

— Верно, — ошалела птица и, чирикнув что-то вроде «посмотри под корнем слева», закрылась от Макса крылом. Наверное, обиделась прозорливости землянина или просто потеряла азарт в игре.

Мальчишка закинул помадку в рот, присел и с любопытством начал ковыряться у корней клена. Под самым сочным, одеревеневшим от времени, он нашел медвежий коготь и клык.

Это был тот подарок, который мечтает получить любой мальчишка. Символ мощи, необузданной силы и величия, символ свободы.

Макс взвизгнул от счастья. Ничего более интересного ему не дарили. Сноуборды, велики, приставки казались мелочью перед останками косолапого.

— Последняя загадка, — пробубнила расстроенно кроха. Она всю прошлую ночь придумывала заковыристые вопросы, а парень из иного мира щелкал их, как орешки.

— За хриплым рогатым стада идут, за рыжим лохматым весна спешит.

Макс, разглядывавший подарки, замер и нахмурился. Помнил. Он точно помнил эту загадку. Там, в больнице, когда пятилетним он в последний раз видел дедушку Асая, на клочке листка из журнала кривым почерком были написаны все три отгадки. Первые он помнил хорошо, ответы приходили из воспоминаний, едва ласточка начинала говорить, но последняя... Утонула в событиях, словно в песках.

— Не помню, — признался Макс.

— Жаль, — соврала птица. — Иди к озеру по этой тропе. Как доберешься — увидишь ответ. Он сам найдет тебя, — приказала она, взмахнула крыльями и исчезла в темноте ночи.

Делать было нечего. Ослушаться двойника и уйти не сулило ничего хорошего. Оставалось одно: согласиться и идти к озеру, о котором никто даже не упомянул в селении, искать иголку в стогу чужого сена.

Почти всю ночь Максим добирался до места. Сначала покругил в пролеске, пособирал колючки и ямы, где обитали диковинные зверки с мордами муравьедов, потом решил подняться выше. Через пару сотен метров между хвоей показалось отражение луны.

Пройти мимо было невозможно.

Парень раздвинул игольчатые лапы и вышел на берег. Озеро сияло при свете тринадцати звезд мира шаманов вторым космосом. Ни дуновение ветра, ни насекомое не тревожили ровную заводь. Мир вокруг спал.

Подойдя к кромке, Максим устало рухнул и погрузил разгоряченное лицо в воду. Прохлада освежила, наполнила необъяснимой безмятежностью. Здесь, у самого края миров, жизнь замерла.

— Скитания аватара тщетны без верных проводников, — послышался бархатный голос за спиной. Макс понял, кто это. Отгадка не заставила себя долго ждать и первой пришла на водоем, чтобы встретиться с судьбой, с маленьким шаманом.

— Здравствуй, — повернув голову, прошептал изможденный парень. Он все еще лежал на берегу не в силах подняться и спокойно смотрел на собеседника.

Марал махнул головой, отчего зонтики гигантских одуванчиков, разросшихся у самого берега, снегопадом посыпались на озерную гладь. Большие прекрасные глаза напряженно всматривались в даль.

— Ты пришел за моей жизнью, но не в силах бороться, — еле слышно прошептал олень.

— Не в силах, — согласился Макс.

Животное подошло ближе, обнюхало человека и с грустью вздохнуло.

— Если я отдам ее, обещаешь заботиться о бубне из моей кожи? Уважать душу в нем?

Мальчик закрыл лицо руками и горько заплакал. Он не хотел. Конечно, не хотел смерти оленя. Как и смерти всякого живого существа. Но обреченность в голосе отгадки говорила о том, что решение принято. И принял его вовсе не Макс.

— Обещаю, — сквозь рыдания прошептал парнишка, тяжело поднялся и обнял за шею своего двойника.

Поселение камов встретило скитальца безлюдьем и мертвой тишиной. Все спали в натопленных юртах, не подозревая, что юный шаман вернулся. Даже деревянные идолы при входе в деревню, казалось, уснули. Их носатые человекоподобные морды недобро морщились, выпячивая губы-лепешки.

— Иди, друг, — сказал марал, который шел за мальчиком всю дорогу. — Отдохни.

Максим кивнул и побрел к знакомому жилищу. Внутри его встретили Ник и Акай. Мальчишки радостно завизжали и, перепрыгивая через меховые накидки, подлетели к Максиму, чтобы крепко обнять и закружиться в танце, который, как они узнали позже, станет обрядовым, магическим для всех троих.

Перебивая друг друга и ругаясь, подростки принялись рассказывать о приключениях в лесу. О духах и волшебных зверях, о роке и предназначении. Ник был возбужден и эмоционален, как никогда, а Акай — спокоен и тверд.

Максим промолчал, когда речь зашла о загадках. Да и что он мог сказать: дедушка знал ответы и передал их мне в пять лет, когда и загадок-то в помине не было? Чуть несусветная.

Не успели мальчишки улечься, как к ним вошел Безым. Маска все также закрывала лицо шамана, но по опущенным плечам и походке парни догадались, что кам спокоен.

— Все согласились быть аватарами? — спросил он, не церемонясь.

Парни кивнули.

— Выходите, — скомандовал он, и юные ученики цепочкой потянулись из натопленной костром юрты в морозное утро.

На дворе, рядом с каменной башней, стояло с десятков камов. Почти все были без масок, и подростки легко различили среди них двух женщин. Да, оказалось, шаманки также жили в деревне и занимались магией наравне с мужчинами.

Красавицами их было сложно назвать, старые лица давно сморщились и отливали мертвой зеленцой, в густых волосах роился всякий хлам.

— Братья и сестры, — загремел Безым, обращаясь к камам, — сегодня счастливый день: в нашем Сургуле новые ученики. Будьте терпеливы с ними, ибо от них зависит будущее. Ибо они наши дети с сей поры.

Толпа камом зашевелилась. Улыбки начали расцветать на суровых лицах, и только одно, совсем молодое личико осталось недовольным.

Из-под ног выскочила юркая Клубничка, подбоченилась и внимательно посмотрела на будущих шаманов. Прошла секунда, другая. Вдруг малышка со свистом втянула воздух и со смачным «хр» сплюнула слюну недалеко от ребят.

— Да, эти сопляки здесь и недели не проживут! — выпалила она, выпятив подбородок и посмотрев на Безыма с вызовом.

— Посмотрим, — ответил гигант и залепил подзатыльник малявке так сильно, что та распласталась на гравии, словно лягушка.

Камы не двинулись с места, безразлично следя за попытками Клубнички подняться.

«Маленькой бунтарке иногда полезно получить за острый язык», — решили они и стали расходиться как ни в чем не бывало. Впереди их ждали непростые дни поклонения богам и величайшего камлания.

— Возьмите ножи и идите за Умом. Сегодня вы подготовите двойников. Завтра день инициации, — приказал кам в безликой маске и бросил рядом с девочкой четыре ножа. Три для парней и один для нее.

Праздник венков и роз

Безым сидел на деревянной циновке недалеко от костра и напевал незнакомую для мальчиков песню. В своих попытках достичь совершенства мужчина все чаще прибегал к гортанным звукам, похожим на гудение трубы. Выходило ладно, но странно. Молитва и боевой клич сливались воедино, играли, то и дело сплетаясь витиеватым узором древней незнакомой мелодии прародителей.

Не успела закончиться одна песня, как исполнитель завел другую. Николас закатил глаза и сложил руки перед грудью. Традиции рода шаманов казались ему до невозможности скучными, поверья, наподобие «сплюнуть семь раз», «поклониться ветру» — устаревшими и ненужными.

— Дядя Безым, давайте пообедаем! — бесцеремонно воскликнул Акай, которому надоело засыпать под вой кама и собственного желудка.

Безым остановился, поправил заворот унтов на длинных, мускулистых ногах и согласно кивнул. Каким бы грозным и непоколебимым ни казался воин, отказываться от лишней миски ухи или куска оленины он не желал ни при каких обстоятельствах.

— Пошли, — гаркнул кам, спешно поднялся и вышел.

— Интересно, он хоть понимает, что мы еще дети? — шепнул Макс Нику, когда тот судорожно запикивал пятку в самодельный тапок.

— Не знаю. Догадывается, — выдохнул парень и побежал из юрты за взрослым.

Накануне вечером, после знакомства с учительствующим составом школы Сургуль, троицу заставили перерезать глотки своим будущим двойникам.

Парни сначала плакали, отказывались, потом просили помощи у взрослых. Наставники не сдавались. Они лишь показывали в воздухе, как вонзать клинок, под каким углом проводить лезвием, но сами за ножи не брались.

— Нельзя, — твердили старшие и отходили.

В конце обряда Акая вырвало на льняные штаны одного из шаманов, когда тот попытался придержать мальчугана во время падения. Макс же в конце действия сглотнул слюну и отошел с головой своей жертвы подальше. Было больно и противно. Немного страшно. И, если бы ни обещание, он вряд ли пошел на такое.

Глаза зверя безучастно блеснули в свете луны и закрылись.

— Прости, — шепнул на прощание Оциола и бережно положил ношу и клинок на камень.

Сегодня с утра к ним заглянул Безым. Обычная молчаливость его сменилось монотонным пением, а отстраненность — добрыми наставлениями. Битый час он завывал песни шаманов и довольно причмокивал языком на особо удачных нотах.

Максим удивился таким переменам. Складывалось ощущение, что чем больше они страдают, тем довольней и веселее становятся жители здешних мест. То их, подростков, мучила природа, потом духи, а пару часов назад они лишили жизни невинных животных. И что делали камы? Смотрели и давали отвары, чтобы парни не сдохли от жажды.

Парень вздохнул и, отогнав тяжелые думы и воспоминания, вышел за Ником.

Ольхон озаряло яркое солнце, отчего каждые сантиметр каменистой земли светился поздней росой. Блики играли солнечными зайчиками и уплывали волнами света к

подножию белого гиганта. Парень зажмурился, чуть не влетев носом в грудь Безыма, когда тот резко остановился.

— Да, — сказал старик и, помедлив, продолжил, — времена сложные, но нет ничего невозможного. Песням мы вас научим, не беда, и премудростям всяким. Главное, не сдаваться и силу принять.

Подростки кивнули.

— Пошли в палатку Тимура. Подкрепимся, и заодно я расскажу всяко-разно про инициацию.

Троица снова согласилась и в нетерпении побежала впереди учителя. Голод нарастал, терзал молодые тела все сильнее.

Под пологом их встретил грозный толстяк в шубе на голое тело и с пучком зелени в тонких косицах. Указав на дубовый стол у холщевой стены, он двинулся к полевой кухне.

Когда грузное тело скрылось за пологом, мальчики сели поближе к Безыму и вопросительно посмотрели на старика. Вопросы о вечере кружили в воздухе, подобно комарам.

— Каждый год с восходом первой осенней луны на Ольхон прибывают избранные. Это те, кто почуял зов предков. Те, кого избрал Нижний мир. Из них-то и собирается Сургуль. Чтобы получить благословение и представить богам и духам молодое поколение, шаманы всех миров собираются на Великое камлание. Сегодня именно такой день.

В ком из вас есть белые корни и кто может чаровать добрыми силами, становится учеником Тимучина и преклоняется только светлым богам, а кто вedom предками белыми и черными, тот именуется тэшэ и может орудовать силой Верхнего и Нижнего мира попеременно. Слабые же...

Безым резко умолк и посмотрел за спины парней.

Над ними возвышался плосколицый Тимур с морковной попкой, торчащей изо рта. Шаманский повар перевалился через огромный живот, уперся локтями в стол и внимательно слушал немногословного друга, перестав на время жевать сладкий корешок.

— Слабые же, — повторил старик последнюю фразу и потянул на себя тарелку с картошкой, — потеряют осколки души и примут смерть от демонов, либо от тэнгри.

Ухмыльнувшись, он поднял взгляд на детей. По его разумению, они должны были испугаться, застучать зубами и побледнеть, однако попытки навести ужаса не увенчались успехом.

Трио совсем не слушало окончание речи, поэтому ничуть не струсило. Внимание парней поглотила маска: костяной нарост, который спаситель не снимал ни на секунду с первого дня знакомства, до сих пор было на лице.

Как только Безым положил правую руку на чашу с едой, ученики уставились в белый овал и затаили дыхание. Пальцы поддели кончик псевдо-подбородка, и легкая накладка без труда слетела с живой плоти. Из-под густых бровей и складок век на ребят посмотрели два карих глаза. Над густыми рыжими волнами бороды расплылась довольная ухмылка.

— Чегой-то рот раззявили? Як привидение заметили, — сдерживая смех, бросил мужчина. Мелкие морщины разошлись по лицу глубокими бороздами.

Ник первым пришел в себя, толкнул друзей, чтобы отвлечь от ротозейства. Тайна разгадана, и терять время на пустую болтовню и переглядки он не желал.

Как только Тимур притащил на импровизированном подносе три глубокие плоские ухи, все принялись за угощение. Блюдо оказалось наваристым, ароматным, с крупными кусками

рыбы и картофеля. Акаю досталась икра, которую он съел со скоростью света.

— Будешь? — спросил он Макса, с неохотой ковыряющего второй рыбный кусок.

Тот отрицательно качнул головой и отдал остатки товарищу.

Кухарь присел к ним за стол и попросил Безыма рассказать юнцам об обряде. Все таки дело предстояло серьезное, и идти в юрту на камлание неподготовленными сулило много бед. Особенно для них, опытных камов, это могло вылиться в наказаниях и всякого рода отречениях от богов.

Прежде того, как старик открыл рот, Тимур поднял указательный палец вверх и дал дельный совет.

— Не страшай молодежь. В кои-то веки новая кровь явилась, а ты сразу о смертях и гробицах. Лучше о прекрасноте эжинов поведай, — сказал он и подмигнул Максу.

— Это кто? — спросил Акай.

— Знамо всякому баксу с древних времен: эжины — боги помельче тэнгри, прислужники энтовых бессмертных и верные соратники шамановых душ.

Парни одновременно грянули:

— О-о-о! — затем повернулись к наставнику, чтобы выслушать его длинную, но важную речь о небожителях.

Пока три мальчика разбирались в небесной иерархии под чутким руководством Безыма, глава ордена Путь и по совместительству великий кам устало поднялся с ковра и, пошатнувшись от усталости, оперся о костяную трость.

Ночь прошла несладко. С вечера и до утра старый Тимучин камлал. В Доме предков собрались сотни душ, и каждая из них рьяно протестовала. Вопросы сыпались со всех сторон: «Кто они? Откуда? А как же благословение? Что будет дальше?».

Старик молчал. Он не ведал будущего и не знал, что будет после инициации. Он даже не понимал, как сможет соврать братьям. И только один дух принял его сторону и, верный себе, поддержал.

Асай Оциола выступил из призрачной армии, медленно приблизился к ученику и, взяв за руку, тихо прошептал:

— Мы не властны над судьбой, мой друг. Нас ведет провидение. Да будет так, как возжелали небеса. Ибо без них не родится ни один шаман.

Тимучина заволокло светом и теплом. Он успокоился. Когда рядом стоял товарищ, сердце набиралось невиданной храбрости, а внутренняя сила возрастала настолько, что заставляла остальных верить его словам.

— Эжины и хан доверяют мне, — наконец, сказал глава бессмертным собеседникам.

Из его тела проступил образ оленя, который встряхнул ветвистыми рогами и грозно фыркнул.

Духи умолкли. Сквозь сизый туман, повисший в каменном храме, вспыхнули лунными бликами их идола и постепенно угасли.

— На тебе их будущие смерти, белый чародей, — бросил предок-дракон, гордо вскочил на постамент своего истукана и растворился в нем, словно сахарный сироп в крепком чае. За ним последовали другие.

Когда Тимучин вышел из затхлого помещения и вдохнул свежесть утра, смурное настроение вмиг рассеялось. Чтобы ни шептали предки, верность Асаю не могла сбить старого кама с пути.

Путь был широк. Путь был открыт.

С наступлением сумерек Путь заголосил древними песнями и ударами кожаных барабанов. Камы, как это было сотни раз до, собрались под куполом центральной юрты, рассчитанной на небольшой народец в сотню голов, надели маски, обрядовую одежду и стали ждать.

Три юных кама в звероподобном облике с бубнами в руках вошли в зал.

На небе уже сияла полная луна Ольхона, мерцали тринадцать звезд.

Максим, которого друзья толкнули вперед, робко осмотрелся.

На стенах полусферы переливались свежие рисунки зверей, духов с рогами и клыкастыми мордами, созвездия далеких галактик. В центре зияла дыра, из которой наружу тянулась дорожка дыма от костра. По краям юрты разместились два яруса деревянных помостов и десятки невероятно огромных барабанов.

— Красотища, — изрек пухлый японский мальчик и прошел вперед.

Удар бубнов прогремел и впитался мягкой тканью импровизированный стен так быстро, что мальчишки не успели испугаться, лишь украдкой переглянулись и сделали несколько шагов к центральной арене.

Максим провел взглядом по нижним помостам и понял, что здесь стоят самые опытные шаманы. На их лицах маски животных, а на седых головах шапки с торчащими рогами. В трясущихся от опыта руках шаманы и нагвали держат выцветшие от времени бубны, из которых извлекаются звуки камлания. Двойники звучат стройно и мощно, распалют магию костра и сердца остальных.

На ступенях выше стоят молодые шаманы и ученики. Самые крупные и сильные из них стучат в натянутые кожаные мембраны барабанов высотой с человека, чтобы помочь старшим в их священных действиях. Юные же извлекают мелодичное посвистывание из самодельных флейт. Где-то за деревянным амфитеатром гудят ученические жуки-варганы.

Шаманский вечер был почти в разгаре.

— Хватит мух ловить, — толкнул Макса Ник, и они двинулись дальше.

Стоило троице ступить в центральный круг камлания, где, словно отражение в воде, были выведены тринадцать звезд Ольхона, как на месте самой яркой из них затрещал жадный до поленьев костер.

В нем многие века вспыхивали и сгорали жизни шаманов, в нем рождалась надежда и погибала радость. В нем заключалась вся сила, бессмертие богов. И рядом с этой невероятной силой грелся Тимучин, любимец тэнгри, белый шаман Срединных миров всех Вселенных.

Парни закрыли глаза. Услышав грозное «бум», исходившее от бубна старца, они одновременно сжали рукояти колотушек и ударили в мембраны своих двойников. Вибрация волной прокатилась по юрте. Ее подхватили братья-камы и, соблюдая общий ритм, оживили своих помощников мощными ударами.

Слепые до реальности глаза мальчиков прозрели. Мир телесный остановился и сквозь него они увидели истину. Шире и глубже, непостижимо глубже того аквариума, в котором копошились люди их реальности, она была сравнима с богом, с чистотой и искренностью новорожденного, с бездонной чернотой мироздания.

Души камов в облике лисиц, медведей, волков, незнакомые существа огромных размеров и бесформенные тени наполнили полусферу, не оставив человеку и его разуму ни сантиметра пространства.

На Макса накатила незнакомая доселе легкость, она блаженно улыбнулся своей самой

детской, непосредственной улыбкой и резко обернулся на внезапный шорох позади.

В глазах потемнело, холодная вода ударила в спину тысячей тонн и поглотила тело юного кама. Когда лицо полностью ушло под воду, Макс стал судорожно озираться в мутной стихии и только сейчас заметил, что блики солнца играют на его синей лицеистой (Как так?) форме прощальным отблеском.

Воздух крупными пузырями вышел из ноздрей и потянулся нитью пузыряей к поверхности.

«Я же умру! Я не смогу спастись!» — пронеслось в голове асаевого внука, отчего сердце его судорожно сжалось, и перестали слушаться руки.

Будто услышав эти внутренние речи, нечто темное, тиноподобное обволокло ноги, дернуло. Слева потянулись похожие пряди незнакомого, черного и игриво прошлись по левому боку, позвонкам на спине. Парень взмахнул руками и попытался вынырнуть. Но тина не отпустила. Она теснее прильнула к ступням и коленям, начала мерзко, опасно обвивать свободные участки.

Когда последние воздушные пузырьки выпрыгнули из легких, мир Макса медленно расплылся. Чтобы не вдохнуть больше воды, парнишка прижал руки к лицу и замер.

Было больно, легкие желали взорваться от напряжения, от удушливых объятий нерадивого хозяина, но Макс не отнимал пальцев, лишь сильнее сдавливал костяшки на непослушных губах. Словно услышав его немые мольбы о спасении, ледяная жидкость вокруг забурлила и начала нагреваться. Где-то над головой вспыхнул белый свет и через секунду разросся настолько, что мальчик смог различить в нем гигантские крылья и соколиный клюв.

Птица зацепила лапами крохотное тело и взмыла над водой, словно вода для нее ничем не отличалась от воздуха, и летать она могла в любой стихии.

Куски злобной тины на ногах рассыпались пеплом. Свечение же от солнца и птичьих перьев так ослепили парня, что он зажмурился и стал укрываться в тени поднятых рук. Наконец, вдохнув свежий воздух, почувствовал легкость, тепло ветра и нарастающую жизнь внутри себя.

— Кто ты? — спросил Макс птицу, как перестало саднить горло. Спасенный знал, верил, что пернатый спаситель ответит. И это случилось.

Птица присела на скалистом уступе, так похожем на те, что виднелись сквозь туман в горах Ольхона, бережно опустила ношу на изумрудный покров. В голове парня раздался хрипловатый мужской голос.

— Боги доверили тебя мне, маленький кам. Я твой покровитель, твой амагят. Я есть самое мощное оружие и защита от величайших демонов. Будь вежлив и уважителен и получишь мое покровительство на многие годы.

Окончив речь, Амагят опустил голову к лицу Макса и уставился немигающим взором прямо в зеркала глаз мальчика. Хищные зрачки проследили за тем, чтобы кам согласно кивнул.

Птица продолжила:

— Мое имя в Срединном мире — Улунхан. Я позволю тебе называть себя так, ибо в нашем племени чжурчжэней принято называть господина вторым, взрослым именем.

А тебя я нарекаю — Мархи. Береги его и помни, ибо это дар самих богов Запада.

Максим открыл от удивления рот и уже собрался спросить, зачем ему новое имя, ведь он уже двенадцать лет носит свое, родное, но вовремя остановился. Стать кем-то другим: сильным и независимым, свободным от Макса-старшего, не это ли была его заветная мечта?

Пожалуй, да.

Переубедив себя за пару секунд, он решил поблагодарить амагыта, но вместо благодарности с губ сорвался странный вопрос:

— Почему белый медведь?

Зрачки духа сузились, клацнул клюв.

— Потому что злой, голодный и самый сильный! — с раздражением крикнула птица. — Потому что ты — это ты, — уже спокойней закончила она, распахнула огненные крылья и ослепила ими назойливого мальчишку.

Макс снова открыл глаза спустя минуту и тут же зажмурился.

Веки нещадно зудели, а глазные яблоки словно засыпало мелким горячим песком. Ледяные капли реки, где он только что тонул, испарились.

Сейчас парнишка стоял в мире Ольхона, где птицы, бурных потоков не существовало вовсе. А все что ему привиделось, не имело никакого значения. По крайней мере, для окружающих.

Хруст веток и жаркие волны шаманского костра стряхнули с Макса остатки экстаза. Сон ушел. Пожилой Тимучин что-то пробурчал на незнакомом языке, потом громко рыкнул, обращаясь к пустоте. Барабаны умолкли. Флейты вывели последний музыкальный пируэт и тоже притихли.

В следующее мгновение Максим Оциола вновь попытался открыть свои пострадавшие глаза. Ему это удалось, но утешения не принесло. Вместо пламени центрального костра, он увидел перед собой деда. Того самого, который умер, будучи в больнице, того, потомком которого его считали местные шаманы.

Кувыркнувшись в испуге с колен на спину, парнишка закричал что есть мочи и, перебирая ногами по песчаной почве, выполз из шаманского круга.

Образ деда слегка перекосило, но не узнать в полупрозрачной дымке черты высохшего от времени и ветра старика было невозможно. Асай невозмутимо встал возле игривого пламени и посмотрел прямо на внука. Седая борода чуть шевельнулась, когда горячий поток наклонился в сторону духа.

Ник и Акай тоже очнулись. На их бледных лицах читался такой же ужас и слегка уловимое трепетное благоговение перед тем, кого они видели там, в мире духов. Николас поднялся и помог Максиму встать, тихо шепнув:

— Не дрейфь, мы рядом.

На душе Максима расплылась теплая волна, щеки порозовели. Он благодарно пожал руку другу и только сейчас заметил, что вместо голубого неба в радужках глаз альбиноса разлились кровавые реки.

— Ты тоже кого-то видишь? — спросил Оциола Ника, усаживаясь в позе лотоса уже рядом с товарищем.

Тот кивнул и указал на рисунок волка в дальнем углу юрты.

— Мой амагыт Мунх Шона — белый слепой волк со стальными зубами. Он подарил мне имя Ал и дал в помощь терновую иглу, вылитую из своего клыка.

— Офигеть! — завопил Сада, потом извинился перед шаманами, которые еще приходили в себя после долгого камлания и медленно приоткрывали сонные очи, тише продолжил: — Передо мной стоит бабушка по материнской линии и так жизнерадостно улыбается, будто ее не схоронили до моего рождения в горах Татэ.

В подтверждении своих слов Акай расплылся в улыбке и подмигнул кому-то

невидимому за спиной рогатого кама справа от ритуального круга.

— Идиот, — буркнул Ал и закатил все еще алевшие глаза.

Он хотел еще что-то сказать толстяку. Его прервал Тимучин.

Кряхтя, старик поднялся с подстилки из сена. Напряженные брови на морщинистом лице разошлись, борозды дряхлости разгладились.

— Друзья, мы славно потрудились. Пора отдохнуть. Камы Пути и Сургуля могут трапезничать в юрте Тимура. Вы же, молодые и зелененькие, пока останьтесь. Надобно потолковать.

Шаманы спустились с помостов, бережно повесив бубны на бедра или за спину, подобно мечу. Вышли из теплого помещения. Смерд пота, невымытых тел и магии начал рассеиваться, отчего три юных аватара с облегчением выдохнули.

— Выходь, мелкотня, — со смешком в голосе приказал глава.

Клубничка вышла из укромного местечка, которое организовала себе за барабаном, и обиженно фыркнула. Она искренне считала, что камлала ничуть не хуже старших, может, даже лучше некоторых, поэтому выгонять ее с самой интересной части посвящения было нечестно.

— Давай-давай. И так все ведаешь. Не за чем смущать молодцов, — чуть жестче обратился к ней Тимучин и, когда рыжая ведьмочка завесила за собой вход, вернулся к главному. Посадил трех камов рядом с затухающим костром, он поведал им, что значит быть шаманом.

Мы путники, проводники и воины. Мы нужны всякому, как вода — росткам, как небо — птице и земля — зверью.

Гневаются ли боги. Мор напал на людское селение. Или душа человечья не нашла покоя. Всюду наше чарование пригодится. Без него не сыскать пути к бессмертию и не получить на то благословения небожителей.

Во множестве Срединных миров ходят шаманы по свету и исполняют волю, которую завещали им предки. Коле не сыщут спасения, погибают, но в беде род людской не бросают до последнего вдоха.

Для того у шамана припасены чуда-чудесные.

Амагят-покровитель с силой подобной эжинам. Зверюшки, травы и мудрые предки, давшие заветное слово служить аватару и нареченные за это помощниками. И двойники...

У всякого кама последних несколько. Без них не жить шаману ни на небе, ни на земле. А про подземное стойбище и говорить-то нечего.

У каждого двойника свое назначение. Бубен — задорный конь, что переносит дух целителя в Нижний мир — обиталище бесов и умерших душ. Части наряда, которые чем старше ойун, тем боле помогают в борьбе и лечении. Дерево, питающее силой природы и мироздания своего сородича.

Тимучин остановился, чтобы передохнуть, подкинул в костер еще веток. Пламя нежно лизнуло дерево. Вкус пришелся ему по вкусу и, спустя секунду, оно затрещало красными языками на аппетитных кусках.

Тимучин вынул из-за пазухи трубку с длинным мундштуком, какие бывают только на картинках и в фильмах об индейцах и лихо поджег от костра ее содержимое.

Закрыв глаза, он затянулся и что-то довольно мурлыкнул себе под нос.

— Дедушка Тимучин, перед обедом нам рассказали об ие-кыла. Будто он хранитель души и часть своего шамана, — не удержался Макс и раскрыл секрет, о котором поведал

Безым.

Глава чуть вздрогнул и, покосившись прищуренным глазом на внука Асяя, кивнул.

— Хранитель отражает то, что скрыто от человеческих глаз в сердце шамана. Он как бы живет и нет одновременно. Без вас его быть не может, но без него вы тоже пустые горшки. Каждый человек знает своего ие-кыла, а встречает его только кам и только на обряде.

— Ну, е-мое, — всплеснул руками Сада, — а я не знаю своего.

— На все воля богов, узнаешь, — ухмыльнулся Тимучин, выпуская изо рта едкую струю дыма.

Глаза старика были прикрыты. И все же, сквозь узкую щель век он то и дело бросал любопытствующий взгляд на мальчишек. Ал, бывший Николас, сидел смирно, его лицо не выражало никаких эмоций, лишь уголки губ время от времени дергались в напряжении. Акай, которого дух бабушки, знатной повитухи, называл Гераклом, кивал и почесывался. Макс же вдумчиво следил за завитками из трубки учителя и при каждом движении воздуха в ярунге осторожно осматривал место, где оно рождалось.

Когда Мархи поднял глаза и, наконец, взглянул на подслеповатого старца, Тимучин продолжил:

— Возьмите свои бубны и присмотритесь. Перед вами не предмет, а живое. Кожа оленя и кости, часть двойника и его кровь. Перед вами друг и соратник, которого не бросают и не продают, не дарят и не ломают. С бубном прощаются с приходом гибели. Либо после того, как тэнгри наполнят вас силой, которую кони старого бубна не в силах снести.

Не ищите замены, не найдете. Все радости в круге из кожи. На бубне печать карты мира. А у подножья небес изрисованы помощники и покровители шаманов.

Возьмите краски и рисуйте дальше. Преклонитесь перед тем, что выше и сильнее. Уважайте сущее, ибо вы часть большего. Покажите то, чем вас наградили боги, теперь путь ваш, словно зеркало. Зеркало прямое и правильное, незамутненное нормами, рамками и запретами.

Как только с вашими рисунками в бубен войдут духи и наполнят его до краев, Сургуль будет открыт.

Мархи с трепетом принял порошок цвета киновари и из рук главы Сургуля, смешал его с водой и сразу же запустил в жидкость пальцы. Теплая краска обволокла кончики и медленно поползла выше, заполняя микроскопические желобки кожи. Из алой она превратилась в грязно-бурую и начертила на выделанной кожи морду белого медведя, а чуть позже оживила грациозного марала, несущегося сквозь снег.

Мархи опустил руку и незаметно для людей улыбнулся огненной птице, перья которой поглаживал худой, иссохший старик. В это же время прозорливый Тимучин в кармане провел пальцем по монете с отчеканенной медвежьей мордой и подарил точно такую же улыбку своему амагяту — Великому хану Тэмуджину.

Путь будущему, как он и предрекал, был открыт.

Смерть купца

Мокрые спортивные штаны неприятно липли к коже. Где-то на уровне бедер чавкало, словно под одеждой возилась мокрая, холодная зверюга. Рубашка была не лучше. С нее капало прямо на разгоряченный асфальт. Следы тянулись все дальше от места прибытия и примерно через полмили сливались с босыми ногами высокого, невероятно худого парня.

Мархи, который и был тем самым парнем, поднял глаза и залюбовался синевой земного тропического неба. Там, откуда он прибыл, таких пейзажей и буйства красок было не найти. Как и здесь на берегу океана не сыскать магических артефактов, духов-помощников и настоящей курительной травы для призыва.

В домике слева раздался истошный лай. Пса выпустили на лужайку порезвиться и справить нужду, отчего тот не сдержал восторга и животной радости. Через секунду он остановился, принялся, довольно быстро обратив внимание на мокрого гостя неподалеку.

Собачонка подбежала к белому заборчику чуть выше себя, встала на задние лапки и, вытянув длинную белошерстную морду, гневно оскалилась.

— Гав, — выдал пес.

— Сгинь, — выпалил мокрый человек и ударил по бубну, привязанному тонкой тесьмой к груди.

Хозяйка собачонки появилась на пороге как по мановению магической палочки. Насторожилась. При виде потрепанного прохожего, который пялился на ее любимца, она вытащила из кармана тренировочных шорт мобильник и приготовилась звонить в полицию.

— Идите, куда шли, мистер, — бросила женщина и поймала мохнатого дружка под живот. — Пошли, Марли. Не трогай дядю. Ему нехорошо, — тихо сказала она псине, но так, чтобы «дядя» услышал и поскорее исчез из ее благополучной загородной жизни.

Дядя, которому пару месяцев назад только стукнуло тринадцать лет, решил больше не пугать блондинку и побрел дальше. С собой он прибрал демоненка-паразита, высасывающего из крохи мальтезе последнее здоровье. Не зря же он использовал бубен там, где двойнику, казалось, нет места. И не зря приоткрыл крышку крошечного сосуда со знаком нечестивой печати. Злобный дух корчился, свирепел за стеклом, но прекрасно знал, что неопытный парнишка не причинит боли и тем более не закует его в Нижнем мире без помощи старших товарищей.

Утреннее солнце разлилось по ухоженным улицам, белым домикам, отражаясь от окон сотнями бликов. В небе завершили очередной круг прибрежные чайки.

По тихой, невероятно прямой улице шел мальчик-кам и наслаждался приятными моментами. Он буквально пожирал глазами красоту здешних мест, напивался энергией земли под ступнями. Его длинные волосы мышинового цвета почти высохли и развевались на легком бризе, словно ковыль с далекой родины.

Одно-, двухэтажные таунхаусы с красными крышами и стенами из блеклых панелей были почти одинаковыми. Лишь изредка среди архитектурных близнецов попадались экзотичные строения с синими, резными лестницами или куполообразные жилища со стеклянными пристройками. Как раз на них парень обращал куда большее внимание, дабы не потерять ориентир и знать пути отхода.

«Мы такие же гадкие утята, как эти несуразы, — внезапно подумалось Мархи. — Мы слабы и почти ничему не научились», — констатировал он с отвращением к собственной

мягкотелости и безволию друзей.

Вспомнились наставления Тимучина.

Старик провожал Мархи в Срединный мир без энтузиазма. Парнишке даже показалось, что тот страшится, как бы ученик чего не натворил. Последними словами главы были прописные истины, которыми их четверку учили без малого два года.

— Запомни, сынок, в тебе живет огромная сила, и она не только в магии, она в понимании и душевности. Боги подарили тебе жизнь в одной цели: сделать мостом между мирами. Так неси же свою судьбину достойно. С открытым сердцем и непоколебимым духом. Не трусь.

Мархи отрывисто кивнул главе и в нетерпении выбежал из юрты. Совсем скоро он надел черную маску, пристегнул к бедру нож, подаренный Безымом, и помчался в лес к клену-двойнику. Получив благословение от белых ласточек, кстати, весьма довольных тем, что их кам, наконец, заслужил дебютное дело, он поднялся на плато к берегу Манасаровара. Месту, где впервые повстречал духа бубна и принял на себя ответственность почитать всех существ во всех мирах.

Обойдя священное озеро семь раз, как это требовали законы поклонения божествам, он залез в прохладную воду, чтобы остудить вспотевшее тело и пройти через портал.

Переход из Ольхона в Срединный мир Земли оказался довольно прост. Стоило только опуститься на дно благословенного водоема и попросить озерного тэнгри перенести тело в место, обозначенное на карте из прибрежного песка.

Через мгновение вода вокруг взорвалась миллионом брызг, и на ее месте возник мираж шоссе в нужном Мару городе. Рядом с камом встали его верные соратники. Они вместе с человеком переносились из одного мироздания в другое, чтобы охранять и насыщать его жизнь, пока этого желали небожители и сам аватар.

Шестиногий, безокий конь резво заржал и по-приятельски толкнул могучим крупом Мара в плечо.

— Ай, — округлил глаза подросток и показал двойнику кулак.

— Деда, он совсем меня не уважает, — пожаловался кам худому, как скелет, старику.

Редкобородый помощник поправил рогатую шапку из меха соболя и отмахнулся от внука, бросив шаблонную фразу:

— Уважение надо заслужить.

Мираж, похожий на тот, что бывает от жара костра или испарения бензина, рассеялся, и ноги парня коснулись лужайки рядом с асфальтовой дорогой. Солнечный диск только начинал подниматься из-за багрового горизонта, а юный шаман уже приступил к первой миссии.

Здание из двух этажей, к которому Мархи обязался прибыть еще час назад, но опоздал, состояло из металла и стекла. Только кровля на трехгранной крыше поблескивала мелкими вкраплениями кварца в рыжем композите. За домом расстилался парк из смоковиц, гигантских кактусов и ясеней. Десятки мощных дорожек между ними уводили взгляд куда-то вдаль, в закрытую часть роскошеств.

Мархи подошел и открыл типовую для этих мест белую калитку. За ней его встретил зеленый газон, ровный, будто только что подстриженный мексиканским эмигрантом. Сквозь игольчатые листья поблескивали почти высохшие капли утреннего полива.

Пройдя три ступеньки, которые привели на просторную террасу крыльца с навесом, кам добрел до входной двери. Она была распахнута, а за ней чернело неосвещенное пространство

гостиной.

Не успел парнишка переступить порог дома, как услышал громкий крик птицы (звук не прекращался, то превращаясь в вибрирующий, до тошноты назойливый, то растекаясь сладкой тональностью жизни). Запрокинув голову, кам разглядел над домом орла с мощным загнутым клювом и огромными крыльями. Хищник парил на потоках воздуха без усилий. Ветер держал могучего повелителя небес, словно преклонялся перед его непобедимостью и бесстрашием.

Почти незаметным движением, орел скорректировал траекторию и устремился к навесу над Маром.

«Красавец», — восхитился шаман и решил нарисовать птицу, как только вернется обратно на Ольхон.

В кармане рюкзака вот уже год пылился глянецовый альбом с набросками и набор карандашей, подаренной мамой перед последним днем рождения Макса. Пришло время использовать листы. Пусть они хранят память о тех мирах и существах, что ему встретились или еще встретятся в Нижних мирах. Пусть станут файлами памяти.

Повторный крик птицы вывел Мархи из раздумий. Время нещадно летело, как только что летал орел, а он за ним никак не поспевал.

Поторопившись и ступив в темноту дверного проема, парень нащупал рукой нечто похожее на выключатель и нажал на него. Сенсор сработал без проблем. Тусклый свет окрасил пространство блеклыми цветами и чуть уловимо осветлил окружающие предметы.

«Минимальное освещение, сумрак», — понял настройку, которую установили электрики первичной, Мархи и прошел в гостиную.

Просторная комната была разделена на несколько зон. В прихожей перед самой дверью парня встретили две конусообразные вазы с растениями-лианами, обвивающими спиральные бамбуковые подставки, металлическая тумба для газет, кожаный пуф с резными ножками, какие бывают у музейных экспонатов позапрошлых веков.

В следующей зоне был беспорядок. На полу валялись какие-то тряпки и диванные подушки. По стенам красовались кровавые разводы. Заляпанное пальцами зеркало висело криво.

— Что за... — начал было Мар, но тут же умолк.

На диване, отвернутом от парня к стеклянной стене, кто-то шевельнулся. Задавать вопрос, почему человек спит не в спальне, а здесь, не имело смысла. Мархи, если бы ему представилась такая возможность, тоже улегся бы именно тут.

Сквозь прозрачные перегородки открывалась удивительная гармония внутреннего двора. Сад со свежей листвой, цветочные клумбы и мраморные скамьи плавно перетекали в искусственный пляж с бассейном. Лазурная вода почти не двигалась, лишь поблескивала в лучах беспощадного солнца.

Парень как можно тише подобрался к дивану и взглянул на спящего. Он надеялся, что это тот, кого он искал. Но, видимо, тот, кто ему нужен, не дождался прихода Мара и оставил вместо себя незнакомца постарше и посолидней.

Гость почесал плечо, сильнее зарылся носом в подушку и затих. Его голый живот затрясся первым жирком немолодого, богатого прожигателя жизни.

Мар еще раз осмотрел лицо и тело человека. Желтые, выжженные на солнце волосы спутались и блестели то ли грязью, то ли застывшим гелем, на щеках синела многодневная щетина.

Гадкое чувство брезгливости поднялось в парне. Он вспомнил своего папашу в точно таком же угаре, и его замутило. Едва успев схватиться за край дивана, Мархи наклонился и попытался отдышаться. И тут, как назло, в нос ударил запах спиртного.

— Твою ж... — зашипел Мар и побежал к двери, за которой, как он посчитал, скрывалась уборная.

Действительно, открыв, он увидел унитаз и отполированную до блеска раковину. В углу, за занавесью, была душевая.

Времени рассматривать достопримечательности у Мара не осталось, и он нырнул в чашу раковины, чтобы как можно скорее освободиться от завтрака и прийти в себя. Когда с первым делом было покончено, неопытный кам открыл кран и поставил голову под поток журчащего, жидкого льда.

Слабость и тряска в ногах мгновенно ушли. Мутить почти перестало. Кам успокоился, вытер лицо салфеткой и повернулся, чтобы уйти. Времени почти не осталось, а миссия, словно дамоклов меч, висела над ним, не давая шанса сбежать.

Мар посмотрел в зеркало на свое бледное лицо, черные азиатские глаза, которые сейчас больше походили на блюдца, и выдохнул. Чтобы закончить миссию, ему не стоило отвлекаться на сторонних людей, а он уже дважды нарушил главный шаманский постулат. Еще немного и к своей миссии приступит Безым. Тогда ему несдобровать, как и его молодой драгоценнейшей заднице.

Поток воздуха из открытой двери прокрался в ванную и взметнул полиэтиленовую занавесь так резко, что парень едва успел среагировать на движение. Штора зашуршала. Мар вздрогнул и молниеносно повернул голову к душевой. Зрачки его расширились, рот скривился в беззвучном крике.

За занавесью на кафельном полу лежала голая женщина. Стены вокруг нее и внутренняя сторона штор были измазаны кровью, а белая кожа почти сливалась с плитной. Точно такие же блеклые волосы мерзким грязным комком расстилались вокруг головы, в центре которой зияла дыра. Череп был пробит. Бурая жижа, словно густой кисель, все еще капала на пряди.

Мархи прижался к противоположной от трупа стене и попятился к выходу. Путь до гостиной со спящим мужиком показался ему вечностью. Перед глазами стояла одна и также картинка: мертвое тело в неестественной позе сломанной куклы, алые губы и огромное отверстие в голове, откуда на щеки стекают остатки крови и мозгов.

Мар влетел в комнату, еще раз осмотрелся и понял, что отпечатки кровавых рук и скомканных вещей принадлежали не гостю, а этой девушке. И что ее убийцей, скорее всего, был именно он.

Под стеклянной столешницей у дивана парень нашел пистолет. В марках и калибрах он не разбирался, да этого и не было нужно. Главное, что женщина потеряла половину черепа и жизнь, и причиной смерти стал огнестрел.

За входной дверью послышался шорох. Гость оробело посмотрел в дверной проем. В голове зашумело от испуга и растерянности. Но тут же все прошло, как только взгляд упал на пришлого. На пороге, как ни в чем не бывало, стоял и озирался по сторонам орел.

Он сложил крылья и важно шагнул в прихожую.

— Пошел отсюда, — со злостью на себя и беспардонного орла шепнул Мар и принялся выгонять птицу, замахиваясь на нее руками, корча пугающие рожи.

Пернатый не отвечал, даже пытался не смотреть на парнишку. Покидать место преступления он тоже абсолютно не спешил. Важно прошелся по узкой прихожей, дошел до

уборной. Заглянул.

— Время, — пронеслась в голове Мархи и, позабыв об изгнании хищника, он прошел по ступеням на второй этаж. Сомнительно, что тому по нраву внутренности падали, как бы грубо это ни звучало, а ему, шаману, никак нельзя провалить задание.

Коридор с серыми лофтовыми стенами имел пять дверей. Перед каждой висела глиняная табличка с опознавательной надписью. Пропуская две двери «Уборная» и «Комната Ники», парень добралась до центральной опочивальни и прочел несмелой рукой ребенка «Комната папы».

Тимучин и Люпин предупреждали, когда-то в этом доме жил ребенок. Именно он сделал надпись для родителя. Но с тех пор минуло много лет, и после несчастного случая семейное гнездо превратилось в холостяцкую берлогу.

«После сегодняшнего его станут называть не берлогой, а местом преступления и огорожат желтой лентой», — решил Мар и тихонько отворил дверь к хозяину.

Просторная комната с панорамными окнами была светлой и выходила на тот же сад, что и гостиная. Солнце поднялось достаточно высоко, поэтому включать дополнительное освещение уже не требовалось. Предметы светились роскошью и новизной.

В углу спальни стоял массивный стол из благородной древесины черного цвета. На ближайшей стене висели в рамке витиеватые надписи из золота то ли на арабском, то ли на индийском языке. Почти у самого окна располагалась массивная кровать с резным изголовьем и покрывалом из красного шелка. На ней, скрючившись и постанывая, лежал мужчина. Легкий ветер шевелил его льняную рубашку и перья ловца снов, который, как подобалось на востоке, свисал с одного из столбцов.

Мархи не видел лица хозяина, только спину и густую посеребрённую шевелюру на затылке. Из белых шорт торчали тонкие стручки ног.

Шаман не стал скрываться и беспардонно подошел к чужой постели. Поиск цели завершился, но самое сложное ожидало впереди. Если действовать быстро, то одержимый не заметит изменений и после глубокого транса даже не вспомнит о происходящем пару часов назад. Этого-то и хотел парнишка.

Вытащив из кармана маску, ясеневую колотушку, Мар снял с груди бубен и присел рядом с мужчиной. Чтобы продолжать ритуал, парень хотел удостовериться, что перед ним истинно тот, кого он искал. Душа человека находилась в заточении, освободить ее было делом сложным, и ошибиться значило накликасть беду на них обоих.

Плечо хозяина было худым и теплым. Карамельного цвета кожа слегка просвечивалась сквозь тонкую ткань, и Мар заметил на ней пятна. Подняв рукав, он понял, что потемнения были не побоями или ушибами, следы от укусов синели гематомами и никак не заживали. Эту вакцину парень знал. Как знал, зачем она человечеству.

Кам потянул рубашку и слегка потряс спящего.

— Ники? — сквозь сон спросил хозяин и медленно открыл большие карие глаза.

Поняв свой промах спустя секунду, он отстранился от Мара и пополз к краю кровати. Не удержавшись на покрывале, свалился на пол и по-черепашьи на коленях попятился к застекленной стене. Внешний вид незнакомца быстро отрезвил хозяина. А если сказать точнее: напугал до чертиков.

Высокий худощавый подросток был квинтэссенцией всего звериного, что могло быть в человеке со времен, как первые хомосапиенсы спустились с деревьев. Даже стойка парнишки выдавала в нем хищное нутро.

Шин протер лицо, зажмурился. На секунду ему показалось, что он спит. Но через мгновение надежды разбились в пух и прах, как только парень появился вновь, стоило мужчине открыть глаза.

Квадратное лицо гостя дернулось, словно его преследовала невыносимая зубная боль. Нарисованные краской бурые полосы безобразно деформировались и исказили его юные черты. Под черной маской блеснули два оникса.

— Ты кто? — еле слышно выдавил Шин и потянулся за свалившимся с постели мобильником.

— Мар, — дружелюбно ответил парень и покачал головой. — Не надо звонить, я ничего плохого не сделал. Позвоните позже, как уйду. И лучше сразу в полицию.

Шин недоуменно заморгал. Мало того что к нему пробрался малолетний недоумок, так еще давал советы, как себя вести. Что за бред? Да, он его одной левой, этого хилняка. И сам доставит в отделение.

— Не выйдет, — ответил парень на внутреннюю речь Шика, которую он и слышать-то не должен, и поднял сложенные кулаки. — Я смогу защититься.

Шин присмотрелся и ахнул. Руки незнакомца стягивали кожаные перчатки без пальцев. В местах, где у человека должны были находиться костяшки, сквозь ткань проглядывали острые шипы, наподобие животных когтей.

— Ты чего? Комиксов насмотрелся? — выдавил Шин и попытался встать.

В голове что-то щелкнуло, и острая боль метнулась по извилинам, заставив мужчину снова сесть. В памяти всплыли кадры из вчерашней попойки.

Мистер Блэк, или просто Карлик, как называли его самые близкие, пришел часов в семь. Под руку с ним вышагивала высокая блондинка, очередная пассия из далекой Прибалтики. Открытый топ из шифона, короткая юбка кричали о доступности. Если бы ни молодое, неопытное личико под тонной макияжа, ее легко можно было бы спутать с дешевкой из местного борделя.

Девушка прошла по гостиной, восторженно всплеснула руками, отчего упругие груди едва не вылетели из лифа. Улыбнувшись, она завалилась на мягкий диван и раскинула ноги.

— Нехилая хатка, мистер Удхани. Только одному в ней скучновато, — заметила красotka.

Шин не успел среагировать на слова хамоватой особы, как та бесцеремонно выхватила из его рук бокал и сделала смачный глоток.

— Хороший виски, — услышал Удхани похвалу и, чтобы не натворить глупостей в ярости, обернулся к Карлику. Раз он привел это существо, то пускай сам с ним и разбирается.

Мистер Блэк молчал. Он наблюдал за девкой, прислонившись к дверному косяку, и виновато улыбался. В системе координат прожженного бизнесмена дружба состояла из всякого рода уступок и бескомпромиссной поддержки, поэтому возмущение Шина никак не повлияло на его намерения.

— Не злись, Шин. Крошка Пип мечтает о богатом папике, но вести себя в приличном обществе еще не научилась, — констатировал Блэк и сел рядом с подружкой.

Пип заржала, словно породистая лошадь. Теснее прижалась к любовнику.

— Право твое: спи, с кем хочешь, дружище. Только обещай, что эта девка не обделает мой новый ковер.

Карлик озадаченно уставился на Удхани, но быстро сообразив, что тот издевается над

пассией ради шутки, подскочил, обнял и смачно чмокнул в в макушку.

— Спасибо. Ты, как всегда, бесподобен. Тащи свои золотые запасы, будем пробовать.

Шин кивнул, вынул из бара две литровые бутылки виски и поставил их перед гостями. Пускай пьют, ему не жалко. Такого дерьма в дьюти фри навалом.

После первой рюмки под тост о любви и верности, время перешло на бег. Пип оказалась провинциальной девчонкой с большим чувством юмора и без гроша в кармане. Ее родители погибли от наркоты, когда малышке было десять. После этого девочку перебрасывали из одной семьи в другую, пока той не исполнилось восемнадцать.

Последней ячейкой общества, рискнувшей взять трудного подростка, стали американцы. Так коренная эстонка, по ее же собственным словам, из золушки превратилась в принцессу и перебралась на родину кукурузных хлопьев и ядерного оружия.

— Повезло, — буркнул Шин, для которого США стали вторым домом семь лет назад.

— Да, — согласилась Пип, сделав глоток.

Голова девушки закружилась, словно в адской карусели, и в горле появился кислый привкус.

— Я в ванную, — буркнула она и, пошатываясь, вышла из гостиной.

— Я помогу, — бросил Блэк.

Подмигнув другу, он встал и нетвердым шагом направился следом. Красотка была в той кондиции, когда воспользоваться ей не составило бы труда. На утро вертихвостка вряд ли бы что-то вспомнила, и поэтому сейчас Карлик без стеснения мог исполнить любые свои желания.

Шин в одиночестве допил остатки виски и поднялся в спальню. На душе, как обычно, заскребли кошки. А за окном разлилась безучастная ночная тьма.

Пускай веселятся, ему-то что. На его век радости хватило. Чем меньше счастья, тем меньше разочарования от потерь — это индеец усвоил навсегда.

Из сумки, которую Удхани взял с потайной полки шкафа, посыпались шприцы. Поймав один из них в полете, он бережно отложил предмет и принялся разводить белесую жидкость. Опытные руки знали, что делают, поэтому приготовить дозу за пару минут было делом нехитрым.

Перья ловца снов взметнулись от ветра и закружились в танцующем хороводе. Шин на секунду замедлился. Из потоков памяти на него взглянул мальчик и протянул в зажатом кулачке милую безделушку.

— Папуль, это тебе. Только не плачь, — сказал малыш и добродушно улыбнулся.

Семь лет... Семь лет он жил ради сына. Зарабатывал деньги, стремился сделать так, чтобы странного отпрыска, которого не приняла семья в Канпуре, приняли здесь, в Америке. Но все старания были напрасны. Учась в лучшей школе с американской элитой, светловолосый индеец оставался чужаком и уродом.

— К черту, — рыкнул Шин и всадил иглу в вену.

— По-мо-ги-те!!! — заверещал женский голос с нижнего этажа.

Шин испугался, что его раскусили, швырнул шприц под кровать и, еле ворочая языком, позвал:

— Пип, ты?

Внизу промолчали.

Цепляясь за стены, чтобы не рухнуть и не свернуть себе шею, мужчина спустился в гостиную.

В освещенной комнате не было ни души. На паркете валялись незнакомые шмотки, куски бумажных полотенец и туфли. По персиковым обоям тянулась алая полоса.

Глаза Шина расширились, его внезапно затрясло.

— Великий Шива, — осенило мужчину, и он ринулся к уборной.

До коридора оставалось пару шагов, как прогремел взрыв. Шину показалось, что на его голову рухнул потолок, а тело придавило тысячами осколков.

«Мне не спастись», — наконец, решил он и медленно пополз к лестнице.

Картинка смазалась, и хозяин дома вернулся из воспоминаний совершенно потрясенный. Задыхаясь от чувств, он схватился на ворот рубашки. Верхние пуговицы были растегнуты, но воздуха все равно не хватало.

Глаза цвета ночи проследили за палитрой эмоций, отраженных на его лице, и, когда недоумение сменилось горечью и обреченностью, кам искренне сказал:

— Сожалею. Верю, что за вами нет вины. Так получилось.

— Спасибо, парень. Только думаю, полиция с тобой не согласится.

Мар нахмурился, немного помолчал. На скуластом упрямом лице отразилась детская наивность.

— Так что важнее: полиция или совесть? — вдруг задал он вопрос взрослому и вместо ответа получил потоки гневливых слов.

Шин завопил, словно обезумевший, о сволочах в правительстве, которые шантажируют и заставляют платить взятки, о расовом неравенстве, скрытом под маской молчаливого цинизма, о собственной судьбе. Когда сил не осталось, он схватил мобильник и запустил им в голову мальчишки. Мархи легко увернулся. Шин побледнел.

— Я здесь, чтобы спасти вашу душу, — спокойно сказал Мар, взял с постели бубен и присел на корточки рядом с одержимым. — Позвольте мне помочь.

— Пошел к черту, гребаный фанатик! Меня не спасти!

Шин закрыл лицо руками и горько заплакал.

— Пока человек жив и хочет жить, все можно изменить.

Кам бережно дотронулся до колена сидящего человека, чтобы хоть как-то успокоить. Но хозяин не отреагировал. Разместившись поудобнее, парень закрыл глаза и ударил в бубен. Звук молниеносно разлетелся по комнате, заполнив каждую струну пространства. Эхо отлетело от стен и медленно сползло в мир духов.

— Ш-ш-ш-ш-ш, — зашипел зверь из глубин человеческой сущности и оскалил клыки. На что Мар снова ударил колотушкой.

Удхани грозно рыкнул и с силой оттолкнул Мара. Поднялся. В незрячих, подернутых дымкой глазах отразилось глубокое, безраздельное одиночество, что сердце мальчишки невольно отозвалось. Совсем недавно она сам был таким же загнанным зверем и с такой же безнадежной жестокостью принимал мир людей. Но раз его смогли исцелить, то надежда на спасение была и у этого человека.

Он знал, чувствовал свою правоту. Сколько бы духи ни твердили ему о слабости смертных, Мар отказывался верить.

— Я проклят! — воскликнул бесцветным голосом Шин. Сделал шаг назад.

Не в силах совладать с собой, он развернулся и прыгнул в застекленную стену. Первая попытка не увенчалась успехом. Стекло осталось на месте. Тогда мужчина отошел подальше, вытер со лба кровь, и снова попытался пробить преграду. Мелкая сеть трещин молнией расплзлась по прозрачному материалу.

— Хватит! — взмолился Мар, хватая Шина за рукав, когда тот в третий раз ринулся на барьер.

Каким бы выносливым и быстрым ни был мальчишка, но удержать тело сорокалетнего мужчины он не смог. Мелкие осколки градом посыпались на мощеную дорожку, за ними полетел Шин.

Юный кам прижался к кровати и долго сидел, пытаясь отдышаться. Перед его взором вновь и вновь прокручивались последние секунды жизни одержимого, и каждый раз он не успевал. Не успевал сказать правильные слова, не успевал войти в транс, чтобы поймать злобную тварь, высасывающую последние капли божественной искры. Чтобы ни делал Мар, в конце пути человек погибал.

На нем лежал тяжкий груз: гибель Шина. Но прекращать дело Мар не имел права: там, в Нижнем мире, притаилась злобная тварь. Которую хочешь не хочешь, но надо поймать и заточить. Сколько грехов было на ней, и сколько могло приключиться, если оставить ее на свободе?

Бубен звучал звонко и чисто, когда Мархи в третий раз ударил по натянутой коже двойника. Под черной маской глаза подростка закрылись, и на место обычного зрения пришло шаманское. Вселенную Млечного пути заволокло дымкой, сад семьи Удхани потонул в тумане и из-под зеленого мира живого проступил мертвый мир.

Ритм Змеи, который отбивал Мар, чтобы набраться сил и обрести решимость, перерос в Олений. Три медленных удара перешли в быстрые постукивания, и чуть погода бубен разошелся, словно превратился в конный табун. Услышав зов кама и не в состоянии сопротивляться его могучим приказам, из тела Шина выползла серая дымка. Постепенно она сложилась в иссохший силуэт гуманоида и злобно показала парню гнилой язык.

— Не поймаешь-ш-шь, слабак, — твердил ее беззубый рот. — Не удержиш-ш-шь.

— Ага, не удержу, — простодушно согласился Мар. — А этот сможет, — бросил он и поднял глаза в серое небо.

Из грозных туч показались крылья. Раздался резкий крик и к земле устремилась огненная стрела. Небо рассвело желтыми всполохами.

— Божий меч. Треклятое зверье.

Узут — демон-паразит испуганно отполз в кусты и сжался в комок.

Когда до земли остались считанные метры, орел расправил крылья и стал высматривать добычу. Первый раз он бросил огненные перья на сумеречную землю. Узут отполз с поляны к соседним землям. Второй раз Улунхан отправил своих искрящихся посланников. Паразит попытался скрыться за газонокосилкой. Третий раз амагят посеял в почву огненные всполохи. Демон в испуге ринулся под пристройку и нечаянно влетел в живую кошку.

После долгого молчания и безрезультатных поисков Улунхан сдался.

— Все, потеряли гадюку. Пора смириться, — подтвердил очевидный факт он и рассеялся в воздухе искрами.

Парень с горечью выдохнул, остановил ритмичную музыку камлания и открыл глаза. Полуденное солнце нещадно опаляло Калифорнию и заставляло шамана из северных земель обливаться потоками пота.

Время для миссии давно вышло, а задание было провалено. Остаться здесь Мархи не имел права, поэтому спустился вниз, связал руки все еще спящего убийцы и вышел.

— Мадам, — крикнул он уже знакомой блондинке с собачкой, когда проходил мимо, — в доме двадцать два по вашей улице случилось убийство. Позвоните в полицию, иначе

преступник скроется.

— Почему я должна тебе верить? — выпалила девушка с явной неприязнью.

— Потому что ваша собачка, наконец, начала есть, — улыбнулся прохожий босяк и резко исчез, растворившись в мареве накаленного асфальта.

Когда парень вылез из озера, холодный воздух заставил его съежиться и сжать челюсти с такой силой, что затрещали зубы. Все еще стоя на коленях, он выплюнул остатки воды на песок.

— А можно здесь потеплее сделать? — обратился он к Безыму, сидящему на берегу с шерстяным одеялом.

— Нет, — рявкнул тот и накрыл парня. — Получилось?

Мархи отрицательно покачал головой, попытался встать, но снова упал.

— Ты чего? — недоуменно спросил многоопытный кам и вдруг понял, что мальчик плачет.

— Это был папа Ала? — сквозь слезы задал вопрос Мар.

— Да. Шин Удхани со смерти жены жил с паразитом в душе. Эта тварь разъедала ее, заставляла медленно умирать от пороков.

— Из-за меня дядя Шин быстро умер. Я причина его гибели, — прошептал парень и застыл, всматриваясь в ночное небо, многократно отраженное в каплях слез.

Он не желал возвращаться в селение. Он знал, что теперь никогда не посмотрит другу в глаза. Потому что в голубой бездне он увидит карие отсветы одиночества и смерти.

Вавилонская башня

Клюв получался горбатым, кривым и неестественным. Мар старался держать карандаш ровно, но тот постоянно выскользывал и валился на грудь. При очередном падении деревянного помощника парень чертыхнулся и решил на сегодня закончить. Если рука не идет за фантазией, так незачем выдавливать из себя последние крохи творческого угара.

— Кавказский горный орел должен быть с горбинкой. Иначе это не горный орел, — высказался Мар и закрыл альбом.

— Ты был на Кавказе? — спросил Акай, приподнявшись с лисьих шкур.

С момента инициации прошло два года и, несмотря на то, что амагят дал японскому парню имя Геракл, молодые люди до сих пор называли его Акаем. Только в школе при старших они переходили на полуофициальное — Гера.

— Был. С мамкой на автобусе гоняли.

— Оооо, как замечательно! Я тоже был в горах. На горе, точнее. Фудзияму знаешь?

Мар кивнул.

— Ваша Фудзияма — нет никто рядом с Эльбрусом. Точно тебе говорю.

— Все ты знаешь, — скорчил обидчивую гримасу пухляк и перекатился на другой бок.

Видимо, гордость за самую высокую гору в стране была у него в крови.

— Не все, но знаю. А вот ты до сих пор задание не получил, ботаник, — съязвил Мар.

Акай не выдержал обидных слов и вскочил с импровизированной постели, подобно сайгаку. Хотел что-то ответить злому русскому, но сделался пунцово-томатным и закашлял. Мархи стало его жалко, и он помог пухляку сесть обратно. Мало того что Акаю тяжелее давались физические нагрузки, так еще духи не воспринимали мягкосердечного шамана всерьез. Они частенько отказывались говорить и просили прислать другого проводника, важного и могучего, им под стать.

— А ты, — сквозь слезы и кашель выдавил Гера, — ты вообще свое дело запарол. Думаешь, прощения попросил, и Ал забудет смерть папы? Мури. Мечтать не вредно. Вот выйдешь из лазарета и получишь по рогам.

Растерянно заморгав, Мар отошел от Акай к деревянному остову лечебной юрты и прижался к холодному скелету лбом. Легкий озноб прошелся по телу, заставив теснее запахнуть жилет из овечьей шерсти.

Ал, как жаль...

Перед глазами вновь предстала последняя встреча с другом.

Кто-то поведал белоголовому каму о смерти отца еще до того, как Мархи вернулся на Ольхон и смог сам рассказать об ужасном промахе. Гроза разыгралась раньше, чем ожидалось.

Не успел подросток войти в юрту, где троица ночевала со дня посвящения, как из темной половины жилища на него накинута с мутным, невидящим взором гибрид человека и волка. Клыками, похожими на гнутые лезвия, оборотень вонзился в предплечье Мара. Дернул.

— Ал, а-а-а! Помогите! — завопил Мар и, ухватившись за белую шерсть на холке нагваля, стал оттягивать того от себя.

Перед глазами заплясали звездочки. Парень ощутил, как медленно опадает на земляной пол убежища. Ноги теряют последний контроль и посекундно слабеют.

Упасть до конца ему не дали. Передники лапами-руками зверь схватил парнишку и потащил на улицу.

В тесной комнате не развернуться, а на просторах деревни разорвать добычу гораздо легче. Тем паче, что никто не посмеет вмешаться и не запретит мести свершиться. Никто никогда не посягнет на древний закон ие-кыла.

На небе безмятежно сверкала молодая луна и медленно, почти незаметно кружили тринадцать звезд Ольхона. Большой ковш, единственный узнаваемый объект с Земли, посылал сигналы Мархи, подмигивая осколками двойного Дубхе. Звездный альфа намекал парню, которого тянули безвольным мешком, что не время умирать, что где-то там, в пустыне покоя и ледяного оцепенения, теплится жизнь, и хоть она мала и ранима, но защищать ее — великое дело, на которое способен молодой кам и подобные ему. Подобные тому, чьи зубы вцепились в плоть отцеубийцы и с упоением рвали человеческие жилы.

— Белый, оставь. Прости меня, — с усилием выдавил Мар и почуял в груди шевеление дремавшего все это время зверя. Кто-то просыпался в нем. Кто-то страшный и могучий.

Мару стало не по себе, и он беспомощно застонал.

Из юрт и яранг повыскакивали камы. Многие из людей беспечно спали, поэтому, кроме портков и войлочных накидок, ничего не успели одеть. Клубничка выглянула из дома Тимучина и, пожившись, нырнула обратно. Было непонятно, то ли она замерзла и решила не следить за битвой до конца, то ли догадалась позвать старших.

— Прекрати, нагваль! — загремел Безым, вышедший в ночную стужу от главы. — Оставь парня!

Оборотень злобно рыкнул, но сквозь хищный блеск стали проявляться голубые глаза Ала. Каким бы сильным ни был хранитель, полностью взять верх над волей хозяина ему не удалось. С отвращением разжав зубы и бросив добычу, белоголовый вытер кровь с лица и брезгливо сплюнул на грудь бывшего товарища.

В толпе шаманов послышался гул. Ночное происшествие взбудоражило жителей стойбища. И на это были причины. Во-первых, врагами стало новое поколение аватаров. Те, кого так ждали и на кого надеялись и люди, и духи. Во-вторых, слабым звеном, из-за провала в Срединном мире, стал внук самого Асяя. Кама, чью силу сравнивали с могуществом небожителей.

— Будь ты проклят, грязная шавка, — выкрикнул Ал и толкнул ногой безвольное тело.

Мар скорчился от боли. Из предплечья хлынула струя крови и неспеша потекла на каменистую почву.

Камы переглянулись. За раненым мальчиком никто не вышел.

Безым, который был выше остальных, осмотрел народ, разочарованно покачал головой. Расстроился он или просто был зол, не понял никто, пока кустистые брови ни сошлись на переносице, и он ни заговорил.

— Да, какие вы шаманы? Одно отребье! — рыкнул учитель Безым, растолкал могучими плечами зевак, чтобы пробраться к лежащему ученику.

— Ал — к Тимучину, Клубничка, найди корни кулибы и завари, — приказал он грозно и понес Мархи на руках в лечебную юрту.

Девочка, которая по-шпионски выглядывала из-за спин шаманов, кивнула и пулей помчалась к Дому Предков. Кудрявые волосы огнем взметнулись в темноте и скрылись за дверью каменного строения. В одной из подсобок хранилась целая стопка корней горькой травы от воспалений и всякого рода заражений. Их-то ей и приказали отыскать.

— Нет! Иди к дьяволу, идите вы все к дьяволу, вместе со своими божками, демонами и остальной швалью! — завопил бывший Удхани. Его боль и забота к убийце Безыма вновь разожгли угли ярости.

Шерсть, которая еще не сошла с холки оборотня, встала дыбом. В глазах застыла безысходность, которая стала медленно превращаться в волчье беснование. Парень ринулся на Безыма, чтобы добить раненного. Когда до учителя оставались считанные метры, нагваль подпрыгнул и приземлился прямо на голову воина. Тот покачнулся, но успел прикрыть тело Мара своим торсом. Ал зарычал, вцепился когтями в одежду друга и стал вырывать его тело из цепких объятий.

Перед лицами борцов мелькнула тень. Мощный рывок заставил Ала отпустить Мара и кубарем слететь со скрюченного в три погибели учителя.

— Что это было? — растерялся белоголовый, и, подняв взгляд от земли, умолк.

С двухметровой высоты за ним следили песочно-карие глаза на грубом, в рытвинах и щербинах, лице.

— Здравия, недоросль, — почти шепотом произнес незнакомец и погладил свою посебренную временем бороду. — В кои-то веки заглянул к приятелю, а тут такое деется. Весело живете.

Спокойствие и смешливое равнодушие речи иноземца было ненастоящим. Под небрежно накинутой шкурой бурого медведя виднелись натянутые до предела мышцы, руки были сжаты в кулаки. Еще секунда и он был готов рвануть в бой, растерзать недругов или, напротив, спасти невинного.

К чужаку доковылял Тимучин и, одобрительно, по-товарищески, похлопав по спине, спросил:

— Как тебе ребятишки? Забавные, да?

Забавные? Мар с трудом открыл глаза, возмутительные слова старика взбесили. Посмотрев на Ала, лежащего на куче щебня и пытающегося сохранить остатки гордости, он заметил точно такие же нотки раздражения.

— Ладные камы. Чегой-то они не поделили? Безым, а ты на кой полез в драку? Решил, белый сивого не одолеет?

Безым поправил сублильного Мархи, которого до сих пор держал на руках, и ничего не ответил. Только у входа в лечебную юрту, он полушепотом кинул через плечо:

— Мы ушли.

Мара почти занесли в уютный шатер, как он услышал Тимучина. Слова предназначались незнакомому шаману. И были довольно удивительны даже для здешних мест:

— Хад, мальчик слабоват. Не дам.

На что Хад, тот самый незнакомец, бесстрашно заявил:

— Слабоват он, покуда жизни реальной не чует. А какова жизнь в Пути, скажи-ка? Верно! Никакой! Со мной ему лучше будет. Научу ремеслу не хуже вашего брата. Да и того, другого сберегу.

— У меня вот — другое дело, — вырвал из болота воспоминаний и вернул обратно голос Акая.

— Что?

— У меня — другое, — повторил японец. — Знаешь, как тяжело всю ночь в Доме Предков на коленях стоять? Холодрыга, воеет кто-то, духи назло лампы тушат.

— Смотря с чем сравнивать, — неопределенно заметил Мар, отлил из кувшина в

плашку настойки и подал другу.

Акая глотнул грязно-бурой жидкости и снова закашлял. Пошла вторая неделя, как он пытался выкарабкаться из хвори. Кашель и лихорадка все не проходили. Шаманы редко заглядывали к нему, махнув рукой на бесталанного ученика. Одна проказница Клубничка изо дня в день приносила ему похлебки и свежесваренную настойку.

— Как с чем? Ала учат с ие-кыла управляться, на охоту берут. Рыжую на врачевание наставляют. Ты вон, вообще, в Лос-Анджелесе косточки грел. Только меня за недалекого держат: то воды натаскай, то предков шаманских подношениями успири. И как я после такого до пика доберусь?

— Нормально доберешься. Похудел хоть. Коленьями по животу бить не будешь.

Акай помедлил, потом размахнулся пустой посудиною и метнул в Мархи.

— Заткнись, кусок помета! — завопил он и, расплакавшись от обиды, уткнулся в овечью шерсть.

На том разговор прекратился.

Ветряные мельницы завывали между деревьев, перемалывая остатки осенних теплых дней. Из жерновов выходила обледенелая стужа, покрывала искусственный остров, созданный некогда первыми шаманами, коркой голедухи. Дневная звезда едва пробивалась мутным пятном через плотную пелену низких облаков.

На одном из нижних ярусов Кайласа стояли Ал, Геракл и Мархи.

Один за другим они обернулись и попытались найти в сумраке родную деревню с полусферами из войлока и шкур. Внизу расстелились прекрасные долины из пушистого снега и острые складки горных цепей.

— Восемь лепестков зимнего лотоса, — вспомнил Мар слова одного из учителей Сургуля. — На вершине мы увидим их, как на ладони.

— Я увижу, — уточнил Ал. — Увижу и покину деревню Пути, чтобы никогда с вами не пересекаться, гниль, — добавил он, с гневным пренебрежением взглянув на Мархи.

Злость и обида все также сильно кипели в сердце подростка, хотя с гибели отца прошло почти два месяца.

— Ребят, перестаньте, — взмолился Акай.

Троица знала, что Ал прав. Как только он пройдет испытание, Хад заберет его с собой во множество Срединных миров, по которым странствует, чтобы усмирять духов и изгонять нечисть. Тогда дороги учеников Пути и подмастерья свободного кама разойдутся. Не станет друзей, канут в небытие общие воспоминания.

И если у Геракла от одной мысли о расставании крутило живот, то Ал с радостью и надеждой ждал неизбежного.

— Мы пока здесь, внизу. И не поднялись даже до трещины. Чего мечтать о том, что будет? — попытался остудить друга Акай, но вместо усмирения добился для себя только роли мишени гневных выпадов начинающего тирана.

Ал, взбеленившись, схватил его за край дубленки. Сильно встряхнул.

— Думаешь не смогу? Сомневаешься?

Смуглолицый парнишка побледнел и покачал головой.

— Нет. Только осторожней. На пик спускаются тэнгри. Увидят и вмиг заберут ами с собой.

«Тупица. Сейчас Ал его порвет», — подумал Мар и, чтобы предупредить следующий выпад, встал перед Акаем, заслонив того от белоголового.

Пока Ал придумывал способ расправиться с парочкой недоумков, перечивших ему, на плато, где стояла троица, влез Хад. Медвежья неуклюжесть и вес в пару сотен килограмм делали из него жителя равнин. И то, что ради пацана, он решился забраться столь высоко, говорило о большой ценности сорванца с силой бессмертного волка Мунх Шона.

— Довольно! — скомандовал Хад, голос которого походил на медвежий рев. — Живо в деревню.

Камы повиновались. С бурым медведем-шатуном лучше не спорить и это понимал даже наивный Гер.

До поселения оставалось не больше часа пути, когда Ал резко остановился. Остальные подумали, что он выбился из сил, и предложили присесть, чтобы разжечь костер и поужинать. Ал не спорил. На бледной коже вспыхнули алые пятна и подросток безвольно опустился на камни. Что-то серое, словно тень от насекомого или птицы, мелькнуло на его щеках и бесследно растворилось в темноте зимы.

— Как ты? — спросил Акай.

Белый волк оскалился.

— Отлично. Меня ждет будущее. А ты, размазня, сдохнешь, захлебнувшись своим жиром и соплями.

От неожиданной бравады путники оцепенели. Мар нацепил перчатки, спрятал огниво и твердым, решительным шагом направился в поселение. Он устал от парней, их перепалок, устал от ночных кошмаров, в которых альбинос снова и снова вонзался клыками в его предплечье. Оторвавшись от троицы, он расслабленно выдохнул.

Впереди была только дорога, пустая и одинокая, как жизнь Макса. В сумерках мелькали сугробы, пролетали безликие небесные путешественники и шептались полтергейсты, живущие сразу в двух мирах. Юный внук Асая все шел по хрустящему снегу и вспоминал тот дивный мир, из которого когда-то сбежал. Улыбка то рождалась, то угасала на его обветренных губах.

Был ли выбор? Наверное, нет. Смог бы он стерпеть шаманскую болезнь? Наверяд ли. Только здесь, в месте, где он нашел свою силу, места ребенку с Земли не находилось. Только шаману, только посреднику из древнего рода.

Из темноты вынырнули деревянные истуканы, охраняющие поселение от вторжения врагов. Мар остановился и огляделся. Кроме него и застывших на столбах зверских морд, вокруг не было ни души.

«Кайф. Наконец, один», — подумал парень. Беззаботно улыбнулся.

— Чего скалишься? Придумал, как на Кайлас взобраться? — услышал Мар детский голосок неподалеку и стал приглядываться к истукану справа.

Под ним, укутавшись в шубу Тимучина, сидела Клубничка. Бледно-розовое личико почти сливалось с зимним пейзажем и, если бы не шапка-ушанка, плотно надетая и завязанная самодельными шнурками под подбородком, то он бы решил, что у входа в деревню уселся заяц.

— Нет. Чего стережешь, малявка?

— Не чего, а кого. Вас ждала. Бросили меня и ушли на гору, гнусные мальчишки, — с обидой пояснила девочка и шмыгнула носом.

— Надо было тебя взять? — усмехнулся Мар. — Мелкая еще, не дойдешь.

Клубничка подпрыгнула на месте, как тот заяц, которого только что представил кам, и врезала парню кулачком в живот. Кам ничего не почувствовал, кроме легкого хлопка по

дубильной коже. Рассмеявшись, он приобнял агрессора. Неожиданно аромат спелой клубники окутал его рецепторы и заставил сглотнуть голодную слюну.

— Отойди! — воскликнул агрессор в ответ и стал пихаться. — Кто тут маленький? Кто слабый? Да я вас троих, вместе взятых, переплуну, вот увидишь! Маменькины сынки!

— А ты?

— Что я?

— Откуда здесь? Где мама?

Клубничка застыла на мгновение, перестав сопротивляться. Худенькое личико будто осунулось за секунду, побледнело еще сильнее. Девочка прижалась лбом к дубленке Мара и совсем другим, взрослым голосом ответила:

— Нет никого. Я — сирота.

От неожиданности Мархи замер. Все время на Ольхоне он думал, что малявка — внучка Тимучина или кого-то из шаманов, так легко она перемещалась из одной юрты в другую и нигде никогда не встречала сопротивления. А тут такое!

— Прости. Не знал. Спасибо тебе.

Клубничка нахмурилась и недоверчиво посмотрела на Мара.

— За что?

— Что Безыма привела, когда напал Ал, за настойки для меня и Акая, за вяленую оленину, которую тайком приносишь, пока взрослые не видят.

Девочка подняла изумрудный взгляд на Мархи и тут же опустила в смущении. Несмотря на то что шаманке исполнилось восемь, она мало изменилась со дня знакомства. Худенькое тельце и большая, обрамленная ореолом красных завитков, голова делала ее похожей на одуванчик.

Сейчас одуванчик залился краской, а из-под ушанки высвободилось всего несколько кудряшек. Почти мальчик. Крошечный мужичек из стихотворения Некрасова, который смутился от доброты и слов благодарности.

— Пошли, — после тягучего молчания сказал Мар и взял девочку за руку в шерстяной варежке. Та кивнула и сильнее сжала ладонь старшего.

Парень довел Клубничку до юрты Тимучина молча. Разговаривать не хотелось, в природе Ольхона царила безмятежность и нарушать ее казалось преступлением. Обычно болтливая и острая на язык девочка поняла настроение товарища, поэтому не проронила ни слова.

Попрощавшись, Мар пошел в лечебницу. Тихое завывание в компании с непроглядной чернотой встретили его в юрте, отчего пришлось поежиться и сразу же приступить к поиску свежих поленьев для костра.

Акай еще не пришел. Видимо, троица еще не добралась до поселения. Отстали они от вьюжного пути или просто решили разбить лагерь там, где остановились ради Ала, Мар не ведал, но прекрасно понимал другое: с Хадом парням безопасно.

Старый шаман состоял из стали убеждений, молниеносных рефлексов и инстинктов. Такого молодца сыскать тяжело, даже среди братьев-шаманов, поэтому страшиться рядом с ним было нечего.

Разведя костер в центре юрты, парень снял дубленку и бросил рядом с циновкой. Тепло ласково прошло по его чреслам и заставило зевнуть. Тени, напротив, взбодрились, заплясали по стенам, пугливо прячась от отсветов пламени. Невообразимый поток энергии разлился вокруг, привлеченный мотыльком к источнику тепла, и неторопливо пополз к небу

вместе с дымом.

Духи были довольны. Они любили пламя, как любят верующие свои храмы. Сжигая в огненном вихре боль, злость, человеческие слабости, которыми была наполнена их жизнь ДО, души становились ближе к тэнгри, ощущали благодать, неведомую им доселе.

Мар лег на циновку, укутался шерстяной накидной, которая заменяла камам одеяло, и уснул. Его убаюкал треск поленьев, вой за самодельными стенами лачуги и умиротворение загробных существ. Что бы ни ждало его впереди, сейчас он спал: покачивался в безмятежной лодке Бо,пил самодельное пиво с Асаем, радовался победе в соревнованиях с вэшками.

Прошел час, другой. В юрту никто не вернулся.

За плечо кто-то потряс и Мар открыл глаза. Сладко зевнул. Он надеялся увидеть плоское лицо Геры, но ошибся. Рядом с ним на овечьей шкуре сидела Клубничка. За ее спиной стоял Безым, Хад и пара шаманов, обычно охраняющих Тимучина.

— Мар, г-где Г-геракл? — тихо, чтобы не напугать сонного друга, спросила девчушка. В ее глазах читалась тревога.

— Не знаю, — растерянно пробормотал Мархи. — Я первым пришел в юрту и лег. А что? Дядя Хад, где пухляк?

Старшие переглянулись.

— Не ведаю, отрок. Мы прибыли в селение ночью и сразу же разбрелись на ночлег.

— Я решила принести отвару, — перебила его Клубничка. — В полночь от-тнесла в Дом Предков хлебных к-крошек для подношений и зашла к вам. Кроме тебя в юрте никого не было. И я пошла к дяде медведю спросить, где Акай.

— Мы камлали. Пытались сыскать мальчишку через птиц. Не вышло, — добавил Хад.

На старике была безликая маска из деревянной пластины с бисерными шорами. По плечам расстилалась шкура бурого медведя. Значит, он не врал и они, действительно, ходили в Нижний мир на поиски ученика.

— В селении Геры нет, — добавил Безым и нервно хмыкнул.

Мар не стал дожидаться, пока учителя закончат повествование. И так все понятно. Чего объяснять? Он встал, натянул дубленку, поискав под шкурами обувь, посмотрел на Клубничку:

— Где унты?

Клубничка зарделась.

— Может, тебе не ходить? На улице мороз... И Ал собрался идти. Ждет у выхода из деревни.

Парнишка помедлил, почесал затылок и несогласно качнул головой. Что бы ни было между ним и белым, Акая надо найти. А с Алом он разберется потом.

— Отдай унты!

Девочка встала, прошлась к дальней стене и, чуть помедлив, притащила обувь к циновке. Попытка оставить друга в деревне провалилась, и ей осталось только ожидать завершения миссии.

Мужчины вышли в морозное утро и, встретившись с другими путейцами из соседней юрты, двинулись к центральным вратам. Ночная пурга прекратилась. Меж снежных барханов к деревянным столбам потянулись люди со всего поселка. Прошло немногим более четверти часа, как шаманы собрались в один небольшой народец и, обсудив планы, разгруппировавшись, разошлись по четырем сторонам света.

— Почему он ушел? — спросил у Мархи старый Безым, как только они отошли от камов на расстояние, откуда их не слышал ни один слухач.

Мар задумался. И правда, зачем неповоротливому каму сбегать из поселка? Страх? Обида? Тоска?

— Одиночество.

Старый Оциола, плывущий рядом, словно туманное человекоподобное облако, замолчал также резко, как заговорил и устремил взгляд к горизонту.

В сердце подростка что-то заныло и больно сжалось. Чувство, похожее на вину, заскреблось под толстой коркой самолюбия, как это бывало каждый раз, когда он рвал учебники одноклассников или пинал слабого очкарика из младших.

Да, старик был прав. И Мар знал, чувствовал это, ибо видел себя охотником, испытывающим угрызения совести перед совершенством природы. Перед идеальным созданием, которое посмел сгубить.

Дух остановился. Его черные глаза сузились, всматриваясь в пространство. Рука поднялась, указала на бурую точку за очередным снежным заносом.

— Акай! — закричал юнец и стрелой кинулся к тому месту, на которое показал помощник.

— Мархи! — рыкнул Безым, но поняв, что того не остановить, побежал следом.

Тело мальчика быстро приближалось, Мархи летел, словно стрела. Перепрыгнув через очередную ледяную глыбу, он приземлился совсем рядом. Всмотрелся.

Акая был скрюченным и маленьким (совсем кроха среди белого, беспросветного плена). Не двигался. Синяя кожа поблескивала кристаллами льда, а в распахнутых глазах застыл ужас.

Спасти мальчишку казалось невозможным, последний осколок ами покинул землю Ольхона еще до того, как Путь вышел на поиски.

Мархи упал рядом с другом на снежный наст и громко завыл. Смерть Геракла, глупая, нелепая, разбудила в нем память. И из укромных уголков стали всплывать мгновения, мозаика того, что они с Алом творили неделю, месяц, год назад.

«Толстяк, тупица, слабак», — смеялись из прошлого Ник и Макс.

«А ты, размазня, сдохнешь, захлебнувшись своим жиром и соплями», — выкрикивал белоголовый кам.

— Это мы! Мы виноваты! — закричал Мар, не в силах сдержаться. Он, наконец, ответил Безыму на вопрос, почему ушел Акай, только бесполезные слова повисли в воздухе бесполезным грузом и уже ничем не смогли помочь мертвецу.

— Пошли, сынок, — прошептал кам, поднял ученика, и они медленно, обнявшись, зашагали к деревне.

— Что будет с телом? — спросил парень, когда они подходили к истуканам поселения.

— Черные шаманы поднимут его на Кайлас и заложат камнями рядом с другими покойниками. Часть души вернется в Дом Духов, остальные — уйдут в свои миры. Так было, есть и будет до скончания времен.

— А я? Я смогу попросить у него прощения?

Безым покосился на ученика, кротко кивнул.

— Сможешь и попросишь. Такова доля кама, только через прощение загубленных душ он обретает опыт.

Мужчины: юный и пожилой прошли низину и поднялись на пригорок, откуда

открывался лучший вид на селение. Ветер умолок, на небосклоне засветилась звезда, как две капли воды похожая на Солнце. Чуть поодаль, справа, вынырнула из сумрака каменная пирамида Кайласа с белой шапкой и трещиной во всю грань.

Что-то не так, — с тревогой сказал Безым и приказал Мару поторапливаться.

Над многими юртами поднимался дым, но вился он не нитью, как это обычно бывало в зимнюю пору, а клубился черными шапками. Кое-где войлок полусфер уже обугливался, и сквозь него проступали алые огненные всполохи.

С четырех сторон к деревне потянулись цепочки путейцев, которые также, как Мар с Безымом, заспешили на помощь к Тимучину. Он и Клубничка — единственные, кто остались сторожить жилища.

Ворвавшись на пожарище, превратившее селение в гигантский факел, Безым, с одной, и Хад, с другой стороны, кинулись к юрте Тимучина. Небольшое строение пока держалось. Огонь лишь слегка лизнул полог позади входа. Люди из охраны главы, которые вместе со всеми ушли на поиски Акая, оттолкнули товарищей и вошли в дым. Защищать жизнь главы была их обязанность, поэтому губить путейцев-шаманов они не имели права.

Через мгновение мужчины вылетели их юрты, держа на руках хозяина. Тимучин был жив, но без сознания. Его положили на одеяло, обтерли лицо снежными комками и попытались вернуть в Срединный мир.

Старуха с дряблой, словно помятой веками, кожей прикрыла почерневшее от гари лицо маской, накинула лисий полушубок и под бой бубна ушла в Нижний мир искать душу великого кама.

Камлание закончилось, едва солнце перевалило к закату. Удары колотушки замедлили темп, и славный Тимучин, наконец, открыл глаза. Вздохнул глубоко и протяжно. Шаманы дружной толпой приземлились перед главой на колени и наклонили головы в приветствии. Из глаз многих брызнули слезы счастья.

— Где Клубничка? — прервал тихую радость народа Мар, который не склонился перед стариком, как другие.

Тимучин перевел мутный взгляд на парня и жестом заставил того сесть рядом.

— Украли. Защита селения не подмогнула.

— Кто? — удивился Мар.

Только вчера он узнал, что девочка — сирота, и теперь ему говорят, что пришел некто настолько сильный, могущий своротить истуканов божеств и выкрасть рыжую малышку прямо из-под носа великого главы.

— Восточный бог Ата Улан. Дай-ка отдышусь, внучок. Не торопи. Все равно боле ничего не знаю. Видел образину тэнгри, как он схватил малышку. А что дальше, не ведаю.

Белый кам выудил из кармана монету с отчеканенным профилем медведя и вложил подарок Асая в ладонь его внуку.

— Храни подарок деда. Авось когда пригодится.

Старуха с кошельком

Хата Эдуген, дочь Мала Тэнгри и мать земли плодородной, возлюбила супротив наказа отца Ата-Улана. Отдалась ему и возлегла на ложе Восточного божества. Только напрасны были ее надежды, после ночи с богиней отрекся паук от клятв и ушел восвояси. Оставил тайную жену горевать по утерянному.

Поникла хата, аки цветок без влаги, но получив семя, что возродило жизнь в чреве и сердце ее, расцвела пуце прежнего. Поклялась она сберечь тело свое до дня рождения дитя.

Пришлось скиталице сбежать с небес и родить потомство на перепутье дорог в мире Срединном, ибо страх перед Небесным Отцом и битвой, где не будет спасенных, заставили богиню отлучиться от вечной жизни. Доверилась Эдуген челяди верной, что служили богам с начала времен, призвала к себе смертного. Прибыл нагваль худ и слаб, принял ребенка из чрева хаты. Едва успел укрыть малютку, как сомкнула хата очи и отдалась теченью реки безвременья.

С той поры пропали нагваль и дитя в мире людском и знать не знали, слышать не слыхивали о них на Небесах. Мала Тэнгри же от горя, али с умыслом каким, растворился меж звезд, оставив три юдоли без благословения и защиты.

Бурхан проклятий, Тимучин, белый кам. Летопись двумирья «Главы Пути к Свету».

Нет славных деревьев с ядовитыми плодами и нет гнилого древа, которое приносило бы плоды добрые. Ибо всякое дерево познается через плоды свои, как человек постигается через потомков.

Иван Гел ибн Али. «Прозрение и слепота», том 2.

Бархат был везде. Софа, кровать в пять саженой, пуф с резным изножьем мягко светились алой драпировкой и золотыми вензелями. На точно таком же кроваво-красном ковре примостились икринки недоеденной сириллы и кеты.

Статный мужчина с минуту разглядывал упавший завтрак, затем заскрипел кожей брюк, поворачиваясь к женщине в постели. Из-под кружев на него взглянули растерянные глаза с влажными отпечатками слез в розовых уголках. Живот холмистым полукружием вздыбился над равниной одеял, когда дама попыталась повернуться набок. Было трудно, тяжело, особенно после бессонных ночей и слабости хвори, что приключилась.

Мужчина не помог. Он хмуро сдвинул брови и отвернулся. Толстая коса, лежащая на его мускулистой спине, колыхнулась в такт движению и повисла пепельным жгутом до самой талии.

К женщине подбежала юркая служанка в кружевном чепчике из шерсти, наклонилась и принялась вытирать со лба выступивший пот. Заботливо убаюкивая больную тихим голосом, она укоризненно стрельнула взглядом в сторону гостя. Верхняя губа простолюдинки приподнялась, на носу выступили морщинки. Выражение крайней неприязни было настолько явным, что заметил его даже кот у входной двери.

— Когда он впервые пришел? — задал крутившейся в голове вопрос гость и посмотрел на хозяина усадьбы.

Филипп, обрюзгший, неряшливо одетый в халат поверх замасленного камзола сорокалетний князь хмыкнул и отошел от створок дверей. Он стоял там с тех пор, как

пришел незнакомец. Пока гость разглядывал его Кожун, князю приходилось играть роль статуи, но, теперь настало время пообщаться, и он с удовольствием оторвался от позолоченной арки косяка, чтобы подойти ближе.

— Давеча будет... — Начал мужчина, но замолчал, взглянув на супругу.

Бледная, как смерть, княгиня приподнялась на подушках, потянулась и поймала своей маленькой ручкой лапоподобную руку спасителя. Кожаная перчатка ненароком сомкнулась вокруг ее ладони. Она хотела что-то сказать, даже приоткрыла пухлые губки, но не успела. Лицо в черной маске повернулось, и узкие опаловые глаза обожгли безразличием. Кожун дернулась, отстранившись, и вновь спряталась под единственной защитой от внешнего мира — пуховым одеялом.

Растерянность пробежала по миловидным чертам молодой госпожи.

Мужчина понял, что переборщил, был слишком груб с этим аленьким цветочком, поэтому попытался исправить положение легкой улыбкой и кивком. Мол, извините, мамзель, не приучен к женским ласкам, тем более к благосклонности замужней элитки на сносях.

— Перед затмением Каира. В самую темную пору, — пролепетала Кожун, почти успокоившись при виде улыбчивого красавца с точеными скулами.

— Примерно с месяц назад, — посчитал гость и хмыкнул.

Встав, он принялся мерить просторную спальню размашистыми шагами и чесать подбородок. Выходило ровно тридцать пять. Конечно, ему эти числа были без надобности, но напустить загадочности на процесс измышлений в обители Ласийского владыки не мешало.

— Выйдем-ка, князь, — бросил он и выскользнул из покоев прежде, чем тот смог ответить.

Беспокойство за женщину росло с каждой минутой. До родов оставалось не меньше одного новолуния, а княгиня была настолько плоха, что едва передвигала ноги и совсем перестала питаться.

За месяц дойти до такого? Довольно трудно. Видать, демон или еще какая тварь, поселившаяся в доме, отличалась недюжинными способностями или сумела перехитрить ловушки из амулетов, которыми обыкновенно снабжают придворных феодалов магии и ойуны.

— Кам, заклинаю тебя небесными покровителями: спаси ребенка! Я знаю, чудище пришло за ним! — стоном разлетелись слова Кожун, когда гость уже стоял в уютной темноте длинного коридора.

Кам промолчал.

Из спальни послышалось шарканье и князь медленно, по-бегемотьи, выдвинулся за новым знакомым. Хлопнув дверью, хозяин указал в боковую галерею.

— Жена не в себе. Пройдем в мою библиотеку.

Мужчина согласно кивнул и пристально всмотрелся в черты лица правителя Ласии. Бледная кожа с оливковым отливом едва проглядывала сквозь рыжую щетину бороды, расплзшуюся по щекам почти до нижних век. Бледно-голубые глаза блестели влагой, а на узких губах отпечатались скорбь и плохо скрываемая ярость.

Сделав пару поворотов по коридорам с малахитовыми стенами и высокими, узкими окнами, он подошли к двери из лакированного дуба.

— Прощу, — пригласил Филипп гостя и толкнул тяжелую створку. Раздался

неприятный скрип и дверь медленно открылась. За ней показалась небрежно расставленная мебель из черного камня, карта на противоположной стене и несколько стопок потертой временем и потными руками чиновников бумаги.

Кабинет, иначе место, где прятался от народа властитель, не назовешь, отличался аскетичностью и мрачной атмосферой средневекового жилища.

Князь сел на бархатные подушки несдвигаемого кресла, подвинул документы на край стола, чтобы видеть собеседника. Гость расположился на диване. Раздался звук колокольчика и спустя секунду в комнату вошли две дамы в алых чепчиках, которыми, видимо, награждали при дворе Ласии всех прислужниц слабого пола.

Зашуршали муслиновые юбки. Дамы поставили подносы с рюмками, наполненными зеленым варевом, на край стола и удалились. Горьковатый аромат кофе разлился в пространстве, заставив незнакомца пару раз сглотнуть слюну.

Собрав волю в кулак, чтобы не накинуться на питье раньше князя и тем самым не обидеть его, молодой человек деловито произнес:

— Вы вызвали меня, чтоб распознать и искоренить зло. Неужели, князь? Ведь сами знаете, ЧТО это. Кто вам мстит.

Филипп молчал. Он старался скрыть удивление после неожиданных слов, но эмоции прорвалась сквозь плотину воспитания и разлилась бурным потоком по каждому мускулу тела и лица феодала.

Скривившись, словно от зубной боли, он ударил кулаком по столу и со свистом выдохнул.

— Умен ты, шаман, смекалист. Не ведаю, каков в деле, но людской род читаешь славно. Да. Есть мыслишки, с чего все началось. Больно признавать: причиной недуга стала история моего рождения. Что есть, то есть.

Мать-княгиня родила меня в смутные времена. На трон сел отец нынешнего правителя Самыла, а заодно и мой двоюродный дядька, Кафун. Палач протеста в три тысячи голов, он казнил любого, кто косо смотрел на него или имел хоть каплю имперской крови.

Поговаривают, что матушка не раз навевалась в его покои и просила пощады для своего будущего отпрыска, клялась в преданности моему папаше.

Так вот... Помимо меня, из лона княгини вышли еще двое. Брат — близнец и сестренка. И все бы хорошо, только роженицу обуял страх, что на троих Кафун не согласится, тем паче, власть в княжестве должна принадлежать одному мужчине. Тому, кто старше.

Филипп остановился, взглянул на кама из-под густых бровей.

— Понимаешь, к чему я веду?

Мужчина в маске скрестил пальцы на животе, задумчиво кивнул.

— Чтобы избавить Ласию от распрей, она убивает младшего.

На этот раз кивнул князь.

— Да, княгиня задушила безымянного брата и приказала втайне от отца прикопать тело на именном кладбище. Тот так и не узнал, что был еще один сын, бездумно веря сказкам хитрой лисы, которая крутила им, как собственным веером.

— А где сейчас княгиня-мать?

Филипп хищно улыбнулся. И тут же исправился, поняв, что слишком расслабился в присутствии гостя.

— Умерла как пятый год.

— А сестра?

Князь встал и медленно прошел к камину, которого кам раньше не заметил, так как очаг располагался в дальнем углу. Подняв руку над каменным сводом и полками, рыжий правитель нежно погладил край картины.

Светловолосая юная девушка смотрела с холста, лучезарно улыбаясь художнику и собственной беззаботной жизни. Ее длинное платье небесного цвета развивалось на ветру. На нагом плече застыла стрекоза.

За спиной прелестного создания стояли женщина в кроваво-красном и паренек лет семнадцати.

По рыжей шевелюре и лукавству в глазах гость узнал в подростке Филиппа. Стало быть, иссохшая вобла рядом была княгиней.

— Погибла в пятнадцать лет. Мы так решили, когда кортеж с сестрицей не вернулся из столицы, а селяне сказали, что видели именных лошадей в полях без упряжи. Искали долго, изъездили полкняжества. Ничего не нашли.

Филипп нервно дернул плечом, вытащил платок из кармана и вытер внезапно выступивший на лбу пот.

Движения, резкие, неаккуратные, давали знать: мужчина нервничает и что-то утаивает. Нечто постыдное и неприятное, словно нарыв в интимном месте, который лучше бы вскрыть и очистить, но не дает стыдливое упрямство гордеца.

— Вы были любовниками? — бросил кам, едва князь окончил свое повествование.

— Какая глупость!

Взбешенный Филипп выпучил глаза, подлетел к гостю и, тряся пальцем в воздухе, как это делают перед нерадивыми учениками опытные учителя, завопил, путаясь в словах и заикаясь.

— Я б никогда! Чтоб такое в нашем доме... Распутство и святотатство! Бред, кам. Чистой воды, бред!

— Воля ваша, князь. Можете не говорить. Истину мне все равно скажут.

— Кто?

Шаман встал и подошел к арке оконного витража. Разноцветные стекла заплясали на его лице бликами Каира, солнца этого мира. Тепло разлилось по коже. Медведь в ухе блеснул монетой и вновь спрятался в тени.

— Те, чьи имена не позволяет называть ваша религия.

Филипп успокоился. В потусторонний мир он не верил, как и в божества своей церкви. Кама ему посоветовали лекари, настояв, что чужеземец знает тайные рецепты целительства. И только за ними, за травами и настойками, он обратился к странному человеку.

Духи, черты или посланники неба — сказки для детей. Верить во все это феодалу величайшей империи Запада значило признать себя сумасшедшим.

— Воля твоя, молодчик. Валяй, вынюхивай. Только не обвиняй правителей, пока нечем доказать свою истину. Так можно головы лишиться. Под корень. На веки вечные.

Кам перевел взгляд с окна на рыжего. Кивнул. Улыбка в который раз за последние сутки озарила его красивое лицо, оголив два острых клыка меж ровных рядов человеческих зубов.

— Спасибо за совет, господин, — по-доброму тихо ответил гость и прошел мимо князя к выходу.

Невзирая на довольно высокий рост, Филипп оказался чуть выше плеча колдуна.

— Сегодня к ночи я проведу обряд в спальне княгини. Прикажите туда отнести как можно больше свечей.

Не желая слушать ответа, целитель переступил порог и растворился в мрачной черноте коридора. До заката Каира оставалось часов семь — восемь, и кам решил отоспаться. Пока была такая возможность перед изгнанием, он хотел ей насладиться.

Почему изгнанием? Так всем давно известно, что правда не любима правителями также, как свобода народа. Держать в кабале истину и мысли черни — главная и неизменная задача всякого, кого хотя бы на грамм наделили властью.

Власти у Филиппа Ласийского, троюродного брата царька Умбрии, было в избытке, а вот хитрости и самоконтроля — маловато, поэтому шаман заранее чуял, чем окончится дело. В благодарность он не ждал того, что нафантазировал себе Безым, отправивший ученика в Срединный мир Хаан Засаг. Монеты и мешок муки казались невиданной роскошью.

Наступил вечер. Столица погрузилась в сумерки, словно жеманница в мягкую постель жениха. Из неприглядных уголков окраинных трущоб показались первые звезды преступного мира и стали расползаться среди домов паучьей стаей. Добропорядочные граждане, напротив, приготовились ко сну, из последних сил убаюкивая капризных ребятишек. Спать значило для них тишину, спать значило забвение и безопасность.

На втором этаже княжеской усадьбы загорелись десятками свечей окна главной опочивальни. Блики от витражных стекол упали на центральную улицу и отпугнули парочку предприимчивых воришек, попытавшихся отвинтить вывеску из металла с надписью «Город чести и веры».

Кам усмехнулся, наблюдая из окна, как два парня спрыгнули с выступа и юркнули под навес ближайшей торговой лавки. Деревянные башмаки застучали слишком громко.

— Как тебя зовут, девушка? — спросил он, услышав шелест юбок за спиной.

Личная прислужница Кожун поставила пиалу со свечой на стол и посмотрела на хозяйку. Кожун кивнула.

— Амбросия.

Кам повернулся к женщинам, прошел к постели беременной и сел почти вплотную к белоснежным простыням. Пахло яблочным сидром и потом. Видимо, княгиня готовилась к приходу целителя, но слабость и приступы боли не дали ей привести себя в должный порядок.

— Амбросия, принеси, пожалуйста, ушат с горячей водой и поставь между мной и княгиней. Я начну камлать и не услышу тебя. Так что лучше просто оставь воду и уходи. Поняла?

— Как скажите, г-сударь — девушка почтительно присела и, блеснув серо-зелеными глазами, направилась к двери.

— Мархи.

— Что?

— Не г-сударь. Мархи.

Маленькая, стройная, слова ивовая ветвь, женщина присела в реверансе и вышла. Легкий румянец задел ее прелестные щечки.

Звуки бубна поплыли в сумрачном пространстве, едва колотушка коснулась натянутой кожи. Ритм змеи потянулся нитями к потокам божественной силы, которая до краев заполняла Хаан Засаг, и принялся окутывать шамана только что пойманной аурой благодати.

Бум! Бум! Бум! — участились удары. Бум! Бум! Бум! — отозвался Нижний мир эхом и медленно сбросил бремя материи.

Шаман затянул низким горловым пением притчу о демонах и лесном духе. Звуки

выходили плотным потоком и больше смахивали на звериный рык, чем на песню. Что бы ни было в ней, подача могла смутить всякий неподготовленный дух. И таким духом сейчас, несомненно, стала беременная умбрийка.

Княгиня испуганно приподнялась на подушках, приоткрыла рот, но не в силах сопротивляться подступившей дреме, рухнула обратно, закатив глаза. Веки внезапно сомкнулись, и она засопела.

Свечи, напротив, проснулись и вспыхнули куда ярче, чем прежде. Затрещали. Слепой конь на шести ногах подхватил душу кама и бросился в разверзшуюся пропасть. Бесстрашно. Даже весело, залихватски.

— Спокойно Бо. Не так быстро, — успокаивал стихию Мар. Ему хотелось затишья, времени на раздумья. Но двойник не давался, наполненный мощью древнего знания, упоенный молодостью своего шамана.

Спустя мгновение Бо заржал и глухо застучал копытами по знакомому красному ковру. Грива взметнулась от невидимого ветра.

— Уже? Прибыли? — удивился Мархи.

Услышал шёпот старика:

— А как же. Лихой скакун наездника перескачет.

Парень усмехнулся поговорке деда и огляделся вокруг. Место, куда они спустились, ничем не отличалось от опочивальни княгини. Только взамен окон серела глухая стена, а своды потолка выгибались храмовым куполом.

Посмотрев на ковер, кам понял, что Амбросия выполнила его задание и была в безопасности.

На шерстяном полотне уже стоял чан, от которого вздымались пары кипятка. Тонкая нить поднималась над шаманским отрядом и тянулась сквозь комнату к беременной женщине. Окруженная водяным облачком, та спала почти также глубоко, как наяву.

Мархи насторожился, но отпустил Бо. Его терзали подозрения, что дело не в пустяшной проказе злобной твари, а в глубокой мести раненого существа: гнилостный запах застарелой ярости витал в воздухе, становясь сильнее с каждой секундой.

Возвращаться назад не было необходимости, пока кам крепко держал узды власти. Что могло случиться дальше, ведал лишь небесный Мала.

Кожун резко вскрикнула, отчего гость только сильнее нахмурился.

Даму начало трясти, по коже заплясали синие прожилки вен. Мар приблизился и внимательнее взглянул на супругу князя. На тонком, чуть вздернутом носике вдруг проявились две кровоточащие язвы, а кожный покров на руках и груди превратился в черную разлагающуюся плоть.

Рванув с тела женщины одеяло, целитель оголил живот в кружевной сорочке и маленькие ступни, торчащие из-под ткани скрюченными обрубками. Округлое брюшко вздыбилось. Из разреза ночной рубашки прямо над грудью показалась миниатюрная детская голова.

Существо, дергаясь и виляя всем тельцем, выползло наружу и оскалилось. Две пары клычков на верхней и нижней челюсти хищно блеснули. Между ними потекла желтая слюна.

Злобный дух ребенка взвизгнул и впился в живот своей жертвы, ничуть не испугавшись незваного гостя.

— О-о-о! — взвыла Кожун и попыталась оторвать от себя пиявку.

Дама не проснулась, но болезненный укус вывел ее из состояния анабиоза. Заставил

сопротивляться, насколько хватало сил измученной, слабой от природы госпоже.

Мар что-то зашептал и потянулся к бедру.

Золотистый лист клена зашуршал в его ладони так громко, что заставил духа замереть и поднять пустые глазницы туда, откуда доносился раздражающий звук.

— Оставь человека! — приказал кам.

Огромный рот скривился в пренебрежении, и недоразвитая конечность с уродливыми пальцами смахнула кровавую пленку с губ. Показала кулак живому.

— Как знаешь, — ответил на жест Мархи, сжимая помощника все сильнее.

Резной лист в его ладони вспыхнул и обратился в клинок. Когда серый дымок полностью исчез, в руке кама остался нож с тонким орнаментом кленовых листьев, овевающих, подобно лиане, серебряную рукоять.

Дитя из Нижнего мира недовольно зафырчало и попятилось назад. Почти упало с кровати, однако успело схватиться ручонками за шелк простыней.

— Не уйдешь, — заверил Мар, поигрывая оружием, и приказал нитеподобному пару из ушата схватить буйного духа.

Белая струйка, которая с минуту висела над ним зачарованной змеей, скользнула к конечностям существа и сковала их.

— Не дергайся, сунесу. Чуешь серебро? Будешь безобразничать, привяжу клинок к твоему тельцу.

Дух зарычал, но притих. Дымка осторожно опустила его на каменные полы подальше от беременной. Притянула стул и привязала так, что тот не мог пошевелить даже пальцем. Шея также оказалась в путах.

Синекожий человек захныкал от безысходности и повернул безглазое лицо к шаману.

— Защ-щ-щем тепе это, ойун? Ит-тии сфоеей дологой. Месть моя плаведна.

От шелеста поникшего голоса сердце шамана дрогнуло. Перед ним был не демон-шутхэр, которого так часто встречали люди рядом с младенцами или беременными. Перед ним была измученная душа умершего.

— Кто ты и почему мстишь княгине Кожун? Вина в твоей смерти лежит на княгине-матери, а не на брате и его семье. Или нет?

Облик сунесу начал медленно расплываться. Черты потекли, словно воск догорающей свечи.

— Какие блатья у нелож-жденного басталда?! — завизжал он в ярости.

Мархи сжал напряженно губы, чтобы не выругаться в Нижнем мире и тем самым не навлечь на себя проклятие. Громко позвал двойника.

Бо влетел в двери, подобно стихийному бедствию, нетерпеливо потоптался на месте с явным желанием надавать тумачов человеку, который то выпроваживал его с обряда, то призывал обратно.

— Возвращай! — приказал мужчина, не обратив внимания на недовольство товарища. Сел на упругую спину и сжал загривок.

— А как ж-ж-же я?!

Дух заворочал не до конца растекшимися ножками.

— Жди.

Двойник с шаманом ухнули вниз, сквозь пол, и тут же очутились в мире людей.

В нерешительности кам открыл отяжелевшие веки и повел плечами, которые затекли от долгого сидения. Осмотрелся. Громко чихнул.

Пара над водой почти не было. Жидкость остыла и перестала проникать сквозь пространство в тот мир, куда ее, пойманную невероятной силой, затянули помимо ее воли аватар и его собратья. Магия камлания почти рассеялась.

Кожун со свистом втянула воздух и вслед за Маром открыла свои удивительные очи первой красавицы императорского двора. Улыбка облегчения тронула пухлые губки.

— Амбросия, девочки! — крикнула она, зазвонив в колоколец, стоявший рядом с кроватью.

Из-за деревянных створок двери послышались быстрые шажки. Кто-то уронил чашку, чертыхнулся, принялся собирать осколки, возюкая фарфором до скрежета полированных полов.

— Амбросия! — уже гневливей позвала княгиня и встала.

Мар хмыкнул, удивляясь живучести женщины, и в этот раз решил помочь. Поймав ее руку своей пятерней, он поддержал даму, пока та надевала тапочки и поправляла кружевные одежды.

— Спасибо, целитель. Головы прислуге я откручу сама, так что ты можешь быть свободен. Мне лучше.

— Не совсем.

— Что? — Кожун остановилась у выхода и удивленно воззарила на кама.

— Где ночует князь?

Женщина немного помолчала, открыла дверь и указала пальцем на лестницу справа.

— На первом этаже. За дверью с гербом.

— Княгиня! Как вы?! — воскликнула девушка, почти подросток, которая собирала у порога куски бывшей чашки.

Маг прошмыгнул мимо нее, затем обернулся и привычным тоном хозяина положения скомандовал:

— Княгиню из покоев не выпускать. Воду, которая стоит на полу, разогреть и поставить на прежнее место. Ясно?

Кожун и служанка одновременно кивнули и вошли в помещение, плотно прикрыв за собой дверь. А Мар ринулся по ступеням вниз, в покои Филиппа.

Времени на сантименты и соблюдение приличий не было, поэтому, увидев гербованную дверь, он с силой толкнул ее и услышал, как деревянное полотно с глухим эхом бахнуло по стене.

Оказалось, что князь не один. Оголенные ягодицы прелестницы подпрыгнули в последний раз и с визгом хозяйской головы скрылись под одеяло. Из-под алых простыней вместо полупопий показалась взлохмаченная шевелюра Филиппа. Потное лицо скривилось от ярости.

— Пошел вон! — заревел князь и замахал руками.

— Не-а, — по-свойски кинул гость, сел на подушки в кресло и вытянул ноги. На его непроницаемом лице расцвели пунцовые пятна раздражения.

— Стража, ко мне! Пошла отсюда! — рявкнул Филипп, обращаясь одновременно к личной охране и к девке в постели.

Как ни странно, но первой выполнила приказ именно она. Ничуть не стесняясь незнакомца, фигуристая нимфа с угольными завитками волос и внушительными глазами цвета фиалки, спустилась на полированный пол, натянула мужскую рубаху, которую нашла рядом с Маром, и медленно прошла к прикроватной тумбе. Нажав на рычаг в форме

обезьяньей головы, она скрылась в черноте потайного входа у изголовья кровати. На прощание не забыла помахать любовнику и томно улыбнуться красавцу с сережкой.

Как только рычаги закрывающегося тайника смолкли, в спальню залетели два сонных стражника. Ума солдат хватило сполна, чтобы понять, кого нужно ловить и выдворять из покоев. Поэтому они дружно приблизились к Мару и потянули того за рубашку.

Мар вскипел, оттолкнул солдат и встал.

— Погань. Убью!

Стражники отшатнулись. Черная маска и такие же глаза несли неприкрытую угрозу. Страшно? Конечно. Таких молодцов днем с огнем не сыщешь. А тут он — и противник. Не приятненько.

Собравшись с силами и заметив, что намерение обращено не к ним, стражники, в конце концов, накинулись на врага. Схватили того за плечи и попытались скрутить. Мар резко вывернул руки, поймал нападавших за камзолы и приподнял на полум, словно безвольных марионеток.

— Филипп, ты и твоя семейка — гнилье. Замарали в грязи светлую душу и требуете, чтобы духи оставили вас в покое? Глупцы!

— Кто? — заикаясь, спросил Филипп. — Да, брось белениться и поставь стражу.

Мар опустил на пол мужчин, и те по приказу господина оперативно ретировались. Повторять не пришлось: как только отдали команду, они ветром шмыгнули за порог и притихли.

— Сестрица.

— Филиппа? — князь побледнел. — Филиппа — чудовище? Она мстит?

— Нет. Мстит тебе иной дух. Нерожденный. Умерший во чреве матери сын. Она, видать, простила и с миром ушла в забвение, а вот ребенок... Плод впитал память матери, узнал виновника ее страданий и решил расплатиться. И мстить он решил не тебе, а тому, кто также невинен, и кого ты любишь более всего.

— Дитя от Кожун.

— Да.

— Его надо убить! Послушай, целитель, — Филипп вылез, словно уж, из постели и совершенно ногой дополз на коленях до Мара.

Глаза его бешено завращались, из уголка рта потекла слюна.

— Послушай, родной: убей эту тварину. Все. Бери все, что хочешь, но исполни мою мольбу. Кожун не вынесет. Она этого не заслужила.

Мархи повернулся к оконному проему. Ему было противно смотреть на унижения князя. Голый Филипп не вызывал ни капли сочувствия, скорее наоборот: парень все яснее понимал, кто перед ним. И все больше сопереживал шутхэру. Тому крошечному человечку, из которого повелитель Ласии и старшая княгиня сделали злобного монстра.

Кожун. Да, только жалость к живой и миловидной супруге Филиппа ослабили отвращение и позволили Мару согласно кивнуть.

— Убить не получится. Похитителя детских душ можно усмирить и сделать так, чтобы он принял свою смерть и смерть матери. Сделаю.

Больше терпеть свиноподобного феодала Мархи не желал, поэтому размашистым шагом направился из покоев и спустился в полуподвальное помещение — почерневшую от дыма очага кухню.

За огромным чаном с козьим молоком стояла пышечка повариха и мешала будущий сыр.

Сладкий аромат ласийских полей заставил кама закрыть глаза и зарычать самым голодным из имеющихся в запасе голосов. Услышав целителя, повариха радостно запыхтела и принялась с еще большим усилием перемешивать аппетитное варево.

— Полосия, ты сводишь меня с ума, — признался Мар, присаживаясь за деревянный стол с яствами для княжеского обеда. Копченая грудинка пахнула дымком и от запаха свежей зелени закружилась голова.

— Ой, какой же ты хитрец, Марчик. Сладко поешь, когда брюхо пустое, как у волка зимой.

Мар улыбнулся.

— Не у волка, сладкая, а у медведя. Накорми-ка любимчика. И уложи спать. Будущий вечер грядет тяжелее нынешнего.

Полосия с тревогой посмотрела на мужчину, но, промолчав, кивнула. Ей, как дочери городской ведуньи, были знакомы страхи и переживания иноземца. Поэтому уговоров молодца или пространных бесед не потребовалась. Радужная хозяйка княжеской кухни выложила перед ним только что испеченный хлеб и зачерпнула из чана кружку жирного молока.

— Сладости, а не гадости, — пожелала она по-своему, по-ласийски, «приятного аппетита» и вернулась обратно к чану.

Следующий вечер не задался с самого начала. После дневного эля в гордом одиночестве, Мар едва вспомнил нужный ритм бубна и еще с большим трудом его воспроизвел. Бурхан, охранявший вход в Нижний мир, никак не хотел пускать шамана, гневался и даже пару раз укусил Бо за лоснящийся круп.

Спасибо деду Асаю, который показал привратнику фокус с наперстком и пропадающей горошиной и, пока тот размышлял над загадкой, позволил хмельному внуку пройти через туннель.

Звуки бубна прервались, и перед Мархи открылся хвойный лес с мягким мхом и елями, достающими верхушками до небес. Можжевельник, бузина, гигантские папоротники скрывали едва уловимые тропки, пути к отступлению. Кусты малины и дикой розы крепили пространство упругими ветками, окутанными шипами.

Пройти сквозь дебри было невозможно. Осмелиться на экспедицию не рискнул бы даже Хад, у которого, как раз на такой случай, по всем карманам располагались обереги и миниатюрные мачете.

— Как найти шутхэр? — задал Мар вопрос зеленому королевству, не особо надеясь на ответ, но почти мгновенно заметил, как листья папоротника затряслись и начали подниматься. Малина спрятала иглы, свернулась в кокон.

— Смотри на следы, — шепнул дед.

— Волки, — кивнул кам и осторожно переступил через корни деревьев.

Мир растений, животных, людей и даже камней был для шамана единым целым. Крошечные осколки из существ и предметов сливались в одну общую картину, мозаику. Вселенную. В ней не существовало иерархии, не было чего-то более божественного или менее. Частица божества пряталась во всем, пряталась до той поры, пока ни приходил аватар, и ни открывал себя этой частице. А она, вслед за бахши, ни открывалась всему остальному.

Беречь сущее и невидимое, быть нейтральным, справедливым — вот чему учили Мархи. И вот чего жаждал он сам.

Лесная дорожка, по которой брел шаман, стала шире, кустарники поредели и уступили место полевым товарищам — травам.

Из-за куста рябины, одиноко стоящей среди лютикового поля, показался могучий зверь и зарычал. За ним потянулись собратья. Как только стая увидела человека в маске, с когтями медведя, сразу оскалилась, вслед за вожаком. Встала неподалеку.

— Я не обижу тебя, дух мести. Давай поговорим.

Серый хищник, тот самый вожак, клацнул челюстью и медленно продвинулся ближе к шаману. В мыслях человеческого сунесу, которым сейчас был Мархи, вдруг возник слабый голос. С каждой секундой он нарастал и становился злее.

— Мне никто не поможет. Нам не о чем говорить. Я и мама столько лет гнием в придорожном пролеске, и ни одна живая душа нас не ищет. Мы не нужны, мы — позор и грязь на сапогах князя. И за это я отомщу! За нас! За безымянных и одиноких!

Мар открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Хищник присел на задних лапах, приготовился, и спустя секунду рванул к Мару так молниеносно, что тому пришлось отступить на пару шагов, ибо остаться на ногах после мощного удара, который предстоял, было невозможно.

Зверь понял свою ошибку. Развернулся и снова прыгнул на грудь врага.

Теперь грозная челюсть была раскрыта так широко, что в ней виднелся каждый полусгнивший у десен зуб. Каждая почерневшая прожилка и мертвый, разлагающийся капилляр.

Шаман выкрикнул имя помощника и слегка присел, закрыв лицо руками.

Асай поднялся над землей духов бесформенной дымкой, завертелся и превратился в жесткие наручи, сковавшие в тот же миг предплечья внука. Прокусить и растерзать такую защиту не смог бы даже Мунх Шона — вечный, бессмертный волк со стальными зубами.

Челюсть вожака сжалась на левой руке Мархи. Заскрежетал металл.

Развернувшись торсом так, чтобы увеличить силу инерции, шаман нанес мощный удар по злобному противнику и отскочил. Перчатка с медвежьими когтями сделала свое дело, и морду зверя прорезали четыре глубоких борозды.

— Сын собаки! — зарычал хищник и снова вознамерился напасть на шамана, но опоздал.

Вынув из кармана кленовый лист, парень метнул подарок двойника в воздух. Живое золото поднялось ввысь, закружилось и, пока противник соображал, что происходит, превратилось в уже знакомый клинок.

— Семь Со! — скомандовал Мар.

Кинжал завибрировал, отделив от себя шесть близнецов, и ринулся туда, куда смотрел его хозяин. Любая команда, даже взгляд шамана были для острого товарища непреложным законом, истиной, исполнять которую он считал за честь.

Злобного духа отшвырнуло и пригвоздило к ели так крепко, что тот не смог повернуть морды. Пробитая кожа зашипела и запузырилась от прикосновения металла, из ран потек гной.

Мархи подошел и поклонился духу. Тихо, с горечью прошептал:

— Мне жаль, дитя. Ты не заслужил такой смерти.

Шутхэр замычал в ответ, и из его мутных глаз потекли струйки слез.

Бо, стоя наготове, нетерпеливо заржал. Он дождался, пока шаман отойдет от духа и, наконец, заметит его, чтобы в который раз напомнить: Нижний мир не резиновый и живому

в нем не место. Пора домой.

— Да-да, иду. У тебя шило в заднице, Бо? Чего такой напряженный?

— Сам такой, — передал ответ бубна-коня Асай, который к тому времени успел перевоплотиться в старика и присесть среди лютиков на прогретую дневным светиллом землю.

В Срединном мире Мархи встречал Филипп. Он сидел на постели жены в позе хмурого истукана и молчал. Кожун на ночь перевели в соседнюю спальню, так что дамы не было, и ее жизни никто не угрожал. А вот для чего явился князь — было непонятно.

— Я же просил оставить меня в покое, — рявкнул феодал сухими губами.

— Как с делами покончим, сразу оставлю. Клятву даю.

Мар потянулся, зевнул. Сняв скатерть с прикроватной тумбы, отер потное лицо и демонстративно положил скомканный кусок обратно. Филипп промолчал, но желваки задвигались сильнее.

— Филиппа и ребенок лежат недалеко от дороги. На опушке хвойного бора, через который эта каретная тропа проходит. Справа — лютиковое поле, слева — большой куст рябины. Найдите кости как можно скорей и захороните там, где они по праву рождения должны лежать. На этом все. Злобный дух получит покой и не станет больше вредить княжеской семье.

— А если ты лжешь?

— Значит, отпрыск придет ночью в усадьбу и перегрызет глотки всему вашему роду.

Князь Ласийский закатил глаза и устало выдохнул. Спорить и тем более сажать в темницу языкастого спасителя ему совсем не хотелось.

— Ладно. Понял. Вижу, что не лжешь. Филиппа, в самом деле, пропала по дороге из столицы и те места, которые ты описал, мне знакомы. Держи златые, заслужил. Куда теперь, целитель?

Мархи пожал плечами и встал. Открываться гнусному растлителю он не желал, как не желал больше ни секунды задерживаться в мире Хаан Засаг.

— Путей много, куда-нибудь, да приведут.

— Верно, дружище. Верно, — согласился князь и проводил странного гостя до главных дверей.

Когда за спиной Мархи захлопнулись дубовые створки усадьбы, он обратился к невидимому для остальных покровителю. Зашагав к центральным воротам, выходу из поселения, кам бросил бывшему главе манчжурского племени Улунхану:

— Что за хохот я слышал в спальне? Что тебя повеселило, амагят?

Зазвучал низкий до хрипотцы голос воина:

— Неужто не догадался? Княгиня-мать добилась своего: после смерти бездетного Самыла ханом Умбрии станет Филипп. А где соперники? Правильно, их нет. Как нет девочки, которая смогла бы своей жизнью и жизнью мальчика очернить идеального правителя.

— Ты не совсем прав, Улуни.

Сняв маску и расстегнув узкий ворот рубахи, молодой мужчина перепрыгнул через разрушенную стену храма, вытащил из котомки за спиной длинную, набитую табаком трубку и принялся раскуривать траву, подаренную Безымом.

— В чем?

— Не ханом станет Филипп, а императором.

На следующее утро Мархи вылез из-под груды камней, в которую превратилась некогда

величаявая храмовая апсида, и решил прогуляться по окраине столицы. Голод — не тетка. Есть хотелось по-зверски, а с златыми князя он мог себе позволить не только кукурузную лепеху и козий сыр, но и вещи куда более изысканные.

— Брать морского окуня в речном княжестве — не лучшая идея, г-сударь.

— Мархи, — напомнил Мар свое имя миниатюрной блондинке и улыбнулся. — Что посоветуешь?

— Только что запеченную утку и кружку пенистой медушки.

— Сойдет.

Блондинка с напускной укоризной покачала головой и указала на лачугу в конце улочки.

— Туда.

Они пошли.

— Твоя? — поинтересовался шаман на полпути.

— Моя. Родненькая. А ты откуда? Где твоя хибарка?

— У меня нет дома, — признался Мархи, но увидев сочувствие в серо-зеленых глазах Амбросии, решил подмигнуть собеседнице, чтобы та не волновалась понапрасну (парню казалось, что бездомье — глупость, которая бередит душу только ему, а хорошеньким девушкам волноваться не обязательно). — Я живу в одном шатре с десятком целителей из моей деревни.

Амбросия остановилась и открыла от удивления рот.

— Жуть какая! Бедненький, г-сударь.

— Отстань, противная. Все хорошо. Лучше накорми ужином и расскажи, что с княгиней и останками Филиппы.

Девушка рассмеялась и кивнула.

В хижине, где она обитала, оказалось тепло и уютно. Отчего Мару несказанно полегчало, а напряженные мышцы расслабились.

На подоконниках, столе и лавках домишки были разложены кружевные салфетки. В левом углу располагались побеленная печь и высокие стопки фарфоровой посуды.

— Откуда такое роскошество?

Амбросия, покраснев, взяла пиалу и протянула Мару.

— Видишь трещину? Княгиня приказывает старье выбрасывать в помойную яму, а мне жалко. Собираю, отмываю и задешево продаю беднякам. Все лучше, чем есть с листьев лопуха или вовсе с земли.

Удивленный благоразумием служанки, Мар с интересом оглядел новую знакомую.

Маленькая, щуплая, с тонкими чертами лица и светлой, словно фарфоровой, кожей она теперь показалась ему очень привлекательной. Куда интересней, чем сутки назад, когда бегала по усадьбе в красном чепце и в маске благодравной дамы.

— Оставайся со мной, Мархи, — вдруг попросила Амбросия.

Мар попытался сглотнуть, но горло пересохло настолько, что напомнило пустыню в засушливый период.

— Прости, не могу, — почти шепотом произнес он и потупил взор.

— Понимаю. Ты нужен людям, да?

Шаман кивнул. В черных раскосых глазах застыла тоска и воспоминание о чем-то давно утерянном, невероятно далеком. О семье.

— Не будем об этом. Садись. Сейчас принесу утку, и мы на славу поужинаем

жирненьким мяском.

— Спасибо, — расслабился гость и перевел тему: — Что с Филиппой? Амбросия открыла чугунную дверцу. Запах приправленного со специями мяса поплыл по комнатушке, буквально сшибая с ног.

— Княжну нашли вчера с началом сумерек. Сегодня планируют захоронить. Кожун приказала всей челяди молиться за упокой души золовки, а после собрать ее собственные вещи. Уезжает в столицу.

— А Филипп?

— Его княгиня с собой не берет. Сказала, что при родах не хочет видеть мужниного лица, а после них он ей подавно не нужен. И почему так... Кто ж их, княжат, разберет.

Аллегория правосудия

Деймос и Фобос медленно поднимались из-за утесов, разливаясь по планете Трио ржаво-коричневыми волнами света. На вершинах скал, которыми была покрыта древняя земля, красовались могучие шапки льда и снежного наста. Скрип, стон раздавался повсюду. Это планета трещала мерзлотой, остывая после жаркого дня. С каждым метром, уходящим в низины пологих или, наоборот, отвесистых склонов горы превращались в зеленые поляны, в густые заросли кустарника и реликтовых пихт. По впадинам разливались зеленовато-бурые речушки, кое-где ближе к поселениям людей красовались резными изгородями огороды и фермы.

Куда бы вы ни пошли, какое селение на Трио ни посетили, на приступах к нему вас бы встретило кладбище. Средоточие почитания и уважения к предкам, оно внушило бы трепет и заставило задуматься о бренности маленькой, ничтожной человеческой жизни.

И здесь в скромном ауле Мана история повторилась бы. С одной оговоркой. Места для живых было так мало, что мертвым его не хватило, и погост организовали на противоположной стороне горы.

Там же установили первую чарипню, которая до сих пор стояла среди могил чернеющим столетним осколком и время от времени принимала сменяющих друг друга чарипов. Периодичность была настолько странной, что ее не понимали ни в поселении, ни в ордене Четырнадцати богов. То ли подготовка новичков занимала столько времени, то ли ни один уважающий себя служитель не желал отправляться на край света, чтобы жить среди могил и одиночества. Когда умирал очередной чарип, и староста посылал в главную молильню своего представителя, старшие служители уверяли, что новый проповедник прибудет в аул через пару дней. Но пару дней затягивались на месяцы, а нередко на годы, и новоиспеченный чарип приходил, когда о нем почти забывали.

С Велесом Ману повезло. Мужчина прибыл сюда через месяц после захоронения сумасбродного Стригора и остался на долгие пятнадцать лет. Горцы настолько привыкли к нему, что ходили на кладбище не только в праздничные или поминальные дни, но и между, чтобы просто выпить травяной настойки или спросить совета.

Сегодняшней ночью гостей не было. Велеса, наконец, оставили одного. И он, с трепетом и светлой радостью в душе, засел за молитвы.

Раздался треск.

Обыкновенно голосили горы.

Чарип бросил взгляд через полупрозрачный пузырь, натянутый в оконном проеме, и взял новую кость. Пятая благодарность богине плодородия закончилась и на ее место пришла шестая.

— Червь непосланый, беспощадный к грехам и камням, благодарим тебя. Червь мягкий, червь острый, червь живой, червь извечный, просим тебя...

Богомолье тянулось и тянулось, вбирая в себя чарипа, словно кисель. Слова выходили монотонно, отработанные до автоматизма, расплывались в пространстве умиротворением, дремой.

Мужчина понял, что засыпает и попытался отрезвить свое бренное тело хулой.

«Не-е-ет, обойдешься, старый дурак, — выругался он и подобострастно добавил, — демоны рядом, сбивают с толку всякого, кто слаб духом».

Дремота немного прошла, и он снова взялся за четки из сплетенных кубиков, чтобы продолжить. Сделанные давным-давно каким-то безмянным умельцем кости древнего ящера приятно постукивали, проскальзывая между пальцев хозяина.

— Кто там дальше? Ветер? Да, истинно, ветер.

С губ не сорвалось ни звука. Молитва резко оборвалась. За стенами что-то заскрежетало и ухнуло так, будто отвалилось часть скалы.

Мужчина вздрогнул, попытался вскочить, но запутался в длинном одеянии и безнадежно рухнул на дощатый пол. Засеменя конечностями, подобно пауку, он подполз к двери и толкнул ее.

То, что Велес увидел за порогом, никак не походило на камнепад. Точнее, камни были, но совсем не горные осколки, на которые уповала логика богослужителя, а обтесанные человеком плиты с могил.

Полированные надгробия медленно поднимались над землей, дергаясь и скрепя от натуги, затем с грохотом падали рядом. Усеянные цветами и мшистым ковром холмики взрывались, и из-под них вставали ларцы с мертвецами.

— Червь Прародитель! Что ж творится? — бросил в пустоту Велес, которого затрясло от ужаса так, что ноги перестали слушаться вовсе и никак не давали служителю встать с колен.

Капельки пота поползли с высокого лба и спрятались в густых бровях. Рясоподобная накидка взмокла.

Все больше ларцов начало вздыматься, все громче раздавался их скрип. Короба постарше не выдерживали вертикали, рассыпались каменной крошкой еще на подъеме, из темноты выглядывали кости и черепа. Недавно захороненные были массивней, но крепче, с вытесанными надписями и не такими пугающими.

Чарип огляделся.

Справа белел сквозь тьму ларец Богора, его товарища и местного кузнеца, который сгорел в кузне лет пять назад, чуть поодаль вращался веретеном саркофаг столетней вещи Мокшинии.

Вдруг все остановилось и замерло. Ларцы и камни, левитируя, зависли в воздухе, а земля перестала раскапываться.

Велес приподнялся, опершись на косяк, встал. Взял со стола чарипни потертую книженцию с молитвами и выдохнул. Страх до сих пор бежал по его венам, но даже крошечный шанс на спасение от Нечто делало шуплого человечка сильнее.

— Люция, спаси. Прошу, озари жаждущему дорогу к спасению! — взмолился пожилой мужчина и сделал шаг через порог.

Надгробья и ларцы развернулись в сторону тропы, по которой побежал Велес и завибрировали. Раздался непонятный гул, будто на кладбище залетел огромный рой медоносов. Чарип поднял взгляд с мощеной дорожки и в ужасе отпрянул. К нему подлетал короб Мокшинии. Не удержавшись на влажных от росы камнях, он поскользнулся и свалился с пригорка в неглубокую котловину, куда прихожане обыкновенно бросали высохшую листву, ленты с молитвами и прочий мусор.

Удар оказался неслабым. В затылке что-то хрустнуло, и на ворот закапала теплая жидкость.

«Кровь», — подумал чарип и попытался найти рану рукой. Не вышло. В спину садануло так, что пришлось резко опустить ладонь и зажмуриться.

— Не уйдеш-ш-ш-шь! — зашипело Нечто.

Велес распахнул глаза и увидел, как на краю ямы, в которой он имел неприятность лежать, стояло полуразложившееся тело старухи. Длинные пакли свисали островками с белеющей кости черепа, глазницы давно провалились.

— А-а-а! — истошно завопил человек с молитвенником за пазухой и отключился...

— Вел, Велюшка. Отец родной, да что ж деяться-то? — услышал он будто издалека и с трудом разомкнул веки. Ресницы слиплись от слез и кровавых потеков.

Над ним стоял пухлобокий коротыш с густыми белесыми волосами и носом-картошкой.

— Чарипчик, эка тебя подкосило. Видал, что с могилками случилось?

— А-а-а, — вырвалось из горла чарипа, и он, как маленький ребенок, прижался к груди знакомого.

— М-да. Видал, — заключил мужчина и помог раненому дойти до чарипни.

Когда дверь в жилище захлопнулась, и богослужителя положили на неразобранную с вечера постель, он отвернулся и захрапел. Глава аула, который как раз и был кладбищенским гостем, присел на массивный стол, служившей Велесу рабочим и обеденным местом, и посмотрел в окно.

Разрытые могилы зияли черными дырами, плиты с них были раскиданы по всему кладбищу.

— Где ларцы? — прошептал Хорос, но тут же увидел пару коробов, сложенных друг на друге у стены дальнего сарая.

«Неужто чарип рехнулся?» — неожиданно для себя самого подумал он и тут же отрицательно покачал головой.

«Нетушки. Не мог».

— Вел, голубчик. Пожалуй, надуть молебен устроить, чтоб деймосщина прекратилась. Как думаешь?

Чарип в этот момент ничего не думал, просто боялся пошевелиться. Мокшиния не уходила из его головы и крутилась в коробе, смеясь безгубым ртом. Вдалеке маячил Червь, не в силах сдержать гнусных злопырей. Немного погоня служитель все же очнулся и замычал что-то нечленораздельное, а когда посмотрел на настойчивого жителя Мана, то расплакался.

— Довели душегубы-чертяки. Понимаю... Есть идеюшка одна. Только на корню не руби, послухай. В давнешние времена, коле что худое приключалось, прадеды наши поднимались к озеру Манаса и оставляли там таблички с просьбами, дары. Если мольба от сердца была, то спускался с рассветом Люции исполин в пять каров и подмогал им. Но пришли чарипы и привели своих богов. И запомывали аульцы о прошлых доблестях великанов. Перестали ходить на гору. Авось, воротить обычай и попросить пришлых найти вертихвоста?

Велес ничего не ответил на предложение старосты. Да тому и не требовалось чье-то мнение. Хорос озвучил мысль и сразу понял — ее надо предвирать в жизнь. Неминуемо после ларцов придут новые беды, и они будут затейливей прежних, ведь с людьми может сделаться пострашнее того, что пережили камни и скелеты.

Вечером после возвращения в аул вместе с чарипом, староста надел походную одежду горца, вытащил из комода пергамент, которым его одарили в главной молильне ровно пятнадцать лет назад, и, поцеловав жену на прощание, выдвинулся к озеру Манаса.

Местный люд видел, как глава спешно покидает селение, и вышел ему навстречу.

— Кудаить собрался, песий сын? Что с нашим чарипом? — гневно крикнул старый пастух Ярик и пригрозил овечьей погонялкой. Толпа заволновалась и закивала.

Хорос не хотел пугать аульцев, но растерянность в их глазах и бунтовское настроение заставили сдаться. Селение маленькое и новость о невидимых душегубцах мигом разлетится по домам. Так чего скрывать?

— Неладно на кладбище за Горой. Деймос, видать, завелся. Будем звать иноземцев Манаса, иначе никак.

— А боги-то нам на что? Где Велесовы молитвы? — гаркнула стряпуха-лепешница, поправив фартук на массивной груди.

Хорос пожал плечами и попросил у Ярика трех овец в дар великанам.

— Гляди у меня, не профукай общее добро. Раньше громадам хватало и одного барашка. А чей-то сейчас тройню подавай? — морщинистое лицо пастуха с маленькими глазенками хорька недовольно скривилось.

— Друзья, верьте мне, так надо. Худо-бедно, да справимся, — сказал Хорос и добавил: — Токмо вместе с помощниками.

Толпа немного погудела, так, для приличия, и расступилась. Глава аула побрел мимо них к расщелине, откуда начиналась тропа, и по пути закивал каждому мало-мальски знакомому лицу. Пушай знают, что он, супротив страхам, готов за них отдаться воле чужаков, пушай поминают добрым словом.

Узкая дубленая кожа кацувейки давила невыносимо, дышать было тяжело. Зря он натянул ее после такого большого перерыва. Полнота и возрастные жиры округлили тело, едва дали залезть в старую одежду.

Когда Хорос поднялся и шагнул на заветное плато, силы иссякли вконец. Сняв обувь, он присел на каменный выступ. Привязал ягушек.

— Спасибо Манаса, что даруешь нам свои потоки, — от всей души поблагодарил он озеро, зачерпнул набедренным кувшинчиком ледяную жидкость. Испил.

Сине-зеленые волны весело заиграли бликами ночных светил, журчанием перешептываясь с долгожданным гостем. Из темноты зауhal филин. Ни суеты, ни зверья не услышал человек. Все спало, набираясь сил к утренним заботам.

Мужчина улыбнулся, аккуратно вытащил из наплечной сумки пожелтевшую бумагу, расправил. С ее краев полетела застарелая шелуха и опустилась под ноги отмершими листьями клена. Негромко выругавшись на криворуких умельцев, что сделали пергамент таким хрупким, глава подул на остатки и бережно положил их под камень, с которого только что встал.

— Верю тебе, Манаса. Жду помощи, как ждали ее наши предки. Не подведи.

Озеро вновь заколебалось, будто от ветра. И тут же притихло. Из можжевельника на дальнем берегу вспорхнула птица и не спеша полетела за утес. Как только черная точка в небе слилась с ночью, наступило безмолвие.

***

— Па, гляди-ка, какой большой дядька! — завопил сын Хороса, Хори, и указал пальцем в окно на приближающегося гиганта.

Черные сапоги остановились у самого порога лачуги. Раздался тройной стук.

— Ты с Манаса? — крикнул Хорос, подкравшись на цыпочках к двери.

— Да. Вызывали?

— А то!

Староста распахнул дверь, подбоченился и улыбнулся самой доброжелательной улыбкой, которая только могла появиться в арсенале бывшего мясника. Серые глаза

сверкнули неподдельным интересом.

Человек в черном наклонился, на полусогнутых прошел в гостиную обитателей Срединного мира Тройной звезды и брякнулся ягодицами прямо на пол.

— На стул не изволите? — спросил Хорос, но тут же понял, что зря.

Гость при всем желании не смог бы усидеть на том, что для них являлось мебелью.

— Не фигу не получится. Я малясь больше, чем вы, — усмехнулся пришелец и почесал щетину на подбородке. — Прошу, ближе к делу. Что случилось?

— Обождите, — попросил хозяин дома и, растолкав членов своей семьи, открыл дверь в смежную комнату. — Велюша, выходи. У нас получилось.

Из комнаты выплыло бледное привидение с такой же, как у хозяина, золотистой шевелюрой и, шмыгнув носом, присело на край подоконника напротив незнакомца.

— В-вы из иного мира? Приб-б-были с-спасти н-народ Мана?

Мужчина в меховой накидке и с монетой-серьгой в ухе кивнул.

— Что т-там?

— Где?

— На серьге?

— Белый медведь.

— О-о-о, — удивленно заморгал Велес и спустя мгновение поклонился.

— Знаете, кто я? — задал вопрос гость, уголки губ которого начали подниматься в преддверии ухмылки.

— Д-догадываюсь, — уклончиво ответил чарип и уже без стеснения поведал свою историю.

Лично пришельца он не знал, но, учась в школе главной молильни, слышал о древнем ордене, живущем между небом и землей, который был настолько могуч, что без труда справлялся с деймосами. Обычные люди при виде тварей падали в обмороки, сходили с ума, но не путейцы (так называли чужаков старшие).

Мужчина молча выслушал излияния местного священника, и когда тот закончил, снял с плеча котомку. В ней оказались хорошо сохранившиеся цветные карандаши, краюха хлеба и белоснежные бумажные листы, скрепленные незнакомой для аульцев металлической скрепой.

Открыв на нужной, гость подал глянцевого страницы чарипу.

— Оно?

Велес всплеснул руками, ахнул и, не удержавшись на ногах, присел на самодельный старостой стул, который только что предлагали гиганту из иного мира.

— Оно.

— Да, чегой-то там? Мудрите, ребятки? — неожиданно грубо любопытствовал старый глава и заглянул через плечо товарища. С пустого пространства выбеленной бумаги на него посмотрели круглые от ужаса глаза чарипа.

Худой, словно скелет, рисованный человек стоял посреди хаоса обломков камней и, подняв одну руку, пытался закрыться от смотрящего на него художника. Длинное, подобно женскому платью, одеяние выдавало в нем Велеса.

Да, точно. Это был он. Их уважаемый и почитаемый в каждом доме Велес с книгой за пазухой и кривоватым, узким лицом.

— Накидал заранее? Удалец, — оценил одновременно качество работы и дар провидения Хорос.

Немного поразмыслив, он решительно произнес:

— Надобно на погост идти. Что там делается — никто не знает. Может, лисы, да зверье всякое наших родных разворовали, а мы тут сидим. Негоже трусами задерживаться.

Гигант кивнул и посмотрел на бледнеющего Велеса. Из глаз того уже начинали капать горячие слезы, губы непрерывно дрожали.

— Видимо, придется без него.

Хорос набычился, капризно засопел. На своем веку он много чего повидал от волков-людоедов до султанских послов, поэтому ранимость того, кто по обычаю призван защищать Ману от прихвостней дьявола, раздражала невыносимо.

— Айда вдвоем. Пушай полежит здесь, оклёмывается, — в конце концов, скомандовал он и скрылся за дверью супружничной спальни, чтобы набрать провизии из-под полов и привязать к бедру ножны от бывалого солдатского ножа.

Люция медленно подползала к зениту, когда двое вышли из дома главы. Один — чуть выше розового куста, с белесыми волосами и круглым, невыразительным лицом, второй — двухметровый атлант в меховой накидке из шкуры волка.

Гость мира Тройной звезды поднял голову. Залюбовался необычным небом. В его Вселенной таких расцветок не было. Точнее, были, но не принадлежали небосводу. Рыжие, алые, коричнево-ржавые оттенки перемешивались в нечто невообразимо прекрасное и пугающее одновременно. Пожалуй, марсианская атмосфера некогда походила на то, что явилось перед ним здесь. Однако сравнить планеты уже никто не мог.

— Долго идти? — задал вопрос большой человек.

— Далече, — ответил староста и с любопытством, свойственным всем малорослым людям, спросил: — Как величать?

Великан блеснул черными, словно горный уголь, глазами, улыбнулся. Длинные ноги лихо подскочили на каменных выступках плато, с которого начиналась тропа, и встали на самый край. Мужчина обернулся и протянул руку.

— Маром, шаманом. Как угодно. Первое — имя, второе — профессия.

— Что? Прохессья? — не понял Хорос.

— Работа такая. Типа кузнеца.

— А-а-а. Будь по-твоему. Маром так Маром.

Староста дернул головой, удовлетворенный открытостью попутчика, и, схватившись за его длинные пальцы, потянулся вверх. С таким ловким и сильным помощником он, наконец, поверил, что дело, за которое сдуру взялся, завершится благим концом. Чарип чарипом, но в борьбе с нечистью одними молитвами не обойтись.

До заката оставалось не больше двух часов. Путники спустились с самодельного серпантина, проложенного сотни лет назад первыми поселенцами, и подошли к мощеной дорожке, ведущей к кладбищу. Уже отсюда виднелись разрытые могилы. У полусгнившего сарайца белели скелеты и вытесанные из камня коробки для них.

Мархи легонько отстранил старосту, который первым вышел на видное место. Качнул головой. Не хватало еще подставить под удар единственного жителя, который не побоялся духов, вызвал его и решился сопровождать в такую даль.

Стояла тишина. С тех пор как путники ступили на тропу, не колыхнулось ни одной ветки. Даже насекомых, обычно роящихся в прохладе сумрака, не было слышно.

Мар насторожился, но промолчал. То ли котлован межгорья кишел злобными тварями Нижнего мира, и поэтому жизнь ушла отсюда, то ли, наоборот, местные призраки не думали

ни на кого нападать, и природа спала своим обыкновенным сном.

— Где чарип видел духа?

— Душегуба-чертяку?

Шаман кивнул.

— Нам тудысь за кусты, что перед обрывом. Я Велеса там и нашел, увалился на самое дно и ревел в беспамятстве, яки зверь.

Сняв со спины бубен и вытащив из-за пазухи колотушку, великан направился в зеленую чащобу. Ветки в ней напомнили рослый крыжовник, только иглы топорщились странными загибами крюков и не кололи. Цеплялись, резали все, до чего могли дотянуться. Оставляли глубокие раны, словно от ножа. Но не доставляли боли.

Холмистая местность с недостатком кислорода, гнейсовая порода и редкие участки плодородной почвы сотворили из планеты нечто экзотическое. Бурная зелень многократно перемежалась с голыми участками гранита, непомерно огромные хвойные деревья резко переходили в низкую траву и мох. Живучая, привыкшая к конкуренции природа превратилась из колыбели человека в его конвой, а иногда в жестокого, мстительного убийцу.

— Осто... — попытался предупредить о яде крючков Хорос, но услышал чертыханье. — Не успел. Эх. Разотри в руках лист корисы и намажь ранку. До свадьбы заживет.

Мар выглянул из-за изумрудной изгороди и со злобным выражением уставился на старосту. Идея вылезти обратно и надрать тому мягкое место казалась очень привлекательной.

— Какую корису намазать?

— Листик того же куста. Изволь спешиться. От яда всяко может приключиться: понос, распухлость, пена изо рта.

Мархи смазал раненые участки зелено-бурой кашицей и сел перед захлавленной низиной. Если в его крови и остался сок вредителя, то во время камлания его непременно найдут и изгонят помощники. Теперь опасаться нечего.

Пока Мар готовился к обряду, Хорос присел на скамью и поправил на бедре боевой нож. Совсем недавно, лет двадцать назад, он служил в пехоте одного из четырнадцати султанов континента, и это оружие не раз спасало ему жизнь: то бронь врага пробьет в сражении, то краюху разрежет, которой место в каменоломне, то защитит от пьяного собрата. Аульцев, что были рангом ниже остальных в войсках, посылали на передовую первыми, и если бы ни верный клинок, не видать Хоросу родимого дома и не иметь детишек, а лежать меж глыб на чужой земле.

«Бум-м-м», — загремел бубен, отчего глава аула подпрыгнул на месте и отвлекся от безрадостных мыслей. «Бум-м, бум-м», — опять запел древнюю песнь двойник шамана. Хорос привстал и на цыпочках, едва дыша, шагнул к кустам корисы.

— Ничего, — послышался сквозь зелень низкий голос Мархи.

— Совсем?

Меж насаждений показалось смуглое, с раскосыми глазами лицо великана.

— Мокшиния заверила, что духи усопших спокойны. Им незачем вредить чарипу, который верой и правдой служит аулу. Стой! — вдруг встрепенулся кам и, обернувшись, уставился во мрак.

Аульцу показалось, будто гигант видит кого-то или пытается рассмотреть то, что ему, обычному человеку, неизвестно.

— Жди, — приказал Мар и снова скрылся в живой изгороди.

Прошла минута, другая. Звуки бубна участились и стали заметно громче. Над низиной поднялся легкий туман и закудрился вокруг чарипни странными, причудливыми завихрениями. Потом волны сместились, затанцевали ближе к захоронениям. Посыпалась гранитная крошка.

Мархи в экстазе стоял и смотрел, как полупрозрачный отпечаток прошлого проник сквозь время в мир духов и из чернеющего Ничто выскочил худой, с округлившимися от испуга глазами чарип Велес. Пошатываясь, он прошел ближе к каму, осмотрелся и сделал неудачный шаг на влажной дорожке. Ноги заскользили, не удержались, и мужчина неловко повалился наземь. Огромная морда, похожая на козлиную, тотчас вырвалась из ямы, где недавно лежал ларец покойника, и ринулась к человеку.

Шаман попытался помочь чарипу. Не осознавая, протянул тому руки, но не успел. Точнее, не смог вернуться в прошлое, чтобы помочь. И Велес, потерявший всякую надежду остаться на ногах, полетел в яму. Призрачный зверь его подтолкнул

— Ты кто? — крикнул шаман вслед распадающейся маске и услышал бляенье. Затем раздались речи, понятные только шаману:

— Прочь, медведь.

Стало темно. Мир ДО изрыгнул аватара и тот, схватившись за гриву слепого товарища Бо, снова ворвался в Срединный мир Тройной звезды.

Мгла расплылась на отдельные участки, меж которых ночные светила вполне сносно демонстрировали предметы реальности. Вот кусты и ядовитые ветки покачиваются от легкого ветерка, вот яма с холмиками мусора, а вот Хорос испуганно наклонился и смотрит на него, замерзшего и уставшего с бубном в руках. Все на месте, кроме духа, что показал ему встречу с чарипом.

— Улунхан, помоги. Покажи, что со старым священником, — крикнул Мар, тут же позабыв о Хоросе и трех лунах на небесах.

Птица размером с быка отделилась от правого края скалы, стоявшей впереди кладбища, фыркнула. Расправив громадные крылья, она сделала пару взмахов и оказалась прямо над головами людей, звавших ее. От мощных потоков воздуха перевязанные тесемкой волосы Мара взметнулись и рассыпались черной волной по широкой груди и плечам.

Хорос крякнул. Медленно попятился в кусты.

Руки едва находили ножны, где лежал единственный защитник — нож Третьей мировой.

Он не видел птицы, не слышал шелеста перьев в воздухе, но заметил, как сильный порыв снес остатки тумана и заиграл ядовитыми насаждениями кладбища.

«Неужто Мару помогают деймосы? Ох-хо-х», — растерянно, но с долей уважения подумал староста и погладил рукоять клинка. Спасать того, кто говорит с духами довольно поршивое занятие. Не ровен час, как сам попадешь в тот мир, откуда с ним ведут беседы. Лучше постоять в сторонке и не высовываться.

— Видишь его? — спросил у невидимки Мар, и что-то неразборчиво замычал.

— Смотри сам, — шепнул из своей вселенной Улунхан, и его орлиный взор упал на небольшой домик с подсвеченными изнутри окнами.

Крылатая птица уменьшилась в размерах и спокойно села на подоконник, совершенно не испугавшись, что может разнести хлипкое строение в пух и прах.

— Видишь?

— Да.

За мутной пленкой, выделанной из животного пузыря, копошился размытый силуэт худого, угловатого мужчины в потертой одежде монаха с кубическими четками в руках.

Чарип молился. Перебирал косточки погибшей легенды (дракона). Губы беззвучно шептали слова благодарности. Тихо лились просьбы здоровья и изобилия для людей аула, для тех, кто с таким трудом выживал в суровых горах, кто верил и надеялся только на себя.

— Великий червь плодородия, благодарим тебя за почву, что насытил жизнью, благодарим за хлеб и овощи. И просим вернуться, озарить землю надеждой.

Червь как обычно молчал.

Свеча же на столе вспыхнула сильнее, затанцевала.

Велес улыбнулся. На миг он поверил, что это благой знак и совсем скоро свет добра, справедливости, блаженства прольется на всякого раскаявшегося нечестивца. На грешников и праведников. На него самого.

Но... Напрасно...

Тени зашевелились и одна, самая черная и живучая, устремилась из угла к фигуре чарипа. Отблески света не испугали ее, не заставили спрятаться, а лишь сильнее раззадорили. Тень покачнулась, опустилась ниже.

— Кончай ее! — рявкнул Мар, видя происходящее через зрачки птицы.

Орел рванул тонкую мембрану окна, и когда та разошлась, влетел в комнатку неудержимым вихрем. Схватив злобного духа, он, под истошные вопли Велеса, выволок тень наружу и начал с яростью выклеивать из нее куски.

— Ш-ш-ш, — зашипело со злостью раненой змеи черное создание и растворилось.

— Где оно? — спросил амагята сквозь пространство Мар.

— Это не сунесу и не демон. Слишком силен, не подчинить, — сделал вывод Улунхан и, недовольно фыркнул. Превратившись в пепел, он вновь растворился, как это нередко бывало после удачного или не очень задания.

— Дед, ты здесь?

— Здесь, — ответил Асай.

— Я не такой дряхлый, — одновременно с помощником отозвался Хорос, который, конечно, не ведал, что, помимо него, магического духа и непонятно с чего взбесившейся колдуньи, на кладбище есть еще пара-тройка созданий.

— Я не тебе, — посмотрев замутненным взором на главу аула, признался Мархи. Отвернулся в другую сторону и продолжил расспросы. — Кто может быть сильнее духа великого шамана?

— Эжины, боги, бурханы.

— Пришли за Велесом?

— Покуда он жив, они не угомонятся.

— Досадно, — покачал Мар головой и резко поднялся. Черные глаза мгновенно прояснились и почернели пуще ночи, в которой два человека только что камлали на кладбище.

На Хоросе не было лица. Он тихонько, чтобы не помещать орде деймосов кама, сидел в ядовитых кустах и моргал одиноким совенком.

— Пора возвращаться, — как можно доброжелательнее сказал Мархи главе, но сквозь успокаивающий тон его сквозила настойчивость. Теплая улыбка и расслабленно опущенные плечи давали понять, что он полностью здесь, в этом мире.

Аулец встал, отряхнул от крючковатых иголок войлочную безрукавку. В уголках глаз

мужчины затаился недоверчивый прищур. Он присмотрелся к великану, подумал и спустя мгновение улыбнулся. Махнув рукой в сторону тропинки, пригласил удивительного гостя выйти на открытое место.

— Айда, Мар. Видать, твои деймосы тебе подсобили. Не иначе, разобрался с кладбищенским чертякой?

Мархи несогласно покачал головой, снял черную маску и направился к самодельной изгороди, отделявшей владения чарипа и мертвецов от окружающих гор. Деймос и Фобос вышли из-за плавающих на небосклоне туч и засияли золотисто-бурым светом.

Небольшой, размером с луну Деймос был плоским и ровным, словно бусина из бижутерии мамы Лины, которую та потеряла в поисках деда Асяя. Фобос, видимо, названный древними в честь бога страха, напротив, темнел кратерами и руслами давно погибших рек. В центре массивного диска торчала носовидная гора, скалившаяся тем, кто на нее смотрел, гнилыми зубами высохших предгорий.

Прямая, под уклоном дорога закончилась, начался первый поворот самодельного, выдолбленного в скале, серпантина.

— Ты звал Улунхана? Кто это? — полюбопытствовал Хорос и вытер пот со светлой, почти белой, кожи. Он едва поспевал за длинными ногами и молодостью иноземца.

— Личный покровитель, которого дали мне боги в ночь инициации. А что?

— Ничего, — отрицательно качнул головой любознательный житель Трио. — Ты им командуешь? А дед, которого ты кликал потом?

Мархи остановился. Снял с пояса бурдюк с водой и подал собеседнику.

— Будешь?

— Нет, — ответил тот и указал на площадку, где частенько останавливались путники, идущие из аула на кладбище и обратно. Обычно в этом месте они поминали усопших сладким вином и ирилкой. Время от времени здесь разбивали ночлег влюбленные парочки.

— Пора б отдохнуть. А покась просиживаем штанины, поведай-ка о покровителях, стариках, которые подмогают колдунам. Ужась, как интересно.

Не в силах сдержаться, Мархи рассмеялся так, что зазвенела серьга в ухе, ударившись о кольцо, на котором висела. Блеснула чеканка медвежьей морды.

Мужчины присели.

— Смотри не усни, пока будешь слушать. Хотя я попробую покороче.

Мироздание камов состоит из трех пластов: Верхнего мира, где обитают Западные боги — тэнгри, их сыновья — ханы и дочери — хаты. Они создали людей и животных, наделили тварей частицами звезд и полюбили как родных детей. Кроме них в небожителях ходят злые Восточные тэнгри и их потомство. Они борются за власть с Восточными и ненавидят людей с начала времен.

Второй пласт соткан из материи. В нем живут человеки, осколки душ и остальная живность. Это Срединный мир. Он не один. Их великое множество. И разбросаны они повсюду, словно грибы в осеннем лесу.

И третий мир...

Аулец не выдержал и нетерпеливо перебил.

— Загробный?

Мар снял со спины бубен и показал карту, нарисованную им на оленьей коже восемь лет назад. Три тонкие линии, виляя и подпрыгивая, шли вдоль рисунка, потом резко поворачивали и превращались в единую спираль, соединенную в центре образом

человекоподобного зверя с рогами, пронзающими все эти прожилки. Кам указал на нижнюю линию, по которой в опрокинутом к остальному зверью виде бежало стадо чудовищ.

— Нижний, где живут души умерших людей, зверей и растений, злобные демоны.

— Обожди. — Смутился Хорос. — Это как же так? Частицы звезд, осколки душ и души в Нижнем мире. У человека же одна душа? Куда-ть вы, камы, столько напридумывали?

— Мы знаем — их три. Три осколка, которые, соединяясь, создают единый облик, единую сущность из тела, «Я» и божественной искры. Сунесу, сульде и бессмертная ами, вот, как их называют.

Кроме обычных душ у таких, как я, есть помощники, покровитель и... Ну... Хранитель. Покровителем нельзя управлять, он из Верхнего мира и дарован тэнгри; помощников каждый набирает по силам и по способностям, а хранитель — часть души, ее звериное воплощение. Живет с человеком от рождения до смерти.

— Эка загнул. Однако ж смотрю, как ты управляешься со своими подсобниками, и диву даюсь. Веру меняю на вашу.

— Чарип молился червю. Кто это? Ваше божество?

Хорос почесал затылок, откашлялся. Было понятно, что слова ему даются с большим трудом. Пару дней назад он верил в богов чарипа, как в самого себя, но после тумана, родившегося из ниоткуда, невидимых птиц, да и того чуда, что на земле низкоросликов появился гигант с пепельными, как султанские монеты, волосами, в нем родилось сомнение.

— Верно. Триольцы султана Рослана верят в четырнадцать богов. Одного из них кличут Червь. Он и взаправду червь. Тот, кто из каменного пустыря изладил плодородную землю. Грыз, грыз и вот те на: травушка вылезла, зеленушка всякая.

— Понятно. Неплохая животинка.

— А то! — воскликнул Хорос и хлопнул по колену. — Всяко лучше разрушителя могил.

Велес сидел недвижимый и едва дышал. В воздухе комнатухи, заменяющей семье аульца прихожую, кухню и гостиную, расплылся горьковатый запах полыни и грибов. Слегка тлели зажженные травы.

Перед Велесом на вязаной половице сидел Мархи. Глаза его были широко распахнуты и мертво тарацились слепыми зрачками в то место, где стоял стул. Мар не видел, Мар не шевелился. Он одеревенел. Только руки, большие и безупречно молодые, держали бубен и громко били в звонкую кожу, ни на секунду не прерывая выверенного веками темпа.

Из темноты Нижнего мира появился огромный, больше Мара, человек. Принюхался. Шаман нервно дернул плечом и тихо попросил деда Асая заковать свое тело в латы. Что-то подсказывало, что договориться с духом шансов довольно мало.

Старик из дымки превратился в металлические защитные пластины и поймал внука в свои объятия. Сколько бы ни было лет Максиму, для старика он навечно остался мальчиком из больничной палаты.

Блестящая броня сделала молодого человека наглее, и он подошел ближе к незнакомому существу.

Зрачки шамана, расширились от удивления, рот приоткрылся. Из сумрака Мара обдало светом двух синих глазков, которые, не моргая, просканировали его с макушки до пят. Остановились безучастными светлячками на человеческом лице. Морда, похожая на кору немолодого вяза сморщилась, захрустела.

Послышалось тихое шипение и звуки трещотки гремучей змеи. Сначала одной твари. Потом второй.

— Медведям не место в юдоли мести, — сказал древовидный и выпустил в Мара пару рук-змей, которые до сей поры прятались за массивным телом в мешковине.

Мужчина увернулся, отпрыгнув пару шагов. Перекатился через спину. И встал. Натренированные мышцы, связки работали, словно пружины.

Последовал новый выпад. Клыкастые конечности кровожадно раскрыли пасти и попробовали языком человеческий запах. Он был рядом, так близко, что любое удачное приземление могло оказаться последним для еще живого сульде.

Раздался грохот, мраморная поверхность, на которой стояли противники, слегка затряслась, и что-то металлическое покатило к трехметровой живой коряге.

— Чжурчжэнь? Не ожидал увидеться снова.

Их темноты выступил Улунхан, могучий воин, закованный в панцирный доспех и пластинчатый шлем. На кожаном ремне у бедра звякнули бубенцы в виде змеиных голов.

— Без меня юному ойуну не справиться.

— Тогда покажи ему пример, — с издевкой посоветовал дух и тут же получил окольцованным кулаком по одной из извивающихся лап. Пресмыкающееся пискнуло и прикрыло веки.

Улунхан подпрыгнул, скрывшись в небытие, потом метеором опустился на древовидного и пригвоздил того к блестящему полу.

«Или к потолку?» — подумал Мар, когда то, что было под ним, неожиданно перевернулось, превратившись в верх и сбросило с себя воинственную троицу.

Мархи начал падать, все быстрее набирая скорость и не ведая, как остановиться. Пространство растянулось резиной, поехало вкривь, отчего рамки его полетели к чертям.

В Нижнем мире не существовало законов бытия. Каждая вылазка была сюрпризом и чаще всего не особо приятным. Ведь что может быть располагающего в измерении, где измерений-то никаких не существовало? Только долгое, безмерное пространство, потерянное во времени и сотворенное на миг фантазиями тех, кто здесь ютился.

Неожиданно ногу обвила упругая лиана. Мархи качнуло один раз. Второй. На третий он отлетел с такой силой и скоростью, что, даже увидев перед собой стену, не смог защититься.

В руке хрустнула кость, и парень судорожно сжался. Боль пронзила каждый миллиметр тела и невыносимо запульсировала там, где возник перелом.

«Чушь! Чушь! Чушь! Меня нет! Меня еще тут нет!» — завопил Мархи сам себе и.. Очнулся.

Худой, изможденный череп чарипа почти вплотную приблизился к его лицу, и теплое дыхание согрело щетинистые щеки.

— Ты как, аватар? — спросил просвещенный пастырь и сдвинул брови. Вглядываясь в красивые, но такие чужие черты упрямого гиганта, он сочувственно прошептал:

— Кричал больно сильно. Пришлось разбудить.

— Тебя преследует бурхан. Один из тех, кто приходит за расплатой. Ты кого-нибудь когда-нибудь проклинал?

Велес напрягся и не в силах более контролировать тело, снова упал на стул, врученный ему главой на время камлания.

— Было, но я не знал. Не думал, что будет, — чарип заплакал и спрятал лицо под мозолистыми ладонями.

Потом будто решил на что-то, растер остатки влаги и без того замасленным рукавом и начал рассказ.

— В молодости я был простым скотоводом и не помышлял о служении богам. Как-то раз на берегу бурной речушки мне встретилась Янса. Дочь шуси, богатого торговца. Она искала своего ослика, сбежавшего со двора. И я, как истинный хозяин стада, быстро нашел на заезженной вдоль и поперек земле ее любимца. И если думаешь, что я получил за это медяк и сладкий поцелуй первой красавицы, то ты прав.

Время шло. Мы любили друг друга до беспамятства, каждый день, каждую ночь. Пока отец Янсы не вернулся из столицы и не привел с собой знатного богача. Вельможу.

Она пришла перед рассветом в ту же ночь и сказала, что согласилась на брак со стариком, что больше нам не по пути. «Он не красив и не умен, но любит меня и отвезет ко двору султана», — успокаивала себя Янса и убивала в моем сердце всякое тепло и человечность.

Я горевал. Долго. До безумия. И очнулся, лишь когда услышал об их свадьбе.

У венчального шатра, где шел праздник и пили лучшее вино из погребов повелителя, я потребовал, чтобы гнусный вор вышел. Гости и стражники пытались успокоить меня, заламывали руки. Но жених все таки услышал вопли и поспешил на буйство сам. Не страшась и не скрываясь.

Что тебе надо, старый шакал? — заорал я и плюнул ему под ноги. Мужчине, который годился мне в отцы и был богаче в тысячи, сотни тысяч раз. — Возьми все, только отдай Янсу!

Вельможа вытаращил глаза и промолчал. Выбежала Янса и приказала прогнать меня. Твердила, будто я — местный дурачок, опасный безумец.

И в тот момент мысли мои спутались, в груди расцвела такая ярость, что я собрал последние силы и проклял новую семью, проклял старика.

Через год, будучи учеником в главной молильне, я услышал новость, от которой до сих пор бегут мурашки: супруг Янсы сошел с ума и выбросился из окна. Что стало с любимой, мне не ведомо, так как боле не возвращался на родину. Злость, разочарование и глубокая обида прошли, но стыд за свои поступки глубоко въелся в кожу, стал частью сердца. Долгие годы, будто язва или оспа, он беспокоил израненную душу и сейчас вернулся с той же силой.

От пасмурных мыслей лицо Мархи посуровело, в уголках губ появились уже привычные морщинки. Не сказать то, о чем он думал и что знал, молодой шаман не мог, однако произнести тяжелые, роковые слова оказалось делом непростым. Чарип — славный человек, верой и правдой служивший народу аула, совершил одну оплошность и, как назло, она-то и привела его к последствиям, от которых даже опытному каму становилось не по себе.

— Победить бурхана шансов никаких. Он не злобный дух, не демон. Даже тэнгри не берутся за такое.

— Так кто же они? И что делать? Меня ожидает смерть? — обреченно спросил Велес и, посмотрев на четки в руках, опустил вещицу на стол.

— Бурханы принадлежат к касте стражей. Они охраняют священные места, врата в иные миры и законы божеств. Любое существо, будь-то человек, призрак или деймос, может попасться под горячую руку, если осквернит миропорядок или не подчинится ему.

— Значит, погибель. Я понял. — Чарип махнул рукой и встал.

Четки так и остались на столе: чужие, одинокие, потерявшие всякую магию.

Мар кивнул, но решил закончить свое повествование не безнадежностью, но добром.

— Сын неба милостив и дает право оправдаться любому. Иди в деревню и найди свою Янсу. Быть может, она простит, и ты сможешь расплатиться за грехи с ней, а не с бурханом

проклятий. И, быть может, он примет этот жест за чистую монету покаяния.

Глаза Велеса снова наполнились слезами. Ничего не сказав на прощание, он решительно вышел из дома и направился к Горе.

Через сутки, прибыв на кладбище вместе с аульцами, Мар увидел, что вещей старого чарипа нет, лишь на столе лежит молильная книга и в углу валяется огрызок расплавленной свечи. Тела Мокшинии, Богора и других обитателей кладбища аккуратно уложены в короба и стоят в ряд около пресловутого сарайчика.

— Ушел наш чарип. Нового кликать? — спросил Хорос у шамана, пока тот с другими аульцами опускал короба на днища могил.

Мар вытер пот со лба, расстегнул черную рубашку. Из-под плотной ткани выглянула морда медведя, выбитая на груди каким-то дивным умельцем, оскалилась. Глава поднял глаза и встретил спокойный и добродушный взгляд иноземца.

— Кликайте. У Велеса теперь новая жизнь там, где он нужен гораздо больше. В семье.

— В семье? В какой семье?

— В своей, — Мар улыбнулся. — Янсе очень нужна помощь с непослушным подростком, который собрался идти учеником в главную молильню и взбунтовался против женитьбы на местной девушке.

— Ай да старый прохвост наш Велюша, — рассмеялся Хорос и хлопнул в ладоши, сам не понимая, чему так радуется.

Потом резко помрачнел и обратился к шаману уже без улыбки:

— Кам, один вопрос меня гложет с тех пор, как мы сидом сидели и речи вели о мирах и душах. На твоём бубне четыре мира, а ты мне поведал о трех. Где ж еще один?

— Это мир, из которого ты меня вызвал. Но о нем не будем. Слишком опасно. Мана должна спать спокойно.

Поклонение агнцу

— Я видел, как не ты ударял в бубен, а вервольф.

Вокруг все закружилось. И очутился я на мосту и отбивался от существ с тремя головами крыс. Потом оказался вдруг на месте, похожем на Марс. Красном, пыльном и пустом. Там были дымящиеся вулканы, прыщи на раскаленной равнине. И под ними я нашел первые осколки. Потом пришла ледяная пустыня с избушкой изо льда и снега. В печке той избушки я нашел второй осколок. И еще один принес белый волк. Да, сам вошел в ледяное жилище, держа во рту кусок души. Следующий кусок мы с ие-кыла нашли в какой-то крепости, миистой и полуразбитой, как англюские замки. Когда соединили все воедино, увидел я символ бесконечности, и тело мое начало меняться, сокращаться в судорогах, пока не отпустил целое на свободу и не попросил двойника вернуться назад.

Отрывок из беседы с шаманом Пути. Запись пятая, неопубликованная. Кор ТВ. Фюсская демократическая республика, 5232 год.

— Настоящие герои всегда идут в обход! — обратился к присутствующим Хад и поднял пинту с брагой.

Мужчины с нескрываемой злостью воззрились на бородача и начали осторожно отступать к выходу. Толстяк в мятой, пижамообразной одежонке встал с пола. Поднял шерстяной берет и, почтительно откланявшись, ретировался за остальными. Быстро и вполне проворно для его комплектации.

— Прошу простить за бестактность, — в дверях выкрикнул он и скрылся в проеме так, что пружина на дверной створке едва успела вернуться.

— Лихан, гляди сколько крови. Оттирать и оттирать! — с сочувствием посмотрел на барменшу белоголовый красавец с женоподобными чертами лица.

Лихан густо покраснела. Захлопала накрашенными огрызками ресниц. Не зная, кто из троицы ей приятней, она, в конце концов, опустила свои крысиные глазки в пол и тихо, совсем по-мышинному, пискнула:

— Ничего, справлюсь, милый господин.

— Вот, держите, — обратился к ней новый посетитель и вытащил из кармана черного суконного плаща золотую монету неизвестной чеканки. — Хватит?

Дамочка кивнула и едва заметно поправила декольте, стянув ткань как можно ниже. Показать округлости небольшой груди в более выгодном свете — дело нехитрое. Авось заметят.

Мар закатил глаза и беззвучно выругался.

— Чего приперся? Мы бы и без тебя дело осилили, — бросил Ал и презрительно зыркнул на бывшего друга.

— У главы Пути и твоего учителя иное мнение. Так что помалкивай, — огрызнулся Мархи.

Удхани с Оциолой не виделись с тех пор, как погиб Акай. Бывало, что они попадали в один мир и даже целительствовавали в одном и том же городе, но встретиться им не удавалось. Благодарить рок за это не имело смысла, так как причиной параллельности судеб шаманов все девять лет оставался талантливый драпак Мар. Как только доносились слухи о приходе белоголового мага, он мигом исчезал в глубоких ущельях, дальних поселках самых

захудалых уголков общего мира.

— Кончай чесать языками. Пошли, — скомандовал Хад и встал. Положив пять икракских шиллингов на стойку из бамбука, он вышел.

Сколько бы лет ни прошло, в походке, выверенных движениях и нарочитой лени пожилого кама читалась невыразимая уверенность в себе и в собственные силы. Что бы ни случилось, он твердо знал: помощи ждать неоткуда, поэтому доверял только собственным ощущениям, слушал внутренний голос и не дрейфил.

«Иначе абзац», — добавлял он, когда в сотый раз нравоучительствовал ученику о свободе.

Мархи взял посох, который оставил рядом с музыкальной шкатулкой, больше похожей на коробку из-под стиральной машины, и пошел следом. Пребывать наедине с несдержанным оборотнем ему не очень хотелось. Душевные раны после первого дела все еще не зажили, и он прекрасно помнил, в кого может перевоплотиться белобрысый индеец.

— Лихо ты с молодцами-удальцами совладал. Не зря Безым на охоту таскал, — остановившись на пыльной дороге, похвалил старый отшельник и посмотрел через марово плечо.

Искал ученика, не иначе.

— Они сами напросились, — ответил Мар и отодвинулся, чтобы не заслонять вид дверного проема, из которого должен был выйти Ал.

Совсем недавно, с приходом черноокого шамана в таверну, на него обратило внимание с дюжину угрюмых лиц. Любопытство и агрессия считывались в каждом движении, жесте горожан, которые собрались в знаменитой питейной, чтобы забыться и отвести душу. И злость их имела причины. Уже месяц, как в местечке под названием Икракс, случались массовые самоубийства, повода для которых законники никак не могли найти.

И тут, будто случайно, но назло, в таверну, где собираются местные альфа-, бета-самцы и шахтеры, вошел тип в черной кожаной маске, дорогой траурной одежде и с костяным посохом в руках. Мало того, с наверхия шеста на людей бросала взгляд чрезвычайно реалистичная и пугающая до дрожи, маска, обрамленная мехом соболя.

Странно? Да. Страшно? Еще бы!

— Куда спешишь, отродье Вельзевула? — нарочито грубо крикнул человек в берете, один из первых вышедший из ступора, и схватил незнакомца за плечо.

Гость скосил глаза на наглеца. Остановился.

— К ним, — ответил он и указал на двоих у барной стойки.

— Не фартит тебе, чародей. Вали отсюда, пока жив.

Вокруг Мархи раздался хохот и одобрительные возгласы остальных.

— Прости, — шепнул парень грубияну, и его лицо словно перекосило от боли.

— Что? — не расслышав, переспросил местный дебошир, но тут же умолк, пригвожденный к столу из лакированного бамбука.

Вывернутая назад рука хрустнула, мужчина ойкнул. Секунда. Резкий удар под колено и голова в мятом берете легла на пол, заслунявив разбитым ртом грязные доски.

— Меня прислал сюда курфюрст Рур. Дело есть, о котором вы, конечно, слышали. Еще вопросы?

Мужчины, поняв, чем светит их проступок и, чувствуя себя полными идиотами, ретировались и медленно продвинулись подальше к двери. Иметь дело с наемником правителя никто не хотел, даже самый безбашенный бандит королевства обходил прислугу

вседержавца стороной.

Слухи о жестокости и садистских пристрастиях курфюрста много лет блуждали по материку, поэтому никто не смел перечить ему, ибо не рвался на голгофу раньше времени. Четвертование после повешения — та еще мечта, даже для бунтовщиков икракцев.

Увидев реакцию таверны, Хад не выдержал и с удовольствием перешел к ироничному сарказму, в коем был подкован больше остальных шаманов, чем несказанно гордился.

— Настоящие герои всегда идут в обход! — выкрикнул он с брагой в руках и пихнул в бок закипающего Ала.

Встреча бывших товарищей удалась. Это чуял старик и это осознавал Мархи. Ал же только бесился и ярился все сильнее.

— Что произошло? — задал вопрос Мар, когда питейная и разборки остались позади.

Он не спеша брел рядом с шаманом-отшельником и рассматривал удивительный мир, в который попал впервые утром.

— Очень странные дела творятся, сынок. Ровно десять оборотов вокруг звезды назад в городке покончили с собой двадцать человек. А для зажиточного полиса с громадьем уриси в недрах это просто невозможно. Тем паче, что горожане под защитой идола. Тотемное животное — Верховный Панголин.

— Уриси?

— Не слышал?

Мар отрицательно покачал головой и резко отклонился назад, чтобы пропустить торговца тканями на трехколесном велосипеде. Чернокожая дама из овощного лотка улыбнулась статному красавцу в черном плаще и кокетливо подмигнула. Шаман подмигнул в ответ.

— Не бывал во Вселенной Ра раньше. А тут ничего.

— Девки — огонь, и нравы не такие строгие, как у монобожников, — прокомментировал любезности торговли белоголовый и показал той непристойный жест.

— Угомонись, язва. Иначе напорю, как в детстве, — рывкнул Хад и подошел поближе к путейцу. — Планета Амон — влажная и солнечная. Она плодovита и благостна для человека. А еще имеет в земле залежи уриси, камня с чудными свойствами. Уриси растапливают печи, поджигают ради освещения городских улиц и домов, а распаренным камнем и настойками из него исцеляют больных. Поговаривают, что правители живут здесь гораздо дольше челяди, так как вместо лекарств пьют разведенный уриси. Наверняка враки, но все же.

Так вот... О чем я? А, вспомнил.

Уриси есть не во всех землях Амона, но хотят ее все. Поэтому горнодобытчики торгуют камнем втридорога и платят адские налоги властям. Благоденствуют от такой добычи что хозяева шахт, что царьки, простой люд же получает крохи со стола властителей, но и тому безмерно рад. Гляди-ка, какая забавная зверушка! — отвлекся под конец рассказа старик и указал пальцем на изумрудную ящерицу, сидящую на плече нищего с белыми, невидящими глазами.

— Подайте монетку за предсказание! — крикнул слепой и подергал за ниточку, привязанную к лапке питомца.

Зверюга слегка отдернула конечность, но осталась сидеть на месте в позе гордой, замороженной мумии.

— Сколько? — гаркнул Хад и потряс мешочком перед лицом низкорослого бродяги. Зазвенел металл, отчего бедняк оживился.

— Полшиллинга, будьте добры.

— На здоровье. — Хад бросил крошечную золотую монету в грязные руки и наклонился поближе к ящерке. Мархи улыбнулся забавному зрелищу и встал неподалеку, чтобы получше рассмотреть фокус с гаданием.

Холоднокровное повернуло морду сначала к Мархи, покачало головой, подобно маленькому человечку, потом перевела немигающий взгляд на старого кама. Из разинутой пасти раздалось низкое шипение и едва распознаваемые слова:

— Панголин ждет в плену у арахнида. Сегодня быть битве. Ягодка сладкая, но опасная.

— Какая ягодка? Зачем нам про ягодку? — спросил Хад, подняв от удивления густые брови.

Почесал бороду.

— Прошу простить, Кузя говорит мало, но по делу. Сегодня до заката все прояснится. Уверяю вас, — прокомментировал непонятицу нищий и, поклонившись, отошел.

— Развели, как дитя, — решил поделиться впечатлением Мар и услышал согласный смешок за спиной.

Миссия миссией, но доверчивостью бурый медведь славился небывалой. И знали о ней не только камы. Почти каждая вылазка Хада заканчивалась потерей. То монеты выклянчит одноногая цыганка, у которой тут же отрастает недостающая стопа, то кусок краяхи получит сирота, что бежит к пьянчуге папашке на поклон.

— Верно. Учитель столько тратит на магов и предсказателей, будто сам не может спросить о будущем у амагята, — подтвердил Ал.

Хад махнул на молодых камов лаповидной кистью и направился через собравшуюся на улочке толпу дальше.

«Каков есть — другого не будет», — подумал он, смирившись со своей сутью. Пусть наивный, пусть дурак, зато не подлец.

— Рынок недалеко, а за ним через два перекрестка храм. Скоро доберемся, — бросил старик ученикам и зашагал меж заполненными фруктами, одеждой и дамскими безделушками лавок к конусовидной площадке.

В центре мощеного пространства возвышались три мраморных столба. На самом низком стояла человеческая фигурка в широких штанах с карманами. На голове ее была повязка и звукоблокирующие наушники.

«Шахтер», — решил Мархи, рассматривая произведение местечкового искусства.

Второй столб занимал силуэт куда более знаменитый. Полноватый человек в форме, с десятком медалей на груди гордо выставлял торс и слегка наклонял лицо с двойным подбородком. Выпученные глаза смотрели прямо перед собой, строго и негибаемо.

— Курфюрст Рур? — Ал подошел вплотную и похлопал угол столба с монументом.

Мархи, которого пригласил как раз тот самый Рур Пятый, кивнул.

На наиболее массивном столбе, возвышающемся над остальными несомненным лидером, размещался зверь из черного, гладкого камня. Полированные пластины тела поблескивали зеркальным отражением под лучами солнца, а вот морда была скошена. То ли удар топора настиг ее в момент ярости, то ли молния пронзила в лютую грозу. В центре лба тотема зияла кривая трещина.

— Что с Верховным Панголином? Откуда борозда? — поинтересовался путеец у Хада.

— После первого себяубийства проглянула. Посмотри вокруг, на каждом панголине такая есть.

И правда. Под широкими крышами, выросшими шляпками грибов над домами жителей селения, стояли такие же изуродованные статуи божественного защитника. У врат зажиточных располагались чернокаменные фигуры, а при входе в крошечные домики бедняков кривились в муках треснутые деревянные.

Прошло не больше нескольких минут, как троица вышла из толпы в спокойный, безлюдный переулок. Мужчины оказались перед громоздким гигантом с пирамидой ступеней: храмом того самого Верховного Панголина, который пострадал от неведомой силы в день пришествия икракских суицидов.

Два этажа обитатели покрывали такие же, как в городе, широкие квадраты серо-черных овальных черепиц. Верхний этаж, в форме башенки скромных размеров, оканчивался шпилем из прозрачного минерала.

Камы поднялись по черной лестнице из уриси, вошли в открытые арки дверей.

Красная дорожка привела их к гигантской статуе чешуйчатого божка, стоящего на задних лапах с распростертыми к небу передними конечностями.

— На стенах кровь, — заметил Ал, рассматривая потеки по всему внутреннему периметру. Принюхался.

— Двух человек, — уточнил он погода.

Из-за статуи выглянула девица лет шестнадцати с миндалевидными глазами цвета земного заката и шмыгнула носом-картошкой. Милая внешность и некрасивость одной детали сделали из нее гадкого, несуразного утенка. Она это понимала, поэтому несказанно смутилась перед молодыми красавцами, что прибыли в храм.

Низко поклонившись и покраснев, девушка тихо поздоровалась:

— Доброго дня, единовѣрцы.

Хад поправил накидку из меха медведя и, сняв бубен с плеча, приблизился к прислужнице.

— Мы — камы, которых призвали, чтобы разыскать истоки гибели в вашем городке, фройляйн. Говорят, первая смертушка приключилась здесь?

Девушка в длинном платье из шелка и в синем берете почтительно присела в реверансе. Но в уголках ее глаз, совсем не по этикету, заблестели росинки слез.

— Десять оборотов назад настоятель и парювик, помощник в чтении сур, приступили к новому циклу ночных служений. С утра мы с послушницами прибыли, чтобы отправить их спать и увидели, благочестивый Асур лежит в крови с порезанными руками, а мальчик Бор исчез.

— Может, это не самоубийство, и настоятеля прикончил пурувик?

Прислужница поежилась, словно от холода, и подняла глаза на равнодушное, но утонченно-прекрасное лицо блондина.

— Парювик? Нет, — отрицательно качнула она головой. — Бору только исполнилось семь ра. В таком возрасте дети поступают во служение. Они малы, слабы и сотворить подобное просто не в состоянии.

— Бора нашли?

— Потом. В заваленной шахте вместе с урисидобытчиками.

— Это второй случай самоубийства?

Прислужница кивнула, почти незаметно вытащила платок из кармана, затерявшегося в складках юбки, и промокнула им слезы на щеках.

— Пятнадцать мужчин с мальчиком засыпали себя взрывом в одном из опустошенных

карманов, потом подожгли в нем остатки камней. Другие работники, что были снаружи, кинулась спасать братьев, но было поздно. Все как один задохнулись.

Больше вопросов шаманы не задали. Стало понятным: без камлания здесь не обойтись. Вряд ли шахтеры, у которых жизнь была не сахарный песок, в одно мгновение решились покончить с ней и забрать в небытие мальчика: без массового помутнения рассудка, терзаний и споров между собой, назло чему-то или кому-то.

Камы приказали девушке уйти, ибо подвергать опасности невинное существо было делом бесчеловечным. Молодушка кивнула и, подобрав с отполированного пола шелестящие юбки, убежала на рыночную площадь. В руках Хада оказались массивные ключи от главного входа, а у Ала — белая лилия из прически юной девы.

— Мархи — на ступени, мы с учеником — здесь. Посох оставь мне. Разведай в Нижнем мире, где души живых горожан. У нас задача посложнее: освободить тотемного зверя. Ал, слышишь?

Белоголовый с остекленевшим взором и, уткнувшись носом в бутон, кивнул Хаду и вдохнул сладкий аромат. Заметив, что две пары глаз безотрывно следят за выражением его лица, он отдернул руку с подарком и насупился.

— Конечно. Приступим.

Белый карлик Ра медленно спускался к горизонту, полдень давно изжил себя. На месте звезды из-под земли выплывали первые спутники Сир и Ака, до глубокой ночи к ним должны были присоединиться еще пять. Но ни Мару, ни его соратникам увидеть каменные глыбы в небесах не пришлось. Камлание оказалось тягучим, словно кисель, а время в обители духов пошло вовсе не так, как на Амоне.

Нижний мир встретил троих посланников мертвой землей без какой-либо растительности и признаков зверья. Черные, словно оникс, острые камни, испещренные кратерами, и застывшие лужи породы отражали бледную, в дымке звезду. Внизу, на глубине в сотни метров журчало нечто водянистое. Слышалось гроыхание подземных водопадов.

У Мархи подкосились ноги от тяжести, которая возникла в этом забытом богами месте. Он спешно присел. Асай, чтобы помочь, беззвучно перетек из образа деда в трость с медведоподобным набалдашником и лег в руку внука. Притяжение давило все сильнее, но парню хватило сил подняться.

Обернувшись, кам посмотрел туда, где недавно на планете Амон стоял храм Верховного Панголина. Его, естественно, не оказалось. На месте величавого здания переливался всеми цветами радуги прозрачный купол. Стекла в нем слегка вибрировали, покрываясь рябью, кое-где изгибались нахлынувшей волной.

За экзотичной преградой пряталось Нечто. Рассмотреть его было сложнее, чем чернук кошку в беззвездную ночь. Отсветы ложной звезды и белесые нити внутри, подобно паутине огромного арахнида, плотно скрывали от смотрящего сущность, трепыхающуюся в глубине купола.

Две маленькие фигурки слева от куполообразной тюрьмы подняли руки и помахали Мару.

— Хад и белобрысый? — шепнул с удивлением кам и помахал в ответ.

Он и представить не мог, что находится так далеко от друзей. Там, на планете, лестница была намного ближе к храму, чем здесь пустыня, куда он опустился, и купол.

«Души где-то тут, уверен. Но какие они на этот раз? Белки, как в лесном мире Лин, или холщовые куклы Симаргла?» — вернулся к мыслям о задании Мар и стал рассматривать

камни вокруг.

Под ногами зажужжало и заискрилось. Мархи опустил взгляд и увидел стеклянный четырехгранник, в сердцевине которого пульсировала крошечная алая звездочка. Подняв ее, он почувствовал, как человеческое тепло, заключенное в недрах жесткой скорлупы, медленно согревает руки.

«Тетраэдр ами — любопытно», — улыбнулся он и покрутил удивительный предмет, чтобы получше рассмотреть вечную душу. Затем бережно положил его в сумку и отошел пару шагов. Где-то неподалеку раздалось похожее жужжание, и кам устремился к следующей душе.

Пока путеец собирал ами, шаманы-странники исследовали купол. Живым его трудно было назвать, но связь громадного строения со Срединным миром была неоспорима.

— Помощник? — поделился идеей со старшим Ал и потрогал натянутую мембрану. Живая ткань мгновенно оттолкнула чуждую пятерню и поежилась, словно от боли.

— Смахивает на цветок, — согласился Хад, на лице которого уже висела клыкастая маска короля тайги — медведя.

— Одуванчик! — осенило ученика. — Это растение с Земли. Со временем его цветок превращается из желтого пушистика в седого. А потом ветер разносит семена-зонтики на сотни метров вокруг.

— В моем мире он зовется косцалией. Попробуем призвать хозяина и узнать, кто он есть.

Юный кам согласился и развязал на груди веревку, пришитую к бубну. Двойник шамана, заляпанный свечным воском, легко слетел с плеч и лег в руки товарища. Тоже самое сделал бубен Хада. Массивный и многоопытный, он слыл среди двойников старожилом. Ойун ни под каким соусом не желал менять его, поэтому бубен почитался и имел уважение даже среди путейцев Тимучина.

Белки старого Хада налились кровью, стоило ему произнести первые слова песни к владыке Хангаю, повелителю тайги и охоты. Низкий гортанный звук потек в воздухе потоком невиданной силы, закрутился вихрем вокруг посоха и вселился в маску его наверхия. Полированное лицо зашевелилось, сморщилось. Втянулось внутрь и резко выпрыгнуло из овала с громким рыком истинного хищника. Длинное, грациозное тело потянулось, будто после долгого сна, проверило мощь мышц.

Как только обряд пробуждения закончился, пантера с человеческим лицом поклонилась.

— Разбей преграду, — скомандовал Хад помощнице и указал на купол.

Одновременно с приказом странника Ал выпустил из небольшой шкатулки вредоносного духа, которого поймал пару лет назад. Дом Духов на его бедре зашипел и на камни вывалился голлум размером с четырехлетнего ребенка. Большеголовый, в отличие от пантеры, не поклонился, лишь злобно зыркнул светящимися глазами на хозяина и сел в ожидании. Склизкая шкура его распласталась желе по тверди Нижнего мира.

— Снеси стену, — вслед учителю приказал белоголовый.

Два духа-помощника поднялись в воздух, обернулись остриями стрел и начали поочередно вонзаться в преграду.

Купол заволновался, перестал пускать световые вибрации и помутнел. Ему совсем не нравились прибывшие гости, тем паче, что повелитель его ушел на встречу с божеством.

Удар, еще удар. Что-то затрещало. Темно-лиловые разводы расплзлись от мест, куда

вонзились острия. Замерцали неоном.

Черный наконечник пантеры отлетел подальше, разогнался и, вращаясь с бешеной скоростью, вновь врезался в купол. Кусок стекла закрипел и рухнул. От него молнией понеслись новые трещины и окутали всю полусферу. Как только голлум ударил с другой стороны, остатки тюрьмы с грохотом обрушились вниз и освободили то, что не по своей воле скрывалось внутри.

Шаманы увидели, как в самом сердце заточения корчится от боли раненый панголин. Из-под шейных пластин его течет струя крови, а тело завернуто в клейкий кокон из паутины. Только часть брюха и добродушная морда торчат из тисков.

— Смотри, какой умильный. Как ты лет пять назад, — хихикнул Хад, подходя ближе к заключенному.

Сочувствие и тоска по родине, где панголины жили в согласии с людьми в домах и сараях, заставили его приблизиться к духу вплотную, нежно провести ладонью по прохладным пластинам животного живота.

Панголин испуганно заверещал, даже попытался свернуться в кокон, но поняв, что ничего не получается, отвел моську от наглых спасителей и обреченно вздохнул.

— А я-то думал, что больше похож на во-о-он того, — иронично высказался блондин и кивнул в сторону приближающегося восьмипапого чудища. — Это кто? — спросил он и вытащил из-за пазухи обрезок терновой ветви.

— Узут. Паразитирует на удхе и питается его силами. Видать, в селении его приняли за тотема, когда он забирал мощь панголина. Стали поклоняться. А гад разрушал, сеял безнадегу, — скороговоркой ответил ученику Хад.

Тут же приказал пантере:

— Освободи панголина! Быстро!

Грациозное оружие вмиг кинулось на клейкие нити и начало их рвать с таким усердием, что куски паучьих кружев безжалостно разлетались по округе, даже не дотронувшись до шерсти хищницы.

Узник судорожно втянул воздух, когда последние слои пут повалились у его лап. Глаза блеснули. Он вышел вперед, заслонив собой камов. Как истинный защитник, божество с чистыми помыслами, тотем обязался защищать людей, чего бы это ни стоило. И сейчас настало его время.

Паук размером с буддийский Боробудур остановился, начал озираться в поисках врагов. Когда перед ним возникли две крошечные фигурки и воинственный панголин, арахнид удовлетворенно повел брюхом и, забросив всякую спешку, медленно побрел к воришкам.

С такой мелочью он справится и без помощи хаты. Сомнений нет.

— Эй, волосатый урод, так и будешь мяться? Если боишься, уматывай отсюда! — крикнул Ал и бросил терновник рядом с панголином.

Паук гневно поднял передние лапы, приложился ими об землю так, что черные осколки градом полетели в стороны и почва немного затряслась. Крупные миндалины десяти глаз сфокусировались на людях. Не теряя времени, он ринулся вперед, подобно бронированной самоходке, но быстрее. Гораздо быстрее.

Удха едва успела отскочить назад, как шипастая игрушка кама разрослась со скоростью взрыва, а паук, который почти схватил недавнюю заложницу, всем своим телом наживился на ее острые иглы.

Панголин резко развернулся и двинул защищенным хвостом по брюху узута. Брюхо

треснуло, с неприятным чавканьем завалилось на самый крупный шип, расплозлось.

Шип был неслучаен, он вырос за секунду до падения и ждал, жаждал плоти врага, которым питал свои соки. Когда это свершилось, он с чавканьем втянулся обратно. Напоил свежей влагой соседние шипы.

Белокурый оборотень сел на четвереньки и, как только тело превратилось из человеческого в волчье, бросился на остатки арахнида. Пасть со стальными зубами сработала идеально. Вырвав упругие, увесистые куски плоти с панцирем, она заставила духа повалиться навзничь и замереть.

— Нагваль что надо, — похвалил Ала Мархи, с напряжением наблюдая за битвой издалека.

Собрав увесистый мешок с душами, он почти дошагал до края здешней земли.

За обрывом не было ничего: лишь пустота и крошечные искры энергии того, кто этот мирок-заключение создал.

— Каменный блин. Интересно. Неужели арахнид смог сотворить такое? Хм. Сомневаюсь, — пробурчал себе под нос шаман, осмотрев ровные, словно высеченные лазером, края плато.

Слишком идеальной и логичной показалось ему Вселенная. Семь крупных звезд на небосклоне, уриси для подпитки и усмирения панголина, не к месту изящная полусфера с радугой на стенах. Зачем все это пауку? Чувство стиля у них не развито, сила притяжения вовсе не важна. А звезды... Полнейшая нелепица для того, кто не смотрит в небеса.

— Н-не смог. Это — я, — вдруг прозвучала разгадка за спиной Мара.

Парень отодвинулся от края и не спеша повернулся. Мышцы напряглись.

Дракон цвета киновари с крыльями летучей мыши и грациозными витиеватыми рогами опустил рядом. В вертикальных зрачках вспыхнуло пламя.

— П-правда прелестно? — спросил он, изогнув длинную шею.

Аромат спелых ягод клубники поплыл по воздуху, пока не достиг рецепторов Мархи. Он сглотнул и сильнее втянул ноздрями запах детства. Кивнул дракону в ответ.

— От-т-тдай ами, — попросил неожиданно дух.

Мар насторожился. Так вот значит что? Дракон специально создал этот мир, чтобы заточить тотемного зверя и спрятать души? Он хочет заставить их выполнять приказы с помощью узуга? Править ими так, чтобы они этого даже не заметили? Хитрец.

— Бо! Ко мне! — выкрикнул шаман и сиганул за ближайший выступ уриси.

Прижавшись как можно теснее к камню, он почувствовал жаркое дыхание божественного зверя. Всполохи огня прошли по рубашке и оставили опалины. Дракон гневился.

— Твою ж..., - ругнулся Мар.

Увидев, что к ним приближается Бо, он поднялся и побежал зигзагами к двойнику. Авось повезет и ящер не спалит его до состояния курицы-гриль.

Бо был поблизости, когда дракон неожиданно взметнулся и приземлился совсем рядом с призрачным конем. Шаман потянулся к другу, почти поймал того за гриву, но услышал свист. Повернув голову, он заметил хвост. Длинная оконечность с ало-золотыми переливами летела в их сторону с невероятной скоростью. Спасти от нее было выше человеческих и духовых сил.

Мархи едва успел зажмуриться, как через секунду почувствовал сильный толчок. Согнувшись колесом, он откатился на пару метров от эпицентра битвы. В спине,

расположенной остроконечными камнями, вспыхнула боль, но, кроме нее, грудь и бедро окатило незнакомое ранее жжение.

Мар сплюнул кровь, открыл глаза и увидел Бо. Тот лежал неподалеку в судорогах и тряс мордой, чтобы прийти в себя.

— Мой Бо... Улуни. Спаси! — хрипло выдавил шаман и уронил тяжелую голову обратно на камни.

Вселенная вокруг начала крутиться и мигать, будто кто-то включал и выключал лампы прожекторов. Из серой пелены к парню приблизился орел необычайной красоты и мощи. Сквозь его золотые перья светилась обьятая пламенем кожа.

— Не бойся, мальчик. Я рядом, — услышал Мар знакомый голос и увидел, как пернатый снял с его бедра мешок с собранным ами. Подняв крылья, Улуни взметнулся ввысь и начал медленно угасать. Вслед за птицей, бубен Бо побледнел и растворился в пространстве, будто никогда и не появлялся в Нижнем мире, сотканном из фантазии дракона.

Мар перевел взгляд на противника. Гигантский змей попытался метнуть в остатки амагята огненный шар, но получил мощный отпор воздушным потоком. Взмах крыла снес ядро в сторону.

Мархи рассмеялся. Комок крови подкатил к горлу, и он снова сплюнул.

— Эй, не старайся, малышка! Феникса огнем не сжечь!

Пламя в глазах ящера потухло, и он медленно подошел к раненному.

— Малышка? Это ты мне?

Максим слегка кивнул. Пухлые губы растянулись в доброжелательной улыбке.

— Конечно, Клубничка. Здесь только мы остались.

Алый дракон смущенно потупился. А Макс, прекратив всякие попытки остаться в сознании, отключился.

Поклонение волхвов

С потолка юрты капало. Неторопливое «кап» раздавалось каждые полминуты и невероятно раздражало Мархи. Подняв железобетонные веки, он увидел над собой рисунки. Черно-белые, написанные неумелой рукой, они были реалистичнее реальности, в которой ему приходилось временами бывать.

Вот водяной утягивает в болото человека, а шаман с бубном ранит духа солнечным пламенем. Вот страшная физиономия узута корчится от радости, когда человек летит со второго этажа вниз на каменную дорожку. А здесь кудрявая девочка с невероятным количеством веснушек на милом детском личике показывает язык художнику.

— Очухался? — послышалось с соседней циновки и отвлекло Мара от смотрин.

Повернув голову, парень встретился взглядом со старым учителем. Безым расплетал косицу и шурился от дыма своей же трубки, что как обычно торчала между почерневших от табака и трав зубов.

— Ты побрил?

Безым кивнул.

— Бродишь по мирам, пугаешь местняков. С такой физиономией тебя на каторгу пора отправлять, а не исцелять люд.

— Без щетины во мне кама не видят. Считают, больно молодой. Благодарствую за помощь. Теперь придется снова отращивать.

Старый шаман неопределенно хмыкнул, отложил трубку и натянул маску, которая во время разговора была на лбу. Парни за его спиной расслаблено выдохнули. Вечно хмурый и морщинистый, словно шарпей, Безым казался им симпатичней в шаманском облике.

— Привет, молодняк. Признавайтесь, кто меня отделал? — обратился Мархи к младшим товарищам из Сургуля.

Алдан, самый старший и бойкий из них, оценивающе поднял бровь и скрипучим голосом подростка выпалил:

— Если бы мы приложились, от тебя ничего не осталось. А тут царапины, да синяки. Слабовато для камов Пути.

— Прекрати, вонючка. Он же шутит, — толкнул в бок долговязого эстонский мальчик с именем Тэн, подошел к старшим и присел рядом.

Несмотря на разницу в возрасте, жители юрты общались друг к другу на «ты» и любили подтрунивать, выражая этим привязанность и наивысшую степень доверия. Семи парням в одном доме было нелегко, частенько уровень тестостерона зашкаливал все возможные и невозможные границы и только опыт Мархи и немногословный авторитет Безыма заставляли подростков вести себя тише, останавливаться от битья лиц даже в самые накаленные моменты.

— Это не мы, Мар. На задании что-то пошло наперекосяк, — начал было Тэн, но умолк, когда учитель его перебил.

— На Икраксе тебе досталось. Ничего, вылечим. Будешь, как новенький.

— Почему досталось? В Нижний мы отправляем сульде, но тело остается в Срединном мире.

— Иди к остальным, — рявкнул на Тэна Безым и, как только парень с поникшим лицом отправился на другую половину юрты, неторопливо ответил:

— Когда Панголин, которого освободили Хад и Ал, вернулся в храм, он не смог вселиться в треснутый сосуд. Обитель не выдержала, порушилась. Хвала тэнгри, камы-отшельники уже были в себе и смогли спастись сами и вынести твое тело. Правда, оно немного изувечилось.

— Кто? — уточнил Мар. — Кто меня вытащил из-под завалов?

У старика дернулась рука. Он поспешно спрятал ее в карман.

— Не все ли равно? Хад.

Мархи отвернулся и еще раз осмотрел коллекцию снов, которые он перекладывал на бумагу вот уже восемь с лишним лет. Среди исписанных бумажных холстов выделялся один: женщина средних лет с огромными уставшими глазами и напряженной улыбкой. Морщинки у края губ шептали, она еле сдерживается, прилагает огромные усилия, чтобы не крикнуть во все горло:

— Верните сына и свободу! Дайте нам выбор, как жить и как умереть!

«Мама, прости. Не думал, что взрослеть так больно», — с искренним сожалением подумал вдруг Мархи.

Никто, никто в целом мире не любил его так, как она. Он понял это только сейчас, будучи взрослым. Здесь на Ольхоне парень выполнял миссию, которой его наградили предки, но как бы ни были добры местные, их попытки сводились к одному: не дать внуку Ася умереть.

— Кто? — повернув голову к Безыму, задал очередной вопрос Оциола. — Кто вернул мою душу из Нижнего мира?

— О, любопытственная историйка. Найти тебя среди бесчисленных мирков мог бы только Тимучин...

— Но он же белый? Ему не спуститься вниз?

— Верно. Поэтому глава отправился в Дом Духов просить совета. А они согласились помочь. За плату.

— Мертвые брюзги. Нигде не упустят выгоды. И что он пожелали за мою сульде?

— Байку о встрече с драконом.

У Мархи отпала челюсть. Раскосые глаза удивленно округлились. Такой прозорливости от ленивых духов Ольхона он никак не ожидал.

— Откуда они знают?

Безым всплеснул руками, словно актер мексиканского сериала, и немного обиженно ответил:

— Не ведаю ни на грош. Ни-че-гошеньки. Старику Безыму, видать, не в чести такое рассказывать. Подай-принеси, спаси, исцели. И все тут. А как что интересное, то сиди и помалкивай.

— Ну-ну, не нагнетай. Помоги лучше подняться. Ребра болят.

Безым вскочил с меховой подстилки и, бережно подхватив огромными ручищами, способными сломать шею медведю, Мара, поднял с земли.

Вечерний костер почти догорел, поэтому в юрте стало свежо и сумрачно. Парни не спали, сидели и перешептывались в дальнем углу, то и дело бросая опасливые взгляды на старших.

Мархи поежился от прохлады, но не стал надевать попону. Прямо так: в льняной рубахе, штанах и босиком он вышел из жилища. Безым зашагал следом.

Алдан цыпленком вытянул шею, высматривая, как далеко кам с учителем от их общей

юрты. Поняв, что неблизко, обратился к остальным:

— Интересно, ему скажут, что он разгневал богов?

Мальчик лет десяти, с короткими руками и широким плоским носом кивнул в знак согласия:

— Ага. И что Тимучина теперь не пускают на небеса. Как просить благословения? Как стать шаманом, если тэнгри не хотят слышать о нас?

— Эх, не кам, а сплошное недоразумение, — выпалил Тэн.

Остальные посмотрели на него с недоумением, кто-то даже с испугом.

— Ну а что? Для него что тэнгри, что лярва, что демон — одно. Главное — выполнить задание. А нам теперь страдай.

— Верно, — кивнули подростки и в тяжелых думах разбрелись по циновкам.

Тимучин сидел в позе лотоса на разноцветном коврикe, связанном шаманками Ольхона, и улыбался. Под закрытыми веками глазные яблоки ходили так уверенно, будто старик перемещал взгляд от одного предмета к другому, или что-то внимательно осматривал в невидимом для остальных мире грез. Перед ним лежала кipa исписанной бумаги. И с каждой минутой ее становилось все больше.

Пожелтевшие листы мерно поскрипывали от движений пера, которое парило по воздуху без помощи человека, и отлетали в сторону, как заканчивались строки. Перо перепрыгивало на следующую страницу и продолжало свою работу. Оно останавливалось, снова вело борозду, выписывало вензеля на зависть многим каллиграфам.

На главе не было маски, значит, он не камлал. Бубен размером с бычью голову отлеживался неподалеку.

— К нам гость, уважаемый. Любимый ученик скоро войдет.

— Воля его. Не ложится, похоже, сердце не на месте.

Невидимка угукнул, помолчал.

— Скоро весна. Чую, проснется Он. Не боишься потерять преемника?

Тимучин дернулся. Глубокие морщины испещрили и без того древнее, сморщенное лицо шамана. На щеках расцвели красные пятна.

Конечно, он страшился мига, когда в душе неопытного шамана очнется древняя сила. Тем паче, когда предком был не безвольный и слабый дух, но яростный до безумия, плотоядный владыка.

— Бурхани, не грызи, сердешно прошу. Не всяко истина, что на языке мудреца. Поглядим, куда кривая выведет.

— Путь пути рознь. Но воля твоя: умолкаю и удаляюсь. Часть третья летописи дописана. Не запомнят поглядеть ошибки.

— Благодарствую, мстительный дух. Не нарадуюсь на тебя, — ласково попрощался глава и краем глаза заметил тень в дверном проеме. Повернувшись, он кивнул Мархи.

Стройный, молодой мужчина напомнил старого друга Асяя. Узкие черные глаза, орлиный профиль выдавали в нем породу шамана, а вот пепельные волосы и длинные ноги, напротив, намекали на славянские корни прародителей.

«Красавец, ничего не скажешь, кровь великих предков и будущих великих потомков», — подумал белый кам, когда ученик уже садился рядом на голые камни.

— Что это? — спросил парень, взглянув на бумажные стопки.

— Летопись — жизнеописания поколений путейцев. Решил побаловаться старушкой историей. Кхе-кхе. Как ты, сынок?

— Лучше, глава. Явился к духам предков, как ты им обещал накануне. Надобно поведать об одной встрече. Ведь вы так договаривались?

— Бат, войди! — крикнул Тимучин и секунду спустя в каменную обитель заглянул двухметровый шаман с крестоподобным шрамом на лице.

Шапка с рогами косули и длинный бежевый плащ делали из него персонажа японского анимэ. Если помечтать, то можно было вообразить, что он — брата Шрама из «Стального..» или, на худой конец, двоюродный племянник охотника Ди.

— Отбивай ритм мальчику. Предки хотят говорить с ним.

Полузверь-получеловек поклонился перед главным камом чуть ли не до земли и вынул из внутреннего кармана маску такого же песочного цвета, что и плащ. Надел. Присев и сняв со спины бубен, он прикрыл веки блеклых, серых глаз и ударил колотушкой в центр мембраны. Бубен запел. Из врат, соединявших два мира, выплыла лодка.

Густой туман не дал Мархи видеть, как движется посудина, но он знал, что пугаться причин нет: двойник Бата пребывал к хозяину не в образе коня, как его Бо, а был одиноким судном, переправляющим душу по реке безвременья.

Мархи обернулся на кама, покачал головой.

Неужели он выглядел также во время камлания? Страшное зрелище, пугающее. Слепой дьявол во плоти, не иначе.

— Поспеши, ученик. Духи здесь, я чую их, — послышался голос Тимучина, и Мар сел в лодку.

Река неспешно понесла суденышко в сторону врат.

За ними расстилались поля ковыля и чертополоха, которые едва двигались под ленивыми потоками воздуха. Цвели холмики красных хиганбан. Небо утопало в серой дымке и смущенно пряталось от незнакомых глаз живого гостя. На мягких подстилках из овечьей шерсти то здесь, то там восседали люди. Возраста хозяева были неопределенного, так как на каждом была надета прижизненная маска шамана и головной убор.

Мархи вышел на берег молочно-белой реки. Присел в позе лотоса перед одним из жителей храма, названного некогда Домом Духов. За ним последовал Асай. Молчаливый и незримый наверху, здесь, в своем мире, он больше походил на воина, чем на помощника кама. Накидка из волчьей шкуры неплохо скрывала субтильное тело и делала старика больше, могучей. Косицы седых волос спускались почти до бедер и утопали в кистях ковыли.

— Поведай нам о своих приключениях, милый друг, — женским голосом попросил дух в маске лисицы.

Мар помолчал, потом, будто решившись на прыжок с высокой скалы, рассказал древним шаманам о том, как со странниками возвращал удху, как парни спасали панголина, а он собирал ами людей, как на него напал безгранично сильный и прекрасный дракон. И, под конец, как узнал сквозь личину ие-кыла юную Клубничку, ее аромат.

— Души остались при тебе? Ты не согласился их отдать?

Шаман замахал руками и воскликнул:

— Конечно, нет! Жертвовать душами ради собственного спасения? Ни за что!

— Понятно, почему на небесах переполох, — почти грубо ответила шаманка-лиса.

Ее маска, которая веками носилась в загробном мире и оттого приросла к лицу, гневно скривилась.

— Что? — не понял Мар.

— Подвел ты братьев, Мархи, — гаркнул один голос со стороны. — Дракон —

старшая дочь верховного бога Востока Ата Улана, — нетерпеливо добавил другой.

Мар дернул головой, как это делают кони, отгоняя назойливых мух. В его голосе прозвучала расплавленная гневом сталь:

— Но это была Клубничка! Девочка из Сургуля, с Ольхона!

Настала тягучая тишина. Духи предков опустили лица-маски. Кто-то встал и начал прохаживаться, давая понять своей безучастностью, что разговор окончен. Лисица, сидевшая ближе всех, обратилась к потомку по ту сторону врат:

— Тимучин? Почему молчишь?

Ответа не пришло.

В разговор вступил Асай. Он, как истинный оборотень, редко вещал без потребности. Но сейчас надобность была и кроме него желающих рассказать правду среди мертвых и живых не нашлось.

— Тогда дело за мной.

Лисица вскочила и, взвизгнув, подбежала к Оциоле:

— Не надо. Ты слишком откровенен. Думаешь, это пойдет на пользу внуку? Пусть лучше Тимучин!

Асай оттолкнул руку шаманки и встал. Сквозь человеческие черты проявилась бурая морда зверя с острыми клыками и черными немигающими бусинами глаз.

Ие-кыла, вторая сущность шамана, рыкнула и сморщила нос так сильно, что верхние клыки открылись в полной красе.

Низкое небо обитатели духов угрожающе потемнело.

— Угомнитесь! Знайте свое место! — рявкнул Асай и как только заметил, что предки притихли, перешел к самому главному: поведал Мару секрет, который кроме него, Асая, Тимучина и этих нерадивых глав Пути не знала ни одна душа.

Клубничка, истинно, дочь Ата Улана и западной хаты Эдуген. Богиня земли и плодородия полюбила Восточного бога. И признавшись ему, отдалась всей бессмертной душой. Шло время. Вскорости Эдуген почуяла, что не нужна любимому, а его слова были прибрежным песком, унесенным волной в океан.

Враг отца — Мала тэнгри он остался таковым до конца. И даже самоотверженность хаты не изменила предначертанного рока.

Не в силах больше переносить обиду и позор, Эдуген спустилась с небес в Срединный мир, где родила дочь от совратителя. Здесь, на земле, шансов спасти малышку и Вселенные от гнева отца и злого возлюбленного бога было больше.

Но уберечь миры богиня не смогла. Мучительные роды иссушили ее мощь, и скрываться стало невыносимо. Наказав мне прятать дитя, богиня умерла.

Первый раз Ата Улан нашел нас на Земле. Там, в больнице я смог дать отпор и утаить кроху на Ольхоне. Второй раз тэнгри оказался хитрее и увел девочку из селения, о котором никто, кроме шаманов Пути, не знал.

То, что Клубничка в руках отца — страшно. Она — Свет и Тьма, Гармония и Хаос. Мощь ее сравнима с мощью Отца Небес. Кто ее получит, кому она доверится, тот будет править Всем.

Жаль, мы не смогли сохранить секрет. Если бы девочка не ведала, кто она...

— То до сих пор бы думала, что сирота. Так? И над ней до этой самой минуты издевались бы другие, взрослые и опытные шаманы? Неплохая участь для богини: стать домашним питомцем людей.

Асай, застыв, взглянул исподлобья на разъяренного внука. В черных глазах юного шамана сверкнули молнии негодования. Как? Как могли те, кто положил жизнь на алтарь служения богам, человечеству и духам, совершить такое? Как могли они держать в плену хату и считать это благом? Как могли ЛЮДИ сделать несчастным ребенка ради призрачной выгоды и вымышленных идей?!

— Таков Путь и мой выбор, Максим. Ничего не поделаешь.

— Как Ата Улан разыскал Клубничку на Ольхоне?

— По ее желанию. Как-то в разговоре Тимучин посетовал, что уже семь лет на острове камов не было новых учеников. Девочка со всей страстью пожелала, чтобы дедушка получил трех самых лучших учеников.

Мечту богини услышала судьба, и незамедлительно ее исполнила. Ата Улан же по всплеску знакомой ки узнал, где спрятана дочь и пришел за ней.

Мархи, сердце которого готово было вот-вот выпрыгнуть, резко поднялся. У него пропало всякое желание разговаривать с духами. Каждое слово, произнесенное дедом, отдавалось болью в груди. Червь горечи и одиночества вновь вгрызся в его израненную сульде, а доверие к собратьям растаяло, словно весенний снег.

— Она не хотела новых шаманов для Пути, она мечтала о друзьях. А вы этого не поняли.

Продолжать беседу не было смысла. Старики утомили Мара. Он вошел в лодку и приказал помощнику возвращаться в обиталище, привязанное к бедру шамана. Асай повиновался. Перед тем, как превратиться в туман, он участливо предупредил внука:

— Мархи, что-то надвигается. Демоны и Восточные боги собирают армию духов и украденных душ. Противостоять им может лишь Мала, но его не сыщешь.

После смерти Эдуген он не говорит с белыми. И где он — никто не знает.

Мархи выслушал речь и только тихо вздохнул. Впереди ожидало много препятствий, задания становились сложнее и опасней. Однако то, что Клубничка жива, грело надеждой на скорый исход. Каким бы и кем бы он ни был, старая дружба не угасала.

Если б Клубничка желала уничтожить шаманское сульде парня, она бы сделала это в ту секунду, как Мар отключился. Но чувство справедливости и верности себе не позволили молодой богине сжечь последнюю нить, соединяющую бессмертную сущность с человечностью.

Вера и надежда пока были живы. И это было хорошо.

Корабль дураков

Алхимик государственного управления быстрого реагирования Мицар торопливым шагом пересек последний рубеж между городом и болотом и устремился по отполированным мосткам квазигранита к озеру. Зеленая, смердящая протухшими яйцами и планетой жижа скоро закончилась. Появились первые зеленые стрелы камышового ольханника.

— Еще немного. Держись, — сказал он себе, но заметил, что хромата только усилилась. — Космолет тебя побери! Держись, беспечная свинья, — с трудом добавил он и зашагал быстрее.

Пушистые цветки ольханника расступились и Мицар, который помимо должности чиновника имел статус магистра науки, втянул влажную свежесть Манусара: единственного водоема в округе, где хватало кислорода для человека и животных, привезенных в колонию тридцать три года назад.

Присев у кромки воды, алхимик погрузил в нее руку и на секунду застыл. Тишина. Мирное жужжание насекомых. Плеск мелкой рыбешки. Какое же прекрасное, уникальное место хранила древняя, жестокая Сы с одноименным городом-столицей за его спиной. Еще пять или десять лет и их Школа науки сумела бы очистить этот мир от ядов, развить инфраструктуру настолько, чтобы любой гражданин мог позволить обзавестись собственным участком. Но... Увы.

Мечты останутся мечтами. А совсем скоро исчезнут вместе с последними обитателями искусственного рая.

— Да, сабж вам в уши! Не дождетесь! — крикнул Мицар своим же мыслям.

В центре его впалой, неразвитой груди внезапно похолодело.

Алхимик вытер липкий пот со лба, вытащил из форменной сумки на бедре колбу с розовой жидкостью и положил на глинистую почву у ног. Расстегнув молнию плаща, с большой осторожностью он выудил планшет и кусок черного камня. Расположил справа от себя.

Осколок скального происхождения был настолько темным, что впитывал почти весь свет, который попадал на острые грани. Из-за этой особенности он больше походил не на горную породу, а на черную дыру, внезапно спустившуюся на облюбованный человечеством шар.

— Три сердара азулита и семь — плутоновой розы. Должно сработать, — прошептал ученый муж с узким смуглым лицом и откупорил колбу.

Легкий дымок поднялся над стеклянной емкостью и пощекотал его острый, как наконечник стрелы, нос. Не в силах сдержаться, Мицар чихнул и ахнул от боли. Кровь из раны не перестала идти до сих пор.

Когда камень упал в розовую воду, раздался треск. Колба взорвалась и из нее разлилась желтая желеобразная жидкость. Поначалу она текла, будто лава из недр вулкана, собиралась в единую лужу, но постепенно остыла и превратилась в твердый металлический кусок, поблескивающий в лучах предзакатного солнца.

— Наука истинно творит чудеса. Слава ей, — с облегчением высказал Мицар, затем взял золото, добытое с помощью прикладной алхимии, и бросил в Манусар.

— Надеюсь, праотцы были правы. Дождусь, — шепнул мужчина и принялся

зашнуровывать медицинский корсет под плащом. Пятна крови на ткани стали ярче, и алхимик понял, что, несмотря на усилия дожить до рассвета, ему это вряд ли удастся.

Время текло, подобно медовой нуге, и никак не хотело ускориться. Здесь, на окраине галактики уже не совершались великие дела: не разрушалась материя, не создавались новые миры, поэтому размеренность и увядание неминуемо встречались на любой, даже малой ее частице.

Сегодня такой частицей стал Мицар. А завтра, по всем законам Вселенной, его место должен был занять иной, самый неожиданный объект мироздания.

Мархи не думал о сансаре и воздаянии, прыгая с самодельного мостка на Ольхоне, но невыносимая тоска и чувство несправедливости укрепили в нем веру, что происходящее вокруг — плод подлых поступков, которые совершали люди, духи и прочие сущности, обладающие мышлением.

Найти Клубничку и тысячу раз просить прощения за прошлые ошибки — вот цель, которой он грезил с тех пор, как узнал о старших камах и богах. Но вопреки собственным интересам, Мар не мог, не имел права покидать Ольхон и оставлять людей Срединных миров в беде. Такого проступка ему бы ни простили, да и он сам знал, что судьба живых и мертвых важнее его собственного стыда и гнева.

«Шаманство не терпит слабаков и эгоистов», — в последний раз перед погружением подумал молодой кам и нырнул в ледяную пучину озера.

Небо Сы встретило гостя мерцанием незнакомых созвездий и мертвой, настораживающей тишиной. Из-за ветвей растения, похожего на земной камыш, выглянула испуганная птица с четырьмя лапами, пару раз моргнула серыми, как предгрозовое море, глазками и шмыгнула обратно. Испугалась ли она или догадалась, что невиданный зверь не опасен, Мар не понял, но с успокоением осознал: опасности житель болот для него не представляет. Как и он для птицы.

— Где тут выбраться? — спросил гость у прибрежного безмолвия, так как больше беседовать было не с кем. И сам же ответил: — Разницы нет. Все равно извозюкаюсь по самые уши. Да, отличный мирок, ничего не скажешь. Безым, спасибо от души.

Почва водоема оказалась куда тверже, чем представлялась на первый взгляд. Песок попеременно с крупной галькой был устойчивым и теплым. Видимо, ночная прохлада не успевала дойти до глубины и лишь слегка понижала градус верхнего слоя воды, но не дна.

Выплыв на отмель, парень ступил на обтесанные временем и водяными потоками камни, достигающими на отдельных участках размеров бычьей головы, и без труда вышел на берег.

За дикими зарослями шел помост. Когда-то, на Земле Мархи видел такие сооружения. По ним, гордо покачивая узкими бедрами, вышагивали модели с павлиньими хвостами вместо юбок и дребеденью в волосах. Здесь «красавиц», к счастью, не наблюдалось, но подиум блистал не меньше: лоском и вкраплениями золотых прожилок.

Мархи вытащил из кармана, в котором до сих пор плескалась озерная вода, кусок золота и присел у ступени. Сравнил. Как ни странно, драгоценный металл в руке был как две капли воды подиумный.

Поморщившись, шаман встал.

Казалось удивительным, что богатый и, судя по всему, продвинутый мир искал помощи у нищих бродяг путейцев, и у Мара, как одного из них, в том числе.

Невероятно, но будто услышав мысли гостя, над помостом замигали и включились

десятки ламп. Сине-голубые огоньки повисли в воздухе на высоте в несколько метров и мерно закачались, словно от порывов неощутимого ветра. Меж светлячками растянулся едва заметный, полупрозрачный трос, созданный точно не из металла, а из какого-то токопроводящего, гибкого полимера.

Фонари левитировали.

— И куда меня приведете? Стоит вам доверять?

Синие шары качнулись и пару раз мигнули. Шаман глубоко вздохнул, вытащил из озеро рюкзак и проверил на бедре ремень ножен. Черная кожа пояса промокла насквозь, но держалась хорошо, поэтому потерять оружие рисков почти не было.

— Пойдем. Устройте экскурсию, как полагается добрым хозяевам, — с улыбкой обратился Мархи к забавным приборам и поднялся по ступеням на отполированную до блеска дорожку.

Докопаться, кто или что оберегало полотно, казалось неразрешимой задачей: в болотистой местности хватало пакостной мерзости и отмершей зелени, что могли ежесекундно замарать идеальный мир человечества.

Прошло не больше часа, как фонари вывели шамана из заболоченного района на пустырь, а потом в пригород огромного, многомиллионного сити. То, что полис такой большой, угадывалось по верхушкам центральных строений, расположенных в десятках километрах впереди. Неимоверно высокие, многоэтажные пирамиды из белого или прозрачного пластика были подсвечены лазерами небесно-голубой палитры и рекламой, льющейся непрерывным потоком прямо с граней архитектурных шедевров.

В райончике, куда попал Мар, таких громадин не наблюдалось, но то тут, то там попадались белые пирамидки обеспеченных частных домов и магазинчиков. Из растительности ему встречались пушистые пальмы с желтыми кистями шарообразных плодов и высоченные эвкалипты.

— Негусто, — констатировал Мар и спустился на лужайку перед очередной пирамидальной застройкой, похожей на жилище человека из фантастического фильма 21 века, коими он баловался на Земле еще в детстве. — Разведаем обстановку, пока ночь, — решил он и подошел ближе.

К большому сожалению, замысел остался замыслом: ни одного отверстия или окна кам не нашел. Ровная, совершенно гладкая поверхность заставила бы порадоваться своей идеальностью любого перфекциониста.

Негромко постучась в то, что можно было назвать стеной, Мар приложил руки к поверхности. Вибрации от ударов не было, ее впитал диковинный пластик. Звуков внутри не было так же.

— Лады. Дождусь утра. Выбора все равно никакого, — решил иноземец с Ольхона и снова взобрался на дорожку, которая привела его из болот.

Чем дальше Мархи уходил от точки перехода в мир Сы, тем чаще ему попадались многоярусные дороги и шоссе, сооруженные из такого же материала, что и тропа под ногами. Одни были развалистые, другие совсем узкие, буквально с метр шириной. Над головой расстелилась паутина подобных белых трасс.

Стерильной красоты, равной этой, шаман раньше не видел. Да, среди Срединных миров существовали развитые цивилизации, где люди давно перешагнули свое звериное начало и ушли так далеко от хомосапиеснов родины Мара, что ему невозможно было найти с ними общий язык. Однако здесь ощущалось нечто большее: то ли в воздухе витал дух свободы от

всего мирского и бренного, то ли на место телесных удовольствий у местных пришло эстетическое наслаждение от созерцания идеальной действительности.

В воздухе разлился аромат цветов и морского бриза. Палитра из синей превратилась в изумрудную, успокаивающую. Мар вошел в парковую часть.

Эвкалипты стройными рядами выстроились по краям огороженного участка, закрыв зеленую зону живого от рукотворной геометрии города. Кусты роз и звездноподобных бутонов, которых гость никогда не видел доселе, странно покосились и кое-где поникли от частых поливов.

Мархи подошел к лавочке, уютно устроенной в кубе из планок белоснежного полимера, присел.

— Черт! — рявкнул он тут же и вскочил.

Мало того, что сиденье было ледяным, так еще стояло под толстым слоем белой, глиноподобной пыли. Она тут же липла к повидавшим виды штанам и оставляла неприятные пятна.

Нахмурившись, кам провел пальцем по подлокотнику. Кожа превратилась в бледный отпечаток с кучей бороздок.

Странно. Такого он не ожидал. Почему в мире, где высокие технологии получили власть над всеми сферами жизни, даже над городским освещением, так безалаберно относятся к променадным местам?

Что-то не сходилось. И эта деталь, вроде не важная и малозначительная, встревожила Мархи больше, чем безжизненные пирамиды и полное отсутствие на улице людей.

До рассвета оставалось совсем немного. В отдалении, за центральными строениями небо окрасилось в нежно-розовый, и алый флаг на вершине гигантской пирамиды уютно примостился в середине красочного буйства, словно вывешенный специально встречать утреннее светило.

— А мы пока прикорнем, — вспомнил Мар любимую фразу Тимучина и вторя ей, протер скамью, чтобы прилечь и дождаться появления первых жителей.

Шум волн и беспокойных цикад вывел парня из сна. Ему показалось, что прошла секунда, на самом же деле времени утекло достаточно, чтобы на парковых дорожках появились утренние пташки — аборигены Сы.

Окинув взглядом оживленные сосуды из проезжих дорог, кам заметил, как многие из них поднимаются ввысь и нависают над парком, бесстрашно держа на себе жукообразные фуры в сотни тонн. Стекол в них не было, поэтому рассмотреть кого-то внутри иноземец не мог.

— То ли фильм ожил, то ли книга фантастики. Интересно «Мы» или «Я — робот»? У кого власть на планете?

— Доброе утро. Вам помочь? — послышался живой и вполне человеческий голос за спиной, и Мар, отвлекшись от футуромыслей, повернулся.

Тягучие, холодные слова приличия принадлежали коротышке с короткой стрижкой под ежик, в сером костюме.

Слегка наклонив облысевшую голову, он взглянул мимо Мара и улыбнулся одними губами. Кам равнодушно ответил:

— Пожалуй. Подскажите, уважаемый, где вы обычно обедаете?

Мужчина ненадолго задумался, потом пожал плечами и абсолютно механическим тоном бросил:

— Исключительно дома.

— Хм, — буркнул кам и почесал щетину.

— Господин, у вас припухлость под глазом. Может, пройдете в санитарную часть? — заинтересовался синяком смуглого здоровяка прохожий и поднял руку к его лицу.

Мархи отшатнулся и замахал пятернями так, чтобы горожанин не смог к нему прикоснуться. Странное поведение местного вывело шамана из равновесия. Быть может, для них нормально лапать людей, но он-то не из этой цивилизации. Пускай держат в руках себя, а не его части тела.

— Немного поспорили с товарищем. Ничего страшного. Вы, главное, не переживайте. Идите, куда шли. Время не ждет.

— Ах да, — согласился серый костюм, посмотрел на черный дисплей, висевший на груди.

Квадрат вспыхнул и показал семь полос.

— Еще увидимся.

Мархи улыбнулся и отсалютовал рукой, как бравый солдат неизвестных здесь войск.

Мужчина вышел на тропинку и деревянной походкой, с трудом сгибая ноги в коленях, пошел прочь. За ним потянулась приличная толпа точно таких же негнущихся людей разных возрастов и полов.

Последними шли две женщины.

Миловидные барышни с накаченными икрами повернулись к Мару. Одновременно кивнули. Их серые, словно затянутые поволокой глаза, безучастно скользнули по его высокой мужской фигуре.

«Пора бы сваливать. Только куда? Похоже, зомби успели захватить город», — неожиданно подумалось Мару, но он отдернул себя.

Мало ли что произошло, нельзя же сразу клеить ярлыки. Сначала надо разобраться и попытаться помочь.

Обогнув очередной карман с протухшим розарием, шаман скользнул за толпой и, чтобы не выделяться, свернул и спрятал в походный рюкзак меховую накидку и нож. Через полкилометра компания вышла из парка и повернула к огороженной проволокой зоне. Мархи отстал от остальных, скрылся за гранью ближайшей постройки и стал наблюдать.

Светлокожие дамы, по-видимому, в модных для их мира тюрбанах и масках из шелка появились из ближайших туалетобразных кабинок внутри зоны и направились к металлическим воротам. Открыв электронные замки с дисплеями, они указали новоприбывшим на транспортер. Лента затряслась и покатила через границу участков, подгоняемая самодельным мотором под ней.

Худой, как жердь, мужчина впереди вытащил из-за пазухи квадратные часы, пластиковый контейнер и поставил на транспортер. За ним последовали остальные. Запасы их ничем не отличались от тех, что выложил первый. Только у дам помимо контейнеров были шарики алого или лилового цвета.

«Помада», — решил Мар и присел на корточки, чтобы не привлекать внимание невероятно высоким ростом.

Пройдя за ворота, люди схватили свое скудное имущество и двинулись дальше. Мужчины и мальчики — к куполообразным зданиям из металла, женщины — в ангары из идеально белого полимера, схожего с тем, что применялся в постройке городских пирамид и шоссе.

— Исин га рун! — выкрикнула одна из охранниц, когда Мар подошел к транспортеру вместе с очередной партией рабочих.

— Что? Не понял, — удивился кам, которому при инициации передан дар двойников понимать и вести беседы с любым существом из любого мира.

— Ты не пройдешь! — повторила она, опустив шифоновый платок с нижней части лица. — Не пройдешь! Понял?

Головы людей резко повернулись к Мару. Мутные, с поволокой глаза уставились на чужака. Послышался рык, и лица людей начала искажать маска ярости.

«Зря я убрал нож», — тут же посетовал шаман, но вслух произнес:

— Понял. Ухожу.

Ноги несли парня по вымокшей земле с невероятной скоростью, пока звероподобные рыки не перестали доходить до него.

Между резных, декоративных оград на холме затесались пару лавок, и Мар решил остановиться здесь. С возвышенности открывался отличный вид на закрытый участок и почти не проглядывались остальные людные места. Безопасность и тишина были плюсами для одинокого воина.

Временное убежище помогло шаману прийти в себя, отдышаться. Без лишней суеты мозг снова заработал на полную. И тут же к каму пришел единственный логичный вывод: секрет горожан кроется за воротами внизу. Захотелось скрыться на Ольхоне, соврав Безыму, что задание выполнено, но червь совести и духи не позволили бы ему сбежать.

— Ночью пойдем на разведку. — Заверил он деда.

Тот промолчал.

— Не гляди на меня так. Уже не болит, — раздраженно бросил потомок неразговорчивому и невидимому остальным человеку и потрогал припухлость под глазом.

Буквально вчера Мархи, разъяренный бездействием Пути, бросился на Безыма. Он кричал, что тот также, как и старый глава, виноват в краже Клубнички, размахивал кулаками. И получил. Огромной ручищей по губе. А потом — с разворотом в глаз.

Сегодня же, когда спесь сошла, и долг позвал Мархи в путь на Сы, он пристыженно вошел в юрту к учителю и попросил прощения.

— Пустое. Северный брат гораздо умнее и истина на его стороне. Ты прав, Мар, мы состряпали худых дел столько, что разгребать будут поколения шаманов. Но былого не воротишь, горевать нет времени. Сейчас у нас есть дела поважнее, чем мериться силушками. Согласен?

Молодой кам кивнул и, пожившись, будто от озноба, согласился. С наступлением весенних дней, его все чаще одолевала хворь. Совсем как тогда, когда он, одиннадцатилетний малец, учуял приближение перерождения. То жар разливался под кожей и заставлял мужчину снимать меха на ледяном ветру, то в голове стучали мощные потоки крови.

— Честно, не болит, — еще раз повторил Мар и присел на холодную скамью.

Ждать до сумерек оставалось недолго. Благо планета была гораздо меньше Земли и совершала круг всего лишь за тринадцать часов.

В животе заурчало. Мархи поморщился, вытащил из сумки кусок вяленой оленины и, разжевав, прилег.

«Вечер утра мудренее, так? Видимо, здесь, да», — решил он и закрыл покрасневшие глаза.

Тьма наступила быстро, незаметно, заиграв незнакомыми звездными россыпями по небу Сы. Мархи поднял взгляд на хвостатую комету, метнувшуюся к горизонту, и улыбнулся. Где-то в недрах рюкзака таился потертый альбом, в котором на двадцать пятой странице хранилась нарисованная копия этой умирающей частицы космоса.

— Опять угадал, — шепнул Мар и приподнялся с искусственного камня.

У ограды не было ни души, когда шаман, словно шпион, подкрался к ее воротам. Колючей проволоки и других дополнительных средств ограждения он не заметил, поэтому резво подтянулся на сильных руках, перекинул через сетку одну ногу, вторую и почти неслышно прыгнул на скользкую от влаги почву по ту сторону.

У транспортера что-то зашуршало и кинулось со всех ног в ближайшие кусты. Мархи с трудом поймал взглядом образ многопалой пары птичьих ног, шмыгнувших в тень. Хотелось чертыхнуться, но он сдержался и лишь опустил глаза на землю, чтобы проследить за дорожкой, идущей от центральных ворот.

Она вела к обитому металлом куполу.

На этот раз распознать вход получилось лучше, чем в предыдущий. Перед ним была не идеальная по всем канонам геометрии пирамида, а кособокое полукруглое строение из проржавевших листов. Оно имело стандартную дверь с подвижной ручкой и хлипкими петлями.

Провернув пару раз и дернув рычаг, мужчина без труда вошел в просторное помещение и прислонил распахнутое дверное полотно к стене.

В центре отсеченной сферы под лучами прожекторов стоял ячеистый пьедестал. В его углублениях располагалось сотня, а то и больше, капсул размером в человеческий рост. И каждая яйцеподобная капсула была заполнена мутной жидкостью с плавающим внутри гуманоидом.

Пристроившись так, чтобы его не заметила охрана, Мар присел на корточки и вытащил из рюкзака бубен, черную свечу со спичками, уложенными в непромокаемый полиэтилен, и колотушку. От воска запахло ладаном и приторно-горьким ароматом полыни. Что ни говори, а маленькие подарки сибирских шаманок не раз выручали, когда переход должен был состояться как можно скорее, а сил на него у парня не хватало.

Струйка дыма тонкой нитью поднялась к потолку полусферы и скрутилась в спираль, как только Мархи поджег свечу. Втянув знакомый букет, он расслабился и ударил колотушкой по мембране. Черные глаза закатились в экстазе и тонкое бестелесное создание, сотканное из света, ступило из него на бетон пола.

Бо довольно фыркнул, выглядывая из-за капсул. Безглазая морда смешно расплылась в выпуклом стекле с жижей.

— Здорово, красавчик. Прокатишь с ветерком? — рассмеялся Мар, тело которого все также сидело в позе лотоса и медленно, механически постукивало в бубен.

Конь мотнул мордой и нетерпеливо заржал. Молодой и горячий, он любил приключения и всегда был готов к путешествиям с хозяином. Иначе какой из него двойник?

«Раз поклялся в верности, будучи живым, так обязан сдержать слово после смерти», — рассудил Бо, пока Мархи взбирался на его широкую спину.

Мир завибрировал и пошел рябью. Вместо обычного при переходе тумана появилась овальная линза. В центре ее возникла прозрачная волна. Она нарастала, набирала скорость, все больше искажая реальность, пока не разлетелась по округе треском тысячей цикад.

Мир рассыпался осколками. И Мар вновь оказался у исходной точки: при сплетении

Вселенных Ольхона и Сы.

— Где тут выбраться? — повторил он свой первый вопрос на планете и тут же услышал шелест берегов. — Птица. Уже знакомы, — раздраженно выдавил он и, сделав пару размашистых движений батерфляем, подплыл к отмели.

На этот раз выходил из воды шаман без приключений и почти не измазал самодельные штаны, сшитые когда-то Амбросией. Рюкзак был легче, чем в Срединном мире и Мар понял: в нем не хватает важной детали — бубна. В Нижнем мире двойник превратился в коня, и вещь ему быть не полагалось. Только, как назло, животное Бо тоже потерялось.

— Видать, ищет собратьев или гоняет местных сорок. Пусть порезвится. Сколько можно сидеть в заточении? — сочувственно решил кам и поднялся на знакомую дорогу с вкраплениями синтетического золота.

До первых пирамид шаман добрался быстрее, чем раньше. Фонари все так же безучастно подмигивали гостю, но казались ярче и живее. Нет, истинной жизни в них не вмещалось, но, видимо, они столько повидали на своем веку, что ненароком впитали часть духовной энергии горожан.

— Куда дальше? — обратился Мар к искусственному светлячку над головой.

Фонарь дернулся, игриво покачался из стороны в сторону и потух. Его примеру последовали другие шары, и совсем скоро Мархи очутился в полной темноте. Перед домом-пирамидой фантастического пригорода, как и в реальности. Из нутра пирамиды разливался приглушенный теплый свет, словно хозяева зажгли ребенку маленький ночник. Всмотревшись, кам увидел трех человек, сидящих за овальным столом.

Фигуры не двигались. Их сердца пульсировали ровным свечением.

Именно этот источник уловил Мар через прозрачные, бездушные стены. Именно он потушил фонари, чтобы завлечь и умолять о помощи молодого шамана.

Вдруг свет потух, и тела заволокла черная, как смоль, дымка, поднявшаяся из-под земли. Хмурое Ничто задергалось в конвульсиях, затанцевало над головами жертв и втянулось сквозь носовые отверстия в людей. Они не шевельнулись. Лишь самая маленькая фигурка, по-видимому девочка, дернула ножкой, все еще сражаясь с незванным захватчиком.

Мар повернул голову, огляделся и ахнул. Весь город кишел подземным смрадом. Злорадным, агатовым веществом, затмевающим звезды и небесный свод.

Лицо кама потемнело. В глазах блеснула тревога.

Так вот значит что: мир людей поймали в тиски, поработили духи планеты, древние как сама земная твердь. Некогда они подчинили природу, а сейчас лакомятся силой разумных существ.

«Силой незваных чужаков», — пронеслось в голове Мара. Отчего он ругнулся и стремглав помчался к закрытой зоне, где совсем недавно оставил свое тело.

Ячейки ничуть не изменились в Нижнем мире и все также поддерживали ряды мутных капсул. В глубине механизма платформы что-то жужжало и постукивало. Видимо, аппарат, собранный наспех из застарелых деталей, едва мог осилить ту энергию, которая размеренно текла в его недрах.

Вдалеке, на галерке конструкции звякнуло и покатилося нечто маленькое и металлическое. То ли гайка отлетела и ударилась о купол стен, то ли кто-то испуганно уронил минидеталь. Мар, гибкий, как кошка, проскользнул мимо десятка искусственных яиц и вышел к последнему ряду. Совсем близко справа он уловил движение и резко повернулся туда лицом.

Глаза.

Из мутной жижи болотного цвета на него смотрели два выпученных рыбьих глаза. Длинные конечности перебирали склизкую жидкость и пытались ухватиться за несуществующие углы.

Существо беззвучно вскрикнуло и еще сильнее забарахталось в капсуле. Увидев рядом волосатого гуманоида, оно испугалось. Синие прожилки кровяной системы надулись от потуг.

Стекло капсулы не выдержало, треснуло. Из нее хлынул бульон вместе с бледной, исхудавшей изюминкой, столько лет пролежавшей в своей колыбели, пока не пришел человек.

Почему лет?

Да, потому что невозможно было протухнуть так быстро за здешние месяцы. Только за годы или даже десятилетия.

— Ты кто? — крикнул Мархи, вставая в позу борца и готовясь к нападению.

Длиннопалый попытался вздохнуть. В его узкой груди забулькали прогнившие остатки жидкости. Слегка покачнувшись, он сел и прижал нижние конечности к впалому животу. Судя по всему, силы оставили исхудавшее тело, и только настороженность к незнакомцу заставляла его держаться бойко и даже агрессивно.

Мужчина подкрался ближе и вдруг услышал знакомое рычание. По спине пробежал холодок.

— Кто ты, спрашиваю?! Лучше сказать, пока я не позвал амагята.

Существо поежилось, защелкав мощными челюстями, по-собачьи выдающимися вперед. Сначала из его рта прозвучало подобие карканья вороны, но постепенно звук сложился в удобоваримую человеческую речь.

— Водяной, который умер сотню лет назад, но еще не родился в сегодняшнем дне, — пробубнил дух и прислонился лысой головой к остаткам капсулы.

Услышав это, Мархи поморщился, как от удара. Не нравилось ему то, что происходило в Нижнем мире. Слишком странным и нелогичным казалась встреча с пленником капсулы.

Разумный зверь отличался от тварей, к которым шаман привык, находясь на службе в Пути. Водяные из Срединного мира были покладисты и без труда справлялись с водной стихией. Их нрав, созревший на непроходимых топях в укромных уголках планет, нельзя было назвать жестоким или хищным. А уж рычание... Никогда не стояло на вооружении даже самых гневливых особ.

— Я знаю водяных. Ты на них непохож, — решительно бросил Мар и встал в полный рост.

Опасаться духа, который развалился на посеревшем от влаги полу, теперь не имело смысла. Слишком болезненным и усталым был он сейчас, слишком быстро пошел на уступки при словах об амагяте.

— Я создан из останков телесной души прежнего водяного, который жил на Сы до прилета людей. Во мне столько же настоящего, сколько и выдуманного в лабораториях, — грустно поведал гуманоид и чуть оживлённее добавил: — Возьми мои пальцы и сам все увидишь.

Шаман не сопротивлялся. Раз водяной пошел на уступки и заговорил с посланником мира живых, человеку надлежало покорно слушать и пытаться понять несчастного духа.

— Согласен. Но... — начал Мар, потянувшись к покрытым слизью рукам существа.

И тут же умолк. Как только его указательный палец дотронулся до кожи призрака, мир рассыпался.

Бесконечное болото с лесом кривых коряг посередине кипело газами, то и дело взрываясь фонтанами углеводорода. Светлячки цвета лазури и стрекозы с приличной воздушный шар терпеливо кружили над мутной водой. В низком небе клубились облака.

Было тепло и влажно.

«Сы до людей», — догадался Мар и шагнул с пригорка в заполненную водой низину.

Ноги ушли выше колен, но шаман знал, что не утонет. Здесь у кромки мертвого леса топей нет, только твердые корни и тина.

Из-под воды на него блеснули два глаза-фонарика и резко ушли в сторону, будто их хозяин, испугавшись, спрятался в тени. Желтые, с белым отливом, они походили на золотые монеты.

— Водяной? Ты? — тихо спросил Мар. — Я не обижу.

Глаза появились вновь и сузились, словно от широкой улыбки или оскала. Из воды показалась тонкая детская ручка в чешуе. Поиграв перепончатыми пальчиками и протанцевав несколько кругов над поверхностью болота, она вновь спряталась в глубине.

Мар улыбнулся и хотел снова заговорить, как увидел над головой нечто бело-голубое. Резко подняв глаза, он уставился на искусственную комету, со свистом несущуюся к земле. Огненный столб разгорался все ярче, пока двигатели спускаемого аппарата ни остановили движение, и пирамида ни зависла чуть ниже слоя облаков.

— Колонисты? — пронеслось в голове кама.

— Да, — ответил некто из пучины.

Взрывы и визг затмили пространство и заставили Мара кинуться за ближайший куст. Воды стало меньше, а кое-где проглядывали опушки, плодородной почвы с ковром из земляники и папоротника.

Запах гари ударил в нос. Парень закашлялся.

— Что, черт подери, творится? — захрипел он и выглянул из-за укрытия.

Справа ближе к палаточным пирамидам, установленным на импровизированных мостках, разыгралась нешуточная битва.

С десятков солдат в доспехах из белого блестящего полимера, со светящимися жезлами в руках кромсали чернокожих водяных. Лазеры или нечто подобное, словно масло, резали плоть обитателей Сы, заставляли их захлебываться собственной кровью.

Крошечная водяница, ростом не выше шестилетнего человеческого ребенка, зарычала рядом с Маром, выскочила из их общего укрытия и побежала к собратьям. Глазки-фонарики сверкнули яростью, непониманием и резко потухли, когда один из лучей прожег в шею малютки огромную дыру.

— Война за территории? — выдохнул Мар и попытался сглотнуть ком в горле.

— Опять прав, — шепнул детский голосок.

Своды пещеры заиграли огненными всполохами масляных ламп. Тьма постепенно разошлась, уступая место свету, и шаман увидел, как на нижнем ярусе грота стоят сотни водяных. Старые и обессиленные привалились к камням, молодые и горячие размахивают руками или яростно рычат друг на друга.

— Сдадимся! — кричит высокий красавец, похожий на черную игуану. — Нам обещали землю и свободу!

Ему поддакивает часть водяных.

Второй корчится в бешенстве, бьет оппонента по лицу.

— Не будет ничего. Разве вы, глупцы, не понимаете — это ловушка!

Картинка мерцает, и лампы неожиданно гаснут.

— Накануне истребления? — спросил Мар у пустоты, и она отозвалась поникшим:

— Да.

Рука водяного безвольно упала на холодный пол и Мар, наконец, очнулся. Теперь-то он понял, кто перед ним, и что произошло тогда, при прибытии на Сы людских отрядов.

Истребление, бездушное и жестокое, пришло на смену болотам и гармонии. Из Сы сделали новый мир, удобный и пригодный для жизни людей, и мертвый для водяных. Вместе с цивилизацией колонисты привели подругу-смерть и уничтожили первобытную красоту, в которой обитали сотни, а то и тысячи родных для планеты существ.

— Я был из тех, кто желал свободы и не хотел войны. Поэтому моя душа, как и их, осталась чиста, — водяной указал на помост с колбами. — Остальные же превратились в демонов, — добавил он с горечью.

Мархи кивнул.

— Демонам помогли: наделили силой, и они завладели телами людей?

На этот раз кивнул водяной.

— Да. Была сделка: водяные с черными душами получают благословение от богов и возрождают цивилизацию, но за это верою и правдою до конца времен служат Восточным тэнгри.

— Резонный обмен. Согласен?

Пальцы Мархи нашли на поясе флягу, и он протянул живительную влагу разумному ящеру Сы.

— Спасибо, кам. Но мы ведь оба знаем, что это не поможет. Исцелить разбитое триединство нельзя, когда одна из душ затерялась в безвременье. Пустое.

— А как же вы сможете жить в Срединном мире? Без сунесу? Тела?

Водяной медленно встал, облокотившись слабыми чреслами о колбу товарища. В его рыбьих глазах застыла тоска и обреченность.

— Мы — заложники демонов: уроды, которых заставляют жить, загружая в искусственные тела. А мы хотим только одного — покоя.

«Покоя» прозвучало совсем не так, как остальные слова. Сквозь личину взрослой особи на миг проявилось юное личико желтоглазой девочки, и низкий голос превратился в детский фальцет.

— Как вас успокоить? — спросил шаман у духа, заранее зная ответ.

— Убей, — попросила маленькая водяница. — Нам больно.

Помедлив, Мархи внимательно посмотрел в добрые, безвинные глаза крохи, прячущейся под маской белокожего чучела, и понимающе улыбнулся:

— Я попрошу у предков места в шаманском храме. Мы будем приносить подношения и молить богов о вашем возрождении в мире живых. Не водяными, но все же... Бо! — призвал Мархи коня, окончив речь, и как только тот вынырнул из черноты постройки, взобрался на его покатую спину.

— Увидимся, — отсалютовал кам и рассеялся белым дымом.

Срединный мир ждал освободителя. И дождался.

Жужжание в пьедестале усиливалось. Горячие воздушные потоки из щелей подножия хлестали по ногам Мара и заставляли обходить ячейки почти у самых стен. Дернув за шнур,

торчащий из металлического короба, парень услышал, как посыпались зажимы.

Короб затрещал, полетели искры.

Потянув снова черный провод, шаман заметил, что тот начал растягиваться, словно резиновый, и совсем скоро показались огрызки вырванных из генератора концов.

— Никогда не думал, что скажу это, но рад, что за вами пришла смерть. Иногда быть духом куда лучше, чем живым.

Слова Мархи были услышаны и ржавая платформа, по которым текла энергия в неродившихся водяных, звякнув, накренилась. Ячейки, толкая друг друга, посыпались на бетонный пол.

В одной самой далекой, в тени, что-то двинулось и бледная морда беззубо растянута губы в подобие улыбки. Маленькое, неразвитое существо, мутант с кривыми конечностями пару раз взмахнул конечностями и испустил дух. Тело скрючилось.

Дзынь.... Пш-ш-ш... Дзынь... Пш-ш-ш... Прощались разбивающиеся инкубаторы. Из них вываливались гуманоиды и тут же, корчась в агонии, уходили вслед за собратьями. Туда, где вечный покой. Туда, где больше не будет мук и страданий.

Из темного проема, с улицы показались лица женщин, перевязанных платками, и тут же снова растворились во мраке. Зазвучала сирена. До Мара дошло, что здесь в Срединном мире Бо не унесет его от проблем и справляться с зараженными демонами ему придется в одиночку.

Все бы ничего, только с одним кинжалом прорваться сквозь многотысячную толпу не так-то просто. Или просто?

Супермен же смог.

ТЬфу... Что за мысли! И почему так жарко? Генератор-то не работает.

Мархи обвел взглядом помещение, вытер рукавом пот со лба. Вокруг лежали осколки стекла, скукоженные мутанты и непроглядная тьма периферий купола.

Нет ни намека на обогреватель. Или это люди включили за стенами тепловую пушку, чтобы сжечь чужака?

Обернувшись и потрогав металл, кам убедился, что это не так.

— Да, что ж такое! Я тут сгорю! — возмутился он, не в силах сдержать вылетающие из горла слова.

С каждой секундой кожа не нем распалась сильнее, от волос повеяло запахом опаленного пороса.

— А-а-а! — заревел Мар. — Улуни? Что?!

Улунхан нервно хохотнул прямо в ухо своему шаману, отчего тот испуганно затряс головой и замахал кулаками, чтобы хоть раз вломить наглому амагяту.

— Чего ржешь?

— Дык, почему бы и нет? Наступила весна, Мархи. Просыпается ие-кыла. Ничего странного и страшного.

— Ах, — выдохнул молодой шаман и, зажмурившись, упал на колени.

— Зверь чует добычу, решил полакомиться демонами. Когда ты его в последний раз кормил?

Мархи отрицательно замотал головой и безвольно упал на спину. В глазах резко потемнело.

Амагят подытожил:

— Никогда-а-а. А белый властелин голоден. Очень.

Портрет человека в красном тюрбане

Первая группа людей вошла в черноту сферического инкубатора, когда стоны пришедшего шамана стихли. Видеть обстановку они могли без лампы: демоны, прижившиеся внутри их сердец, давали способности, которыми не обладали обычные хомо.

Женщины, молодые и перевалившие возрастом за шестьдесят, расступились, чтобы мужские фигуры смогли протиснуться вперед них. Только некоторые из воинственных красавиц остались недвижимы и хищно наблюдали за кривлянием незнакомца.

Раздалось привычное для Сы-водяных шипение. Голосовые связки, неплохо разработанные человеческими существами до демонического вторжения, сыграли на славу. Негромкое «ш-ш-ш» перешло в вой и посвистывание, затем разразилось рыками, галдежом языка.

— Подними ему голову и перережь глотку, — злобно прошипел демон в теле гибкого, накаченного человека.

— Вырви сердце, — посоветовала, проглотив слюну, дама в белом костюме с шифоновой маской на лице.

Пятидесятилетний мужчина пожал плечами и осторожно присел рядом с упавшим шаманом. Его лысая голова дернулась, когда он сжал рубаху Мара и секунду спустя рванул ее на себя. Глаза блеснули светом затухающего фонаря.

— Гнусная тварь, ты заплатишься за смерти братьев, — выпалил демон на местном наречии, уверенный, что убийца его не поймет, и толкнул в плечо.

Губы Мархи медленно поползли вверх и тонкая, словно бритва, улыбка легла под кровавой пеной, сочившейся из их уголков.

— Есть... Черное мясо... — прохрипел он и открыл хитрые, раскосые глаза.

Дикарь. Истинный дикарь проснулся внутри кама и теперь, движимый зовом древних тэнгри, вырвался наружу, заполнив каждую клетку невиданной ранее силой.

Мигнула вспышка. Кто-то из толпы за стеной попытался включить фонарик и этот свет осколком проник внутрь.

— Выключи! — бросил мужчина, который понял, что сражаться с незнакомцем лучше в темноте.

Махнул рукой.

Затем посмотрел на демонессу рядом:

— Передай, чтоб не зажигали огней.

— Да, — согласилась она и уже хотела повернуться, чтобы приказать, но внезапно застыла. — Он, он... — начала водяница и, задохнувшись от неожиданности, умолкла.

Буро-алые зрачки врага надменно наблюдали за нависшим над ними мужчиной, рот устрашающе скалился. Вместо десятка жемчужин обычных зубов сквозь плоть губ проглядывали острые клыки.

— Что? — нетерпеливо буркнул демон подруге, все еще не отводя от нее взгляда.

Водяница ахнула и отшатнулась. Мар незамедлительно, чтобы не терять время и не упустить шанс, впился в плечо одержимого.

— Еда-а-а! — заревел он жадно на местном наречии, как только челюсти его вгрызлись в мышцы и сухожилия жертвы.

Мужчина осел, затем начал биться в предсмертной агонии, словно укус был фатальным.

Основание шеи и ключица его были раздроблены в кашу, дух внутри почти перестал контролировать разум. Но жизнь все еще теплилась в пучинах безумства, мозг желал функционировать.

Женщина рядом пискнула и с невиданным ранее рвением попыталась раздвинуть нахлынувшую толпу. Убраться отсюда теперь было важнее мести: помимо телесных ран, зверь шамана мог расправиться с демоном внутри. А это было страшно. Жутко для злобного водяного, кошмарно для человека.

— Помогите! — умоляли ее глаза под маской. — Спасите, — кривились губы с потекшей помадой.

Качок в рубахе и парочка ребятишек, которые по неосторожности вышли на передовую, подбежали к раненному собрату и стали вытягивать его из рук шамана. С их волнистых волос закапали пот и роса. Слишком жарко было внутри и собралось столько народу, что кислорода почти не осталось.

Шаман прыжком поднялся на ноги, рыкнул и, размахнувшись, ударил раскрытой ладонью по спасателям один, второй раз. Дети отлетели в толпу, смягчившую падение, и на коленях уползли подальше от боя. Демон в теле двухметрового красавца пострадал сильнее: в полете он так приложился о стену, что кровь и осколки черепа разметались на погнутом от удара металле гадкой кляксой.

Толпа попятилась, но не перестала шипеть и корчить устрашающие мины. Злобные духи внутри требовали мести, а люди не в силах сопротивляться этому голосу внутри себя повиновались.

Болотный фонарь, который неотступно сопровождал Мархи всю дорогу по городу, словно почуял свою важность, и не спеша, деловито присоединился к внутреннему освещению. Он светлячком надежды заморгал над головами людей, давая шанс противникам рассмотреть и оценить мощь друг друга.

При каждой вспышке голубого света стали всплывать образы духов. Сквозь человеческие силуэты вырвались черные фигуры скрюченных, длиннопалых водяных, проклятых некогда из-за собственной жажды мести. Тень могучего шамана затмило белоснежное зверье из меха, когтей и зорких карих глаз.

Свет потух. Духи пропали. С новым взрывом искусственного солнца все повторилось.

На этот раз белый медведь не медлил, он заревел и ринулся на зараженных людей, подобно лавине. Хватал без разбору всякого и вырывал из него черные тени безумцев. Пожирал.

Люди, кто мог сопротивляться или был чуть дальше остальных, кричали, пятились. Умоляли пощадить. Единицы в панике стали прыгать на братьев, валить на пол, а потом бездумно лезть на свободу через упавших.

Свободные от хозяев, те, которых ие-кыла спас из многодневного рабства, еще не веря своим ощущениям, отползали к стенам и, закрыв воспаленные глаза, молились, уткнувшись лицами в собственные колени. Почти полная нагота, голод и слабость волновали немногих.

А медведь продолжал расправу. Каждое мгновение было на счету, и он знал это как никто другой. Век хранителя в Срединном мире недолог, демонические отродья хоть и слабы, но могут причинить боль мальчишке, чьим отражением Я стал белый властитель.

Сквозь безумие и невообразимые вопли неожиданно раздался свист. Звук не был настолько силен, чтобы перекрыть общий фон, но сдержанная мощь имела в нем точно: кто-то давно наблюдал за разборкой и в самый трагичный момент решил вмешаться. Ибо

взрослый всегда знает, когда игра детворы зашла в тупик.

Демоны остановились. Позабыв, как секундой назад с остервенением сопротивлялись нападкам зверюги, они, как один, повалились на колени. Знак уважения или приказ, что-то заставило их подчиниться. Ие-кыла поднял взгляд с фигурок и резко отпрянул назад.

Два огненно-рыжих пса летели на него, оскалив зубастые пасти. Меж рядов костных лезвий валил пар, на мордах красовались следы минувших битв.

Медведь раздраженно мотнул головой: сдаваться демоническим волкодавам он не собирався. Не здесь и не этим прихвостням Восточных тэнгри.

Псы приземлились у ног хранителя, присели для нового прыжка. Медведь не двинулся. Хозяин вновь свистнул, стоя далеко позади. И четырехлапые демоны стрелой взметнулись на грудь добычи.

Пришла очередь белому властителю показать свою прыть, чем он незамедлительно занялся. Едва задние лапы собак оторвались от пола, как медведь разинул пасть и поймал за шею одного из нападавших в безжалостные тиски. Гигантской левой лапой он зацепил бочину другого и с силой метнул в стену. Раздался скрежет. Тело пса, отправленного в полет, расплющило до костей на том же месте, где ранее пострадал бойкий водяной.

Рыжая псина, пойманная за глотку, пискнула, закатила глаза и издохла вслед за братом-близнецом. В ее боли не было сожаления, последние секунды окрасились пустотой. Раболепная тварь не имела ами, отчего смерть ее не оставила даже пепла горести ни в одной сотканной богами душе.

На светлый круг под самый фонарь ступила, наконец, нога в высоком черном сапоге. Красная чалма выплыла следом из тьмы и затряслась от мерзкого хихиканья владельца.

Хозяин клыкастой пары поправил полы бархатного халата, вышитого по краям золотой нитью. Поднял голову, чтобы его могли рассмотреть противники и рабы. Ибо скрываться теперь он считал дурным тоном.

— Ай да встреча! Солнца тебе, внук нагваля.

Внук не ответил.

У медведя, который проснулся вместо мальчишки, неожиданно защипало в глазах, и он заморгал что есть мочи. Присев на задние лапы, ие-кыла оглядел человека. Вопросительно рыкнул. Мархи спал, поэтому спросить его помощника Асая, кто из богов прибыл, дух не мог.

Приходилось домысливать самому.

Внешности бог был заурядной: средних лет, высокий и худощавый, он выглядел уверенным в себе, даже безмятежным.

Тонкие брови, острый нос и узкие нити губ создавали удивительную геометрию лица. Ничего, абсолютно ничего выразительного и запоминающегося. Только глаза, чистый оникс, блестели насмешкой и превосходством:

— Подойти ближе, старый хранитель-баавгай?

Медведь вновь зарычал. Бесстрашие человека в красном тюрбане его разозлило. Неужто он, повидавший тысячи смертей властитель, стал настолько немощен и смешон?

— Отец, это мой товарищ с Сургуля. Не убивай, — прозвучал мелодичный девичий голосок позади мужчины и отвлек ие-кыла от яростных мыслей.

В светлое пятно вышла невысокая девушка в шляпе из ковбойского вестерна и добавила уже резче:

— Я успокою его.

Бледнокожий приобнял напарницу за плечи, нежно погладил, кивнул. То ли гордость, то ли самодовольство промелькнуло на его маскоподобном лице. Отпустив девушку, он нырнул в тень.

— Мархи, дружок, прекращай буянить, — медово промурчала незнакомка и медленно, почти не касаясь пыльного бетона мягкими сапожками из замши, приблизилась к застывшему хранителю. — П-помнишь меня? — продолжила девушка, как только расстояние между ней и медведем сократилось до нескольких шагов.

Алая маска на ее личике пошла складками от прячущейся под ней улыбки.

— Помнишь рыжую соплю с Ольхона, а?

Зверь не ответил. Человеческую речь в минуты горячки он понимал с трудом. Только чувства кама прорывались сквозь стену, отгородившую мысли двух существ, слитых воедино.

Внутри было больно. Там, где пряталась душа Мара, что-то надрывно кричало и звало, молило о помощи, но дух не давал двинуться с места. Он был главным сейчас.

Девушка подняла ножку и осторожно опустила носок совсем рядом с грозной тушей.

— Мар, ты мне нужен, — шепнула она и бесстрашно подняла ладонь к груди ие-кыла.

Животное будто ударили током: как он позволил человеку подойти? Кто он на самом деле: смиренный олень, которого ведут жертвой в лес, или хозяин этого леса?

Карие глаза налились кровью и, не дожидаясь пока поднятая рука ляжет на его шерсть, зверь молниеносно схватил хрупкое плечо и предплечье девушки в острые тиски.

— А-а-а! — закричала незнакомка.

Отстраняясь как можно дальше, она принялась стучать кулачком по мокрому носу белого медведя. Но тщетно. Ие-кыла дернул мордой, отчего марионетка в его зубах подлетела вверх. Взвизгнула. Песочная шляпа слетела с головы и приземлилась недалеко от места, где стоял человек в тюрбане.

Рыжая волна непокорных волос жертвы разметалась в стороны, заиграла огненными всполохами среди тьмы, и медведю показалось на миг, что перед ним не живая, смертная душа, а воплощение пламенного божества. Однако даже это не позволило ему бросить кровавое дело, и он продолжил вгрызаться в плоть.

— А-а-а! — снова воскликнула красавица и закатила изумрудные глаза.

Мархи, услышав крик, вынырнул из пучины борьбы с собой и неожиданно проснулся. Сквозь взгляд медведя он увидел, как девушка, так похожая на повзрослевшую Клубничку, безвольно опадает на колени, из последних сил трепыхаясь в пасти хранителя.

Дымка тут же заволокла тело медведя и как только рассеялась, в сферическом ангаре вновь появился черноглазый кам.

— Клуб... — попытался позвать он подругу, но не успел.

Удар в челюсть остановил поток слов, которым парень хотел одарить раненную.

Противником, естественно, была не девушка. След ее простыл сразу, как Мархи принялся перевоплощаться. Место на передовой занял иной: человек в тюрбане — хозяин демонов.

Внутри Мара заклокотало, и опять человек превратился в двухметрового хищника, почуявшего от хозяина псов скрытый ранее запах Нижнего мира. Долгие минуты созданию удавалось скрывать истинную сущность и прятаться под маской ироничного гордеца, но постепенно тонкая грань стерлась, и воздух наполнился вонью разложения.

Красная лощеная ткань на голове начала распускаться, виться лентой по напряженной статуе, в которую обратился человек в тюрбане. Упала у ног. На ие-кыла со лба и макушки

взглянули три пары черных бусин-глаз. Блестящие, выпуклые, они напомнили отполированные драгоценные камни. И толь заметное шевеление и ресницы подтвердили, что наросты живые, часть организма.

Как только последний виток был раскручен, человек встрепенулся и взмахнул руками. Его движения, отточенные и быстрые, словно бритва парижского цирюльника, превзошли медвежью и маровскую прыть вдвое. Даже закисленный воздух едва успевал расходиться перед телесной молнией, которой он уподобился.

Бояться и прятаться хозяин демонов не собирался. Напротив. На шахматной доске Сы он явно был королем, каму же досталась скромная роль пешки.

Не успел медведь замахнуться, как противник оказался позади и ударил его по спине чуть ниже лопаток. Прошла секунда. Восьмиглазый вновь появился перед зверем и издал гремющий звук, которым обычно пугают противников ядовитые змеи.

Медведь качнулся на задних лапах, но устоял.

Скорость лжечеловека была непомерно высокой. Такую белому гиганту сложно развить. Даже в лучшие времена, когда ие-кыла жил свободным духом земли, бег приносил ему мало удовольствия, теперь же в теле Мара надобность в спешке и вовсе пропала. Он разленился.

Пока зверь раздумывал над поимкой добычи, противник расстегнул пуговицы халата и, растянув губы в противно-слащавой улыбке, начал расти. Руки с тонкими пальцами покрылись щетиной, затрещали костями. Лицо разлезлось, словно созревшее тесто, изо рта показались два отростка. Они тут же покрылись панцирем и округлились парой изогнутых шотел.

— Небесный синьор! Что это?! — заверещала одна из очнувшихся женщин Сы.

Ее голые ноги безвольно подогнулись, и она едва успела схватиться за погнутый металл стены, чтобы не упасть и не разбить колени. Другие люди испуганно уставились на магических существ, не понимая, куда бежать и где спастись от демонов и чудовищ, захвативших город.

От одной из поврежденных капсул раздался крик:

— Пошли вон, гадкие твари!

Люди не двинулись.

Окровавленная девица приподнялась и с ненавистью метнула из темноты металлический предмет. Присев обратно в укрытие, она завопила толпе:

— Ща рванет!

Больше уговаривать не пришлось.

Скопление десятков и более человек метнулось к выходу. Даже старики и раненные не остались дожидаться смерти. Испуга и капли инстинкта самосохранения хватило, чтобы добежать до кустов роз и аукубы за пределами ограды и скрыться в их спасительной зелени.

Затрещало. Медведь оторвал взгляд от проносящегося мимо пожилого господина без портков, но в отполированных сапогах, и сосредоточился на враге. Тот рос и крепчал, покрываясь жесткой хитиновой кожурой. Из-под халата показались два выроста, зашевелились.

Разминались они недолго, немного погодя основания коснулись земли и образовали вполне сносные ноги паука. За ними проросли и другие.

Паук! Так вот, чей запах почуял хранитель! Конечно. Резкий, с примесью серы и горечью жженого угля. Это точно был он.

А кто в мире духов имел ядовитый смрад подземелий? Кто спускался в самые недра

планет, подземелий?

«Ата Улан», — пронеслось в голове хозяина тайги, и он опасливо отошел от громадины, в которую превращался главный Восточный тэнгри.

Четыре передние ноги бога совсем скоро слились с конечностями нижними, которые не принадлежали ни арахнидам, ни гуманоидным существам. Покрылись шерстью. Черными полосами на рыжем подшерстке.

Спина и две когтистые лапы, наконец, приобрели тигроподобный вид и прекратили расти. На паучьей морде победно сверкнули восемь глаз, бравадно защелкали подвижные хелицеры.

И, произошло то, чего так желало божество тьмы: противник сдался и склонился перед ним еще до начала сражения. Никто. Абсолютно никто не сравнится бы с тэнгри Востока в мощи и величии. Даже Мала не смел показать носа из обители с той поры, как пропала Эдуген. А остальные божки... Тем паче. Клоуны и напыщенные пустышки, место которым не в Верхнем мире, а на дне глубочайших океанов, смирились и опускали глаза, только услышав его имя.

Что уж говорить о духах.

— Пш-ш-ш-р-р, — заклокотало в горле тэнгри, когда его неожиданно затрясло и повело в сторону.

Заскрежетал металл.

Огромное тело пробило купол постройки и, разворотив половину стены, вылетело наружу. Следом из тьмы, прямо через эту дыру, вышел белый медведь размером с пятиэтажную хрущевку и стряхнул с лапы гадкий запах арахнида. Не дожидаясь ответа, он вновь встал на все четыре лапы и ринулся на Улана.

Бог поднялся. Только вознамерился сделать прыжок, как медведь ускорился, буквально превратившись в снежный буран, налетел на него и повалил на мокрую землю брюхом вверх.

— Как? — зачавкал развороченный рот повелителя. — Как посмел?

Медведь вдавил морду уродливого тэнгри в грязь и самодовольно фыркнул. Говорить он не мог, но мыслить — вполне.

— Мои помощники — северные ветра, мои владения — безбрежны. Думаешь, повелитель вечной мерзлоты боится смерти? Не-е-е-т, лошадиный хан, она — моя подруга.

— Ты — хранитель, а не эжин, не повелитель, хр-ш-ш, — выдавил Ата Улан, пока его морда погружалась в мягкую почву.

Медведь с силой нажал на нее, не давая божееству шанса опомниться.

Раздался свист. И вместе с ним на спину ие-кыла опустилось с дюжину хлестких ударов. Что это было, он сначала не понял, только освободить добычу под натиском новых нападков не собирался. Белому зверю казалось, что он победил. Несмотря на кровь, растерзанную плоть, он сумел поймать бога в тиски. А разве это не подвиг, достойный песни шаманов?

Достойный, если бы тэнгри признал поражение. Но «если бы» не состоялось.

Улан снова и снова взмахивал своим тигриным хвостом и бил что есть мочи иглами, спрятанными в шерсти, по спине и позвонкам хранителя. Меж пушистых полос повелителя демонов все ярче разгорался огненный факел, который опалял медведя и заставлял реветь от боли. Еще немного и зверь бы не выдержал, повалился с противника бездыханной громадиной, однако этого не случилось.

Внезапно небо Сы озарились светом полуденной звезды и заиграло золотисто-алыми переливами. Из-за левого плеча ие-кыла поднялся огненный вихрь, и мало-помалу пожрал

пространство своим жутким, но прекрасным огнивом.

Дунул ветер. Громадные крылья взметнулись вверх, заслонив собою полнеба. Нечто грациозное, по-змеиному элегантно закружилось в небесах.

Горячий порыв долетел до воюющих гигантов, развернул и завертел их в воздухе, словно пушинок. Вселенная побелела, раскалилась до температуры звездных светил, и ие-кыла, не в силах перенести болезненную резь в глазах, зажмурился.

Прошла секунда, другая, стало прохладней. Красные пятна за веками начали исчезать, и на их место пришла умиротворенная чернота.

Медведь открыл глаза и осмотрелся. Ни тэнгри, ни огня уже не было. Только скелет разбитого ангара, стекла капсул и повлажневшая земля Сы с отпечатками недавней борьбы, рытвинами и невообразимыми колдобинами.

Из кустарников выглянули лица людей. На многих читались безмерный, на грани сумасшествия ужас и безнадежность.

Мальчик лет десяти потрепал маму за ночную сорочку и почти шепотом сказал впопыхах, чтоб другие не слышали и не поняли:

— Мама, ты говорила, что люди — главные во Вселенной. Нас любит Небесный синьор. Это неправда, мам, ты обманывала меня. Мы — червяки для таких, как они, — он указал на уменьшающегося в размерах белого полубога. — Как для нас червяками были водяные.

Женщина прикрыла лицо бледно-серой тканью, так как завет древних запрещал ей обнажать прекрасные черты чужакам, но сразу же опустила руку и заплакала. Сейчас после пережитого ей вдруг показалось, что сын прав.

Тайная вечеря

— Последняя трапеза перед концом! Будь, что будет! — изрекла Люция на небосводе. Великий Червь присел у ее покрытых мхом и папоротником ног:

— Не забудь омыть их, — дал он совет, глядя на камень ступней.

— И солги, — вмешался Фобос. — Такова жертва и участь грешников.

Светлоокая поникла, но не сбежала от кармы. Червь же захлопнул Ящик Откровений, поглотил собрата и растворился в небытии.

Притча горцев о богах. Чарип Маны, Велес X.

Зима на Ольхоне, наконец, отступила, и первый весенние растения стали пробиваться сквозь толщу снегов, чтобы получить долгожданные крупницы света и тепла. Река Сивир вскрылась, забурлила, понесла по своим венам прошлогодние льдины. Она как можно скорее хотела избавиться от обездвижившего ее рабства. И весна помогала ей в этом, не могла иначе.

Неровные края льдин хрустели и ломались, крутились в воде волчком, прибивались в заводях к берегам, дабы отдохнуть и набраться терпения перед последним путешествием. Если бы ни дневное светило, они вечность сплавлялись по руслу реки, найдя, в конце концов, пристанище где-то в заболоченной низине с духами жаб и пиявок.

Мархи открыл глаза. Его мутный взгляд уперся в серую перину облаков, медленно плывущих в сторону пика Кайласа.

Пушистая влага почти не меняла формы, оставалась безучастной к потокам ветра, которые гнали ее к вершине божественной горы.

Да, по поверьям там, на Кайласе были ступени к небесным вратам, а за ними жили, наслаждались вечностью пресловутые повелители трех миров: тэнгри и их потомки: ханы и хаты. Ольхон, созданный когда-то первым шаманом, был точной копией тех мест, откуда боги благословляли Срединные миры, и также как они, этот Ольхон имел мост с Вечным Небом.

Под лопаткой Мара заныло, и он поневоле дернул плечом. Раздался всплеск. Ему внезапно стало холодно и мокро.

Что? Вода?

Еще какая!

Вокруг него бурлили, вздымались потоки, обжигая и сковывая каждый сантиметр плоти. Жуткие и опасные, они терзали все, что попадалось на их безумном пути. И Мара. Нет, не так. Это он плыл по горной реке, подобно погибающим льдинам, и сам бросал вызов непокорной стихии, в которой оказался.

Минуты жизни шамана были сочтены. Ни один организм, даже самый выносливый, не справился бы с такими силами природы. А его изможденное тело и подавно.

— Мархи! — раздалось совсем близко.

Мужчина повернул голову разглядеть голосащего человека, но хлебнув жидкого льда, вновь вытянул шею вперед.

— Мархи, я пришла за тобой! — девичий голос с нотками истерики гневился, что ему не отвечают.

— Клубничка? — выдохнул кам и тут же погрузился всем телом в реку.

Боль в спине тут же прошла, чувствовать что-либо кожа отказалась, а рецепторы... А

рецепторы решили, что их час настал, и отключились все разом.

Мархи зажмурился, отчего красивое смуглое лицо его покрылось морщинами страданий и превратило юные черты в маску старика.

Белый хранитель. Там, на планете водяных он, наконец, встретил духа, старого знакомого с Земли, но как только из пучин бессознательного показалась хищная морда зверя, сам Мар отключился.

Поговорить не пришлось, а жаль. Весна не дала им надежды на мирное сожитие, она призвала хищника из спячки, однако заставила человека уснуть до тех пор, пока бессмертный ни насытится и ни покажет свою истинную мощь.

Интересно, показал? Этого шаман не помнил. Черные фигуры, отсветы фонаря, разбитые капсулы с мертвыми уродливыми подопытными: на этом память обрывалась. И лишь издалека, из глубин восприятия до него доносились тонкие голоса, пробивающиеся сквозь кисель страстей. В них был и рев ие-кыла, и едва различимая человеческая речь.

На Ольхоне в водяном потоке медведь не показывал себя. Спрятался за обыденной и привычной остальным личиной кама. Он знал, видел черными глазами человека все, что делалось вокруг, однако открывать звериное нутро не торопился. Быть может, его измотали непрерывные скитания по Срединным мирам или он просто-напросто насытился.

Шаман вздрогнул и из последних сил дернул ногами, которые едва ощущал. Времени на размышления о былом у него не осталось, ведь тело охладело настолько, что последние искры разума слились в непрерывный поток белого сияния. Чувства стали угасать. Теперь Мар находился между двумя ступенями бытия. И одной стопой почти опустился на самую нижнюю.

«Не хочу больше» — наконец, решил он и безвольно расслабился.

Тут же, будто с издевкой, зазвенел знакомый голосок:

— Эй, сопляк, куда собрался? Ты же обещал меня найти!

Внутри Мара вспыхнуло пламя. Он распахнул глаза, в которых мелькнула бурая искра радужек ие-кыла. Умереть? Сейчас? Что за чушь он придумал? Тупень, нельзя! Не время!

Теплая волна разлилась по телу, и холод, только что сковывающий Мархи, стал уходить. Он не только согрелся сам, он невольно подогрел этим жаром воду, в которой кувырчался, почти добравшись до дна.

Мышцы налились силой, напряглись до звона сухожилий. Ноги встали на гальку, оттолкнулись и устремили парня вверх, к воздуху и весне. Спустя полчаса промерзший до костей, но пышущий внутренним огнем шаман выбрался на берег. Плыть против течения было делом рискованным, почти безнадежным. Слава тэнгри, он справился. Значит, сегодня не день, когда они призовут его ами, значит, время на жизнь еще есть.

В кармане черной льняной рубахи хранились спички.

Когда-то славный повар Тимур подарил ему коробку в полиэтилене и наказал беречь до самых страшных времен.

«Когда не будет иного путятки и на Ольхоне застоится зима — обогреться», — проговорил он, засовывая подарок в узкий кармашек на груди подростка.

Слава Тимуру, слава старому толстяку с доброй, детской душой. Сколько заботы и тепла он вместе с кашей вкладывал им. Не сосчитать.

Огонь из сухих веток радостно затрещал, будто вторя словам благодарности. Совсем скоро мелкие язычки разжирели, обернулись мощным костром, и Мар, наконец, расслабился, разомлел.

Сняв перчатки и маску, он бросил их на ближайший куст. Рубаха с влажными портками полетели туда же. Мощный торс, твердые как камень мышцы за время скитаний ие-кыла почти пропали, вместо них появились обтянутые кожей кости и по-мальчишески впалый живот.

Это не смущало парня. К сожалению многих раз в год такой бедой страдали все шаманы. Особенно тяжело приходилось так называемым нагвалям: баксам со способностями оборотней. Их хранители надолго завладевали человеческим телом и могли месяцами путешествовать по землям, драться с другими ие-кыла и бесчинствовать на просторах в свободе и вседозволенности. Иногда погибать.

Животный дух после этого оставался скитальцем без материальной оболочки, а души-осколки шамана переходили в миры, откуда они когда-то пришли, чтобы соединиться с вечностью или дожидаться сансары.

Сидя на камне, шаман выдохнул. Он решил остаться на Ольхоне подольше. Восстановить силы и порисовать сны под шепот клена было сейчас как никогда важно.

Ольхон, точка соединения Вселенных — родина, без которой ему теперь не обойтись.

Что бы ни говорил люд Срединных миров, но холод и суровый климат нравился Мархи намного больше благодатных широт юга. С первым же заданием он попал в Калифорнию, землю солнца и безбрежного океана, но даже тогда, будучи подростком, знал, что такой рай ему не по душе. Здесь же в маленьком мирке баксов, он ощущал мощь и величие природы, крепость закаленных бессмертием духов.

Мар повернулся за подсохшей рубахой и ахнул. На плечах и спине его синели ушибы.

Количество синяков казалось достаточным, чтобы покрыть среднестатистический класс Сургуля из восьми человек. Самым заметным было пятно у левой почки, однако боль сосредотачивалась выше. Между лопаток, у позвоночника безумно ныло и чесалось. Видеть раны парень не мог, но решил, она загноилась. Или замерзшая плоть игралась с сознанием, подкидывая хозяину нелепые ощущения.

— Приду в поселение, попрошу Тимучина настойки, — высказался Мар, натянув через голову холщовую ткань рубахи.

Неясная тень поднялась с обратной стороны камня, на котором отдыхал Мар, и кивнула. Старик Асай вновь вернулся к внуку после многодневного отсутствия. Нельзя сказать, чтоб он исстрадался, разлегшись на подушках в прозрачном мирке Дома Духов, но долг перед шаманом заставил вернуться к прежним обязанностям.

До путейцев Мархи дошел быстро. Место приземления ие-кыла оказалось не так далеко от селения, как предполагал кам. Полдня хватило, чтобы преодолеть небольшой перелесок чуть ниже стойбища и приблизиться к вратам-истуканам, защищающим шаманский народ от враждебных гостей.

После случая с Клубничкой нападений не наблюдалось, однако Тимучин строго-настрого приказал восстановить защитное поле заговором и поставить к старым еще троих свежеструганных секвойных стражей.

Вот к ним-то Мар и подошел.

Тени под белесой мордой центрального истукана заскользили, губы будто бы сжались. Движения были незаметны, размыты, обычный человек их не увидал бы, но только не Мар. Тот знал повадки одухотворенных изваяний, поэтому поклонился.

— Цветочному богу салют. Не спрашивай, где меня носило: ие-кыла проснулся. Все на местах? Тимучин у себя?

Сэсэг, младший эжин морока и цветочной пыльцы, неопределенно хрюкнул. Потом издал икотный звук.

— Что? — встревожился Мар.

— Все спят.

— Не понял. День же.

— Спят все, говорю. Что-то неладное в поселке.

Шаман сжал губы почти так же, как ранее это сделал истукан, и быстро прошел мимо статуй к юртам. Шагов через десять остановился, вновь обратился к Сэсэг.

— Демоны? Люди? Боги? Кто приходил?

Грубо высеченное из дерева лицо повернулось вокруг оси столба, нахмурилось, вспоминая, что случилось в последние дни.

— Все свои, путейские, — нерешительно произнесло оно. — Хотя погоди. Из ненашенских был белый Ал. Один почему-то.

— Он еще там?

Морда поникла, черты лица потекли морщинами:

— Нет. Ушел с рассветом.

— Не догоню. Почти вечер, — буркнул себе под нос путеец и решительным шагом направился по белой, галечной дороге к юрте главы.

***

Восемь чернеющих лепестков земли пропали из виду, растворились, как только Ал начал спускаться в одну из долин. Дорога вела сквозь темный, освободившийся от зимнего покрывала пролесок к узкой тропе. Там внизу расстилались пологи с колючим кустарником, мхом и едва заметными в предутренних сумерках осколками скал. Даже здесь, на высоте слышался грохот полноводной бунтарки Сивир. Слева направо текла она змеей, то и дело совершая повороты и диковинные извилины.

— Когда все закончится, приду сюда снова с томиком Тагора. — Дал себе клятву странствующий кам и улыбнулся.

В голубых льдинах глаз появился победный огонек.

Скоро, совсем чуть-чуть и он получит то, чего так жаждал все эти годы шаманства. И никто, ни живая или мертвая душа не остановит его праведную месть. Кара падет на головы тех героев, кто принял участие в медленном, но верном расчеловечивании индийского парня из далекой жаркой Калифорнии. И прежде всех понесет наказание Макс.

В мыслях всплыла картинка времени, когда он, Хад и Мархи спасали духа-защитника из Нижнего мира.

Старый скиталец, как обычно, был невозмутим, направо — налево сыпал несмешными прибаутками и все еще пытался читать нравоучения повзрослевшему ученику. Путеец — молчал и бросал опасливый взгляд на Ала. По резким движениям и скромным речам было понятно, он с удовольствием бы провалился сквозь землю, ради возможности сбежать от бывшего товарища.

Уйти не удалось. Напротив. Они вполне удачно разыскали панголина, освободили души горожан и наказали арахнида, что совершал гнусности.

И все бы ничего. Только Ал не терял надежды отомстить и когда Мара засыпало обломками храма, и он чуть не погиб, белоголовый радовался.

Угловой столб слева повело, крыша полетела на парадные ступени, а вернувшийся из Нижнего мира шаман открыл глаза и просто наблюдал.

Силуэт в черной меховой накидке сидел на нижнем ярусе ступеней, не двигался. Здание тряслось, начало покачиваться, многовековая пыль кружилась в воздухе.

Ал чихнул, отвернулся.

— Проклятье! — ругнулся он и подошел к учителю Хаду.

Тот застыл в позе лотоса и едва слышно шептал древний заговор от злобных существ. Камлал.

— Хад! Очнись! — крикнул, наклонившись, альбинос и толкнул старика в плечо.

Будить шамана в экстазе категорически запрещалось. Поговаривали, будто будящий мог стать виновником потери вечной души, но молодого шамана это не смущало. Тащить медведя на собственных плечах он был не готов.

Хад рыкнул, замотал головой. Вторя ему, заскрежетали центральные столбы и принялись медленно крениться, чтобы вскоре найти гибель под тоннами древесины и камней широкой крыши. Позолоченные узоры посыпались градом на голову странствующих шаманов и только тогда Хад очнулся.

Ал не стал дожидаться, пока старик полностью придет в себя, и побежал вниз к подступам умирающего сооружения, по пути выкрикивая имя учителя.

О Маре кам не думал, точнее, думал, но злобно, с предвкушением. Парень видел, как три балки кубарем полетели по черным ступеням и похоронили под собой человеческое тело, как вся восточная сторона утонула в хламе и черепице. Кроме кривой улыбки мщения, это не вызвало ничего.

Если бы ни Хад с его любовью всех и всюду спасать, то предатель остался под завалами. Ан, нет. Старик самоотверженно кинулся к черепице и кускам древесины, и Алу пришлось пойти следом. Старший поднял прут из добротного металла местной породы, принялся поднимать массивные обломки, орудуя стержнем от крыши словно рычагом.

— Видел драконшу? — выкрикнул он и вытер пот с морщинистого лба. Медвежья накидка полетела в пыль.

Ал качнул головой.

— Нет.

— Хм. Чудно. Она точно не дух.

— Почему? — спросил ученик, выкорчевывая каменную глыбу из рамы, лежащей рядом с его ногой. — Хад, смотри!

Старик повернул голову и увидел, как из-под черепков огромного, с человеческий рост горшка торчит рука.

— Ай да молодчик! Нашел-таки. Клубника!

— Какая клубника? Эт же Мархи!

— Клубничкой, говорю, пахло. Так ароматно только тэнгри смердят.

— Шутник, — съязвил Ал и протянул руку, чтобы вытащить путейца. — Лучше б помог. Хад прищурил хитрые, карие глаза и улыбнулся. Из-под губ появились поредевшие от курительных трав зубы.

— Он не мой — твой друг. Вот и выручай.

Этим же вечером, когда уснул Хад, засунув большой палец в рот (привет от спящего, косолапого ие-кыла), Ал вернулся в мирок арахнида. Он камлал тихо, еле слышно стуча колотушкой в потрепанный бубен. Шептал песню, прикрыв лицо маской оборотня и заговором пустоты. Тайная мысль не давала покоя, и узнать истину шаман решил на месте преступления.

Сфера, где был недавно замурован Верховный Панголин, бесследно пропала, вместо нее возникла пустыня камней. Она безвинно переливалась острыми гранями в отсветах луны и холодила прогретый пожаром борьбы воздух. Где-то впереди за краем земли виднелось зарево: то ли солнце желало заменить усталую бутафорию ночи, то ли сумеречный мирок задумал разрушиться и похоронить под своими обломками незваного кама.

Из маленькой коробочки, подвешенной на ремне шамана, выползла дымка и сложилась в человекообразную тварь. Жилистые конечности заходили ходуном и почти развалились на части, как в последний момент существо напряглось и сумело сохранить тельце единым. Серая кожа, подобие тонкой чешуи, покрылось легкой испариной.

— Звали, хозяин?

— Чуешь ягоду? — без вступлений спросил Ал у узута.

Злобный дух втянул поток воздуха в отверстия, которые заменяли ему нос, и кивнул.

— В нем запах божества и смрад ярости.

— Что значит? — с раздражением бросил белоголовый и присел на пологий камень рядом с духом.

— Он почуял Восточных небожителей, — раздался резкий фальцет за спиной шамана.

Узут всполошился, забегал вокруг хозяина и, в конце концов, спрятался под его меховой накидкой. Ал не двинулся. Только в руке медленно расплзлись терновые ростки. Так, на всякий случай. Ибо никогда не знаешь, что в разуме женском таится, тем более в разуме стервозной, рыжей правдорубки с Ольхона.

— Чего тебе, Ал? Зачем вернулся? — бросила Клубничка и обошла кама, встав перед ним незащищенная: без оружия и амагята.

На Ала воззрились изумрудные колкие глаза.

— Рад видеть тебя, малявка, — заигрывающе ответил парень и с интересом принялся рассматривать шаманку.

Сколько он ее не видел? Семь? Девять лет? Белый уже и не помнил.

Перед ним стояла низкорослая и тонкая, как осина, красавица с огненными кудрями, которые торчали мелкими пружинками из-под ковбойской шляпы. На носу рисовались веснушки. Поверх них, на пол-лица была надета алая повязка с бахромой, а руки перетягивались высокими бархатными перчатками.

Губки Клубнички сжались:

— Врешь как всегда. У тебя с рождения изо рта ни одного правдивого слова не выходило. Может, убить, и дело с концом?

Девушка надменно наклонила головку и улыбнулась. Не дожидаясь ответа, она высокомерно поставила ногу на острие ближайшего камня, повела бедром. Кожаные брюки натянулись и продемонстрировали каму идеальность форм, силу мышц собеседницы. Грозди фигурок помощников на ее поясе зазвенели.

Кам хмыкнул. Он понял, что Клубничка — грозный противник, но признавать это открыто не возжелал. Пасовать перед дамой было унижительно, какими бы силами она ни игралась.

Если возникала необходимость, рыжая без труда призывала любого из подчиненных, но сейчас надобности в них не имелось. Фигурки висели милым украшением и время от времени позвякивали, заставляя Ала слегка, хоть и малозаметно, напрягаться.

— Если путейцы тебе враги, тогда не трать силы на меня и разберись с ними, а я помогу.

Рыжая округлила глаза.

— П-почему? — смущенно пролепетала она, заикаясь, как в детстве.

— Они убили отца, разрушили мою вполне успешную жизнь. Этого хватит?

Девушка криво усмехнулась. Мелкие жемчужины зубов сверкнули в свете заходящего диска.

— И то верно. Только Удхани убил узут. Не шаманы. А теперь он присосался к тебе. Не боишься?

— Нет, — ответил Ал. — Демон служит мне и когда надо уносит в миры экстаза и радости. В остальное же время — я ему бог и повелитель. С ним не так одиноко, понимаешь?

Клубничка промолчала и сложила руки на груди: лезть в ее душу гадкому каму она позволить не могла.

— А ты? — вдруг спросил Ал.

— Что?

— Почему сбежала с Ольхона? Куда?

Щеки рыжей внезапно покраснели, и она почти закричала:

— Н-никуда я не сбегала! М-меня выкрал отец. — Потом спокойнее пояснила: — Оказывается, Путь прятал меня, чтобы получить власть над богами Востока.

— Зачем? Они служат Западу. Мощи у них и так хватает.

Хата капризно подбоченилась. В ее голове не укладывалось, как можно быть настолько глупым и не видеть элементарных вещей. Ну, ничего, скоро все поймут, кто такие эти жалкие людишки, которым дозволено говорить с духами.

— Смеешься? Разве есть во Вселенных сила, способная победить лошадиного бога, тэнгри тьмы?

Ал пожал плечами. Спорить с дочерью небожителя он не планировал.

— Значит, договорились? Работаем в паре?

Клубничка кивнула.

— Жди указаний. Их тебе передаст узут. Он — раб Ата Улана и слышит приказы хозяина через расстояния и время.

— Какая честь. Чего молчал, дохляк? — рыкнул Ал и вытолкнул узута из-под накидки.

Тот грохнулся у ног маленькой богини и, трясаясь всем тельцем, стал молить и пощаде и шептать слова восхищения Ата Уланом.

Клубничка сжалась над паразитом и, опустившись на одно колено, помогла ему встать. Мордочка демонической сущности расправилась от морщин. Расплылась в улыбке на сто сорок мелких клычков-присосок.

— У тебя на хвосте старый медведь. Как ты сможешь помочь, чтоб он не заметил? — обратилась она к Алу перед отбытием.

Продолжать болтовню со старым товарищем по Сургулю ей претило.

Внезапно она услышала ответ, от которого побежали неприятные, липкие мурашки. Оказывается, есть на свете сволочи, куда страшнее вампиров, демонов наваждений и болезней. И имя им — люди. Алчущие и несчастные, униженные и одинокие. Злые, без надежды и веры внутри.

— Убью. Дряхлый маразматик мне не соперник, — спокойно сказал белобрысый шаман и спустя секунду рассмеялся так беззаботно, что в сердце Клубнички похолодело.

Девушка ушла, даже не попрощавшись.

Ал вернулся из воспоминаний и подавил смех, который рвался наружу каждый раз при возникающем образе зеленоглазой богини. Быть может, она будет благосклонней, если кам выполнит обет. А после войдет в пантеон Восточных тэнгри и станет мужем драконши, белым волком Преисподней.

— Сначала приказ выполни, придурок, — ругнулся на себя Удхани и вынул из-за пазухи флакон с бурой жидкостью. Осталось найти чан поваренка и добавить пару капель в ужин путейцев.

Не за горами великое время. И он часть тех, кто творит сии перемены. Герой. Вот кто такой Николас Удхани. Бессмертный герой.

Четыре элемента

Хмурые облака надменно плыли гигантскими перьями в вечернем небе. Пирамида Кайласа поднималась над головой непреодолимой преградой. Жестокой, смертельной единицей величия природы.

«Нет, — прервал рожденное в глубине своего сердца недовольство Мархи: — Кайлас — помощник и ступень к бессмертию, но не стена. Его надо ценить, как место силы, как дар богов, что оставили единственную лазейку в свою обитель».

Гора, куда он стремился, миновав лес двойников, была двойником вершины, которая темнела острыми гранями во всех Срединных мирах. Вселенные отличались друг от друга, как день и ночь, огонь и вода, но Кайлас непогрешимо стоял на земной тверди даже там, где след хомосапиенсов растворился в истории, подобно утренней росе в жаркий полдень.

Сутки назад кам не думал восходить на небесный столп, что связывал паутину мирозданий, но теперь, когда от него зависела жизнь почти сотни шаманов, усыпленных в поселке, выбора не оставалось. Точнее, он был, но совсем не подходил Мару. Либо сбежать, прикрываясь запретом духов предков, либо идти напролом с поддержкой одного-единственного, верного до самой его смерти Асая Оциолы.

Улепетывать, поджать медвежьи уши Мархи казалось неподъемным бременем. Этим он подвел бы не братьев, но собственного ие-кыла, который сдавался даже под страхом божественной кары.

Что уж говорить о помощниках и амагяте! Позора не оберешься.

Старик оценил бы его рвение и возрадовался, что воспитал доброго кама. Тимучин смерть как гордился самоотверженными учениками, ценил их выше переговорщиков и воинов. И молодому каму это нравилось. Как вызывает довольство любая похвала старшего, истинного учителя и божества.

«Спасу Сургуль — спасу старика», — поклялся себе парень и упрямо сжал губы.

Секундой спустя он уже переставлял ноги с одного обледенелого выступа на мшистый камень повыше. Хватаясь руками за острые края, подтягивался на очередное плато почти вертикальной каменной стены.

Пологая часть горы осталась позади, впереди маячил тяжелый подъем по единственной мало-мальски подходящей грани Кайласа, символу солнцеворота и духовной силы.

С собой Мархи взял веревку, сплетенную некогда слепой шаманкой Аталзой, бурдюк с талой водой и пару вяленых рыбешек. Запас небольшой, но времени думать и тем более набирать больше провизии у него не было. Груз за спиной мог помешать в опасном восхождении, заставить Мара идти долгой дорогой по устью реки, серпантинном опоясывающую скалу.

На небе загорелись семь звезд, недвижно повиснув над острием центральной точки. Они не кружились, не двигались, не танцевали, как этого требовали законы Срединных миров. Они неподвижно мерцали яркими маяками блуждающим в черноте скудного Ольхона шаманам.

Этой ночью таким шаманом стал Мар. Как ни болели суставы, не ломило мышцы от чрезмерных натуг, он не останавливался. Трещины, которыми он восхищался с низины, превратились здесь, в сотнях метров от пика, в рваные пещеры. Мутные тени — в ступени и неровные выемки размером с быка.

Парень ахнул и зажмурился, когда один из кусков слоистой породы выскользнул из-под ног и кубарем полетел в небытие. Сильнее вцепился пальцами в породу над головой.

Раздался грохот. Один, второй, третий удар оглушили пустоту и заставили эхо проснуться.

— Дьявол! — выкрикнул кам и прижался грудью к ледяной стене.

Кровавая дорожка с поцарапанной кожи ладоней неспешно закапала на почву между камней. Треснули ногти.

— Справа ступени, посмотри! Я давно их заметила. Они здесь с тех пор, как эжин грома ударил скипетром по скале, дабы преградить людям путь вверх. Смертные, конечно, не дошли, а вот трещина легла удобно.

Белая ласточка закружилась над головой шамана и, взметнувшись ввысь чуть левее его плеча, долетела до выступа почти квадратной формы. Часть камня ушла в грунт, но большая часть оставалась на поверхности и давала возможность легко на него опереться. Выше шли такие же саморожденные ступени, которые образовывали вполне достойный всход.

— Спасибо, Со, — поблагодарил кленового духа Мархи и, оттолкнувшись ногой, подпрыгнул.

Схватившись за спасительную лестницу, он несколько раз качнулся и в полете приземлился на ее пыльную поверхность.

— Силе-е-ен, — насмешливо и одновременно уважительно к двойнику пропищала птаха. Растворилась в воздухе, как это бывало каждый раз при пособничестве дерева.

Мархи с теплотой и радостью понял, что совсем не один в путешествии. С ним были его духи. Двойники, помощники, амагят, ие-кыла: все они служили шаману верой и правдою, пока тот выполнял миссию. И неважно, какова она была. Главное: что Мару верили и считали достойным.

С тех пор как парень принял в себе кровь предков и смирился с ношей миротворца, одиночество ему не грозило.

Миротворец! Ха! Демоны и злобные духи посмеялись бы после таких слов. Но ведь и вправду: участь шамана заключалась не в борьбе за идеал, не в бездумном раболепии перед тэнгри, участь шамана была в усмирении злобы, в понимании, сочувствии к каждому. Неотступное следование законам гармонии — вот, для чего жили ойуны, и чем успокаивалась их вечно терзаемая выбором, разделенная на осколки душа.

— Хоер тэшэ закрыты врата Небожителей! — вспомнились Мархи речи предка. — Каму с черными корнями нельзя на Кайлас!

— Я иду просить помощи. Как еще спасти братьев, если не преклонить колени перед богами-заступниками?

Дух из памяти умолк и покосился на товарищей за спиной. Полупрозрачные лица стариков, к которым он обращался, показались путейцу неумелыми масками презрения и злобы. Но под ними прятались вполне человеческие чувства: испуг и растерянность.

— Не ведаю, — спокойней ответил собеседник. — Однако на гору идти нельзя. Тебя встретит смерть. Не иначе.

Рядом с Мархи проявился Асай. Дряхлый, с поникшей головой сейчас он напомнил призрака куда больше, чем обыкновенно. Словно последняя капля божественной искры потерялась в нем, как Мархи вошел в спящее селение.

— У наших потомков, наших детей украли души. Род шаманов иссякнет с восходом полной луны. Неужто Их спокойствие, — Асай указал пальцем в потолок постройки. — Их

сладкий сон важнее мира духов и людей?

Старые шаманы умолкли. Неспешные переговоры, которые они вели где-то позади, стихли. Ответить Асаю никто не решался. Да и что можно было сказать? Предать себя или предать богов? Живому шаману выбирать самому. Ибо их век давно ушел и все, что могли предки сейчас, так это сетовать о своих упущениях или ругать молодежь.

— Великие отцы, на вас оставляю Тимучина. Берегите живого главу, а я пойду. Не поминайте лихом.

Мархи встал на колени, поклонился серым теням, тут же растворившимся в идолах, и вышел из башни Дома Предков. На циновке в комнате, обожжённой тысячами свечей, палочек и просьб остался одинокий, белый как полотно глава Пути. Пред ним у подножий изваяний взметнулся дымок от бамбуковых сухих побегов и закружился к черному от копоти потолку.

Время шамана таяло, уходило. Но надежда все еще теплилась в его ами, как теплился огонь молодости, упорства в сердце краснодарского паренька — Макса.

На вершине Кайласа ветер рвал и метал порванную накидку Мархи, отчего кам едва стоял на ногах. Ледяные порывы с мокрыми облаками заставили его присесть и уткнуться лицом в снежный наст. Ноги почти полностью ушли в белое покрывало, которое то и дело сплеталось с ветром и превращало пространство в непроглядный хаос.

Идти было невозможно.

Шаман плотнее укутался в мех и стал искать место укрытия. Правее от него с подветренной стороны на глаза попались две черные глыбы, утопающие в снегу. Они, как человек в черной маске, противостояли непогоде и верили, что за концом наступит новое начало. И начало это было неизбежным, как смена времен года, как исток и устье реки, что питает море или океан.

— Туда, — сухо указал Асай на глыбы и без труда зашагал по верхней границе снега, не оставляя следов.

Мархи снял с бедра тесак, который носил с собой время от времени с двенадцати лет и стал орудовать им словно ледорубом. Вонзая металл глубоко в наст, он вытягивал себя вслед за ножом, пока тело вновь не уходило в снежную пучину. Прошло полчаса не меньше, когда кам, наконец, ступил на земную, голую твердь.

— Прошел и ладно, — решительно бросил он себе и подошел к старику.

Жжение от пота стало разрастаться между лопаток, но каму было не до того. Ничего важнее миссии в сей час быть не могло.

Асай прятался под камнем высотой в пять метров с аркой-углублением в два человеческих роста. Внутри серел высеченный вход.

Куда вели самодельные ворота, парень догадывался, но решиться на первый шаг оказалось делом трудным, почти невозможным. Здесь на Ольхоне он знал, понимал законы бытия, даже согласился с ними и старался не перечить. Что ждало его там — не ведала ни одна живая душа.

Когда рев ветра немного стих, Мар шагнул внутрь и осмотрелся. Темнота немного рассеялась, освещенная предутренным солнцем, блеснувшим сквозь облака.

«Восточная сторона», — тут же сориентировался кам в пространстве и прошел чуть дальше.

Дорога, выщербленная в глыбе, оказалась просторной и сухой. Созданная кем-то или чем-то сотни, а то и тысячи лет назад, она осталась до сих пор нетронутой, девственно-

чистой. Только пыль и животные экскременты дали понять, насколько она стара и заброшена. Через десятки метров проход сузился, стал спускаться вниз. Серпантин покружил Мара пару минут, пока резко не закончился тупиком.

— Что? Дед, куда дальше?

Асай глухо рассмеялся, провел невидимой никому, кроме внука, рукой по каменной преграде. Она затряслась и стала сыпать песок и пыль прямо под ноги Мара, отчего тот раскашлялся, едва успев прикрыть глаза. Отвернулся.

— Ты нас похоронить здесь решил? — буркнул кам, сморщившись от запаха тлена.

— Путь к небесам знают только главы. Неужто думал простым шаманам он открыт?

Парень пожал плечами и огляделся.

Светлые, сине-голубые руны и письмена внезапно покрыли мертвые андезитные стены и осветили проход, по которому он только что спустился. На тупиковой стене разлилась картина тысячи раз повторяемая на бубнах и в юртах шаманов: три мира, один под другим, красовались своими обитателями. Среди знакомых проскальзывали фигурки людей, зверей и богов, но большую часть шаман никогда не видел.

На верхнем «этаже» сидели тэнгри: большие, могучие и непоколебимые властители стихий, жизни и природы. На среднем — трудились, рождали потомство человеческие существа, флора и животные всех Срединных миров, витали джины, духи гор, рек, всего сущего. В Нижнем томились демоны, озлобленные духи и души умерших.

Мар поднял взгляд и ахнул. Прямо над его головой кружились тринадцать звезд. Семь Западных и пять Восточных.

— К Мала, Отцу Неба, есть доступ только ами. Остальные души оставляй здесь, — приказал Асай и растворился.

Все еще под впечатлением от красоты сияния знаков, Мархи снял со спины бубен, вынул колотушку и сел. Шея затекла от неустанного просмотра чудес на потолке, в горле образовалась пустыня.

Надо же, какими замысловатыми магами были предки. Смастерили тайное место, где можно не бояться врагов, где сами боги оберегают тело кама, пока тот камлает. Умно.

Глаза шамана закрылись. Бубен зазвучал, как сотни раз до этого. Сначала тихо и медленно, призывая силы Ольхона и отгоняя бесов, потом громче и настырней.

Олень Бо вышел на поклон двойнику по призрачному полю не спеша, разминаясь. Когда бока и копыта привыкли к мерной вибрации натянутой кожи, он рванул к хозяину, не в силах сопротивляться его зову. Сила Мара, удар колотушки, топот слились в непереносимый обычному человеку вой тысяч миров, через которые этот звук устремился к Небесам.

Горловое пение вырвалось из шамана, ударило о стены и завибрировало эхом по всему туннелю. Развевало тоску и непереносимое одиночество здешних духов.

Ничего подобного Кайлас не слышал тысячи лет. Никому не дано было взобраться и петь Небу на самой высокой точке столпа богов. Никому, кроме... Достойных.

Звуки сложились в слова, слова в песню. Ту самую, что услышал Максим от Безыма в первый день на Ольхоне.

Вечный, пречистый, безбрежный. О, Бог,

Полный и праведный Мала.

Дарящий веры, надежды клинок,

Что в очаге закаляли.

Вверх нам от разума каплю росы,

Нас напои благодатью

И окропи славной далью звезды.

Дети единой мы матери...

Пора.

Бо подхватил ами шамана и понес меж плазменных шаров: тринадцать светил, открывающих путь к небожителям. Зашипел огонь, языки пламени взметнулись вокруг призрачной фигуры и очистили ее от мыслей земных, сиюминутных, переменчивых. Тело обмякло, уснуло в ожидании искры богов, которую бубен перенес далеко в вечность, в источник сущего и нетронутого никем, кроме бессмертных.

Мальчик двенадцати лет со взъерошенной челкой вышел из леса к воротам Бай, осмотрелся. Льняная рубаха приятно приникла к его маленькому телу и чуть колыхнулась от нежного ветерка. Рот приоткрылся сам собой: перед ним встали два серебряных столба, выстроенных незримо высоко в белое нечто.

На столбах висели мощные створки ворот. Двери были закрыты. Незнакомый сюжет разворачивался в застывшем металле, захватывая наблюдателя своей мощью и величием. На выплавленных мастером воротах танцевали, извивались драконы. Между лап бессмертных лежали ленты из шелка и волосы красавиц-богинь.

Того и гляди поймает ящер деву, сомкнет в объятья и превратит в созвездия, али цветок.

Только одна: свободная, многорукая и многоногая, сидит в позе лотоса над ними и простирает ладони к смотрящему. Сияет мудрая улыбка на ее тонком лице. Меж пары сомкнутых глаз в центре лба блестит изумрудом третий, открытый.

— Тс-с-с, — шепнул старик за спиной Мара, как только тот попытался ахнуть, и указал на переплетенные розовые кусты у врат.

Ветви шелохнулись, привстали, расправили плечи.

— Прячься, — скомандовал пожилой дух и толкнул парня в плечо.

Юнец отлетел, не удержавшись на ногах, скатился в неглубокую низину за елями. Промолчал, сцепив зубы.

Несмотря на его стойкость и опыт Асая, прятки мало помогли. Ведь Бай охраняли самые злобные и могучие бурханы среди трех миров. Стражи священного места неустанно следили за входом на Небеса. Охраняли тэнгри ценой своей мелкой тысячелетней жизни.

Древовидный блеснул огоньками глаз в сторону Мара, набычился. Мшистых подбородок его затрясся от стараний разомкнуть заросший рот.

— Кто здесь?! — прогремел бурхан, как только треснула поросль, и расставил лапы-корневища.

— Я тебя слышал! — добавил его моложавый напарник и принялся древесным выступом, заменившим чудищу нос.

Еще пару бурханов начали спускаться с пригорка, на котором стояли врата, не забывая при этом отращивать корявые пальцы. Прошло пару минут, и на месте одревеневших фаланг появились колья, немного погодя они развились во вполне сносные копыя. Пальцы вновь отросли, обхватили оружие и приготовились к броску.

Миниатюрный Асай дернулся в сторону, тут же послышался хруст. Сразу два копыя вонзились у его ног и образовали трещины в камне, за которым он попытался укрыться. Старик прищурился, усмехнулся. Ему ли, оборотню-проводнику, бояться стражей. Пугаться деревьев, сотканых из костей предков, лежащих в могилах подножия Кайласа?

— Помочь? — раздался из леса низкий мужской голос и на опушку вышел незнакомец лет тридцати.

Старик кивнул, но промолчал. Мимо пролетели новые копья и почти попали в латы новобранца.

«Кто это? Зачем он здесь?» — подумал Мархи.

Отряхиваясь от листьев, он тихонько привстал на одно колено и выглянул из-за цветущих папоротников, которые крайне удачно прикрыли его от бурханов.

— Эй, деревянные! Не стража, а посмешище! — рассмеялся гость и вынул из спрятанных за спиной ножен два меча. Обоюдоострые клинки блеснули. — Померяйтесь силенками с вождем ужурчжэней? Или только со стариком можете бороться?

Могучие воины, в два раза крупнее незнакомца, начали пялиться на него, словно на умалишенного, потом одновременно кивнули.

— Могем. Зачем явился, дух? Где твой хозяин?

Янтароокий воин расплылся в хищной улыбке. На скуластом видном лице отразилась решимость.

— Нападай. Неча трепаться, — приказал он и встал в позу защитника. Голова тотчас ушла в плечи, мышцы которых превратились в пружины.

Стражи подняли копья — пальцы и ринулись на врага. Говорить с ним не имело теперь никакого смысла: раз пришел ужурчжэнь воевать — ни слова не скажет, покуда противник не падет.

Два других, увидев как грозен пришлый вояка, встали у врат и заслонили их своими древними телами-исполинами.

— Деда, не пройти, — шепнул мальчишка и выпятил губу совсем по-детски расстроено. В черных глазах отразилось отчаяние, и навернулись первые незваные слезы.

Как же справиться с бессмертными бурханами, если в помощниках всего лишь мудрый, но дряхлый дух, кленовые клинки и медведь в спячке? Ответ один: никак.

— Ай-да плакса. Где твоя вера, малыш? — услышал Мар неподалеку и, повернувшись назад, встретился взглядом с черными бусинами глаз знакомого зверя. Мокрый нос громадины в человеческий рост ткнулся парню под мышку и подтолкнул к вратам.

— Пуцай поиграют с росомахой, а ты беги, внучок, беги. Не дрейфь и не думай о нас. Оборотень и Улунхан куда могучей, чем ты думаешь.

Мархи кивнул, потрепал за холку ие-кыла Асая и метнулся сквозь ветки папоротника к драконам на вратах. Цветки растения, похожие на вывернутые колокольца, приглушенно зазвенели.

Бурханы насторожились. Как только до их слуха донеслись незнакомые звуки, они вытянули копья и, спрыгнув с холма, помчались навстречу с новым врагом. Зверя они увидеть не ожидали, поэтому на секунду оторопели, но довольно быстро поняли, ЧТО перед ними. Расслабились.

Хищник стоял во всей красе: оскалив беспощадную челюсть и злобно шурясь, как это бывает среди кунных. Сквозь меховую личину его проглядывали огненные глаза и чресла шамана.

Нагваль. Вот кем было существо, и вот кого повстречали выдавшие многое защитники врат. Они тут же отрастили дубины, чтобы как можно скорее расправиться с толстокожим хищником, и кинулись драться. «Проткнуть его невозможно, лучше избить до изнеможения и скинуть вниз с небес», — решили стражи и приступили к расправе.

Пока внизу шло сражение, мальчик, зашпешив, поднялся на холм. Колени болели и ныли от ссадин, хотя тело (реальное тело) оставалось где-то далеко внизу. Не зря говорят, что душа болит куда боле чресел. Теперь-то он прекрасно понимал это, прочувствовал на себе. Воином в Нижнем мире Мархи не раз попадал в переделки, почти умирал, но здесь в Верхнем мире терпеть такое было делом непривычным.

«Боги разве страдают?» — спросил он себя, потянув за одну из створок Бай.

Многорукая богиня сильнее раскрыла объятия и словно прильнула к одному из своих сыновей, когда дверь принялась скрипуче открываться.

Взрослому в такой проем не проскользнуть, но мальчик легко шмыгнул внутрь, почти растворился в белом тумане, вылезавшем наружу щупальцами тысяч осьминогов. В самый последний момент он посмотрел назад.

Парочка духов сражалась с бурханами, то уступая им, то подавляя грозные нападения. Понять, кто победит было любопытно, азарт все сильнее просыпался внутри, но парень отвернулся и шагнул в неизвестность. Свою роль духи сыграли, а повторная смерть им уже не грозила. Волноваться юнцу больше не имело смысла.

Бай захлопнулся, рассеялись ворота Небес. Хата, как две капли воды похожая на Кали и приветствующая входящих, исчезла. Вместо нее по всем сторонам света разлились золоченые облака. Раскинулись до горизонта персиковые, яблочные сады с пушистыми, кронами изумрудного цвета. Три дороги, мощные брусчаткой из камня лилово-синего оттенка, легли под мальчишескими ногами, призывая выбрать путь, по которому они пойдут в поисках правды и спасения.

— Люблю персики! — крикнул парнишка, чтобы хоть ненадолго забыть о робости смертного, и зашагал по дорожке направо.

Она была неширокая, удобная для пешего или скромной повозки. Местами камни выбивались из кладки, вздымались углами, пирамидками. Частое хождение отполировало их почти так же, как и собратьев, спящих в блестящей мозаике тропы. Сквозь лиловую спрессованную твердь пробивались белесые, блистающие прожилки чудной небесной породы. Отсвет надземного купола играл в ней бликами, заставлял переливаться жемчужной радугой.

По обочинам то здесь, то там росли кусты. Развевающиеся на легком, весеннем ветерке кисточки, подобно ковылю, успокаивали, навевали дрему и тихую тоску по чему-то утерянному там в Срединном мире.

Персиковый сад поредел.

Пологий холм, по которому брел Мар, почти закончился. За ним начиналась низина с чашами-озерцами, прибрежным камышом и лотосами.

— О, Боги! — с восхищением выдохнул кам.

Зеркала глаз увлажнились от безмерного восторга.

Розовые, голубые, кроваво-алые: цветы размером с человеческую голову горели свежестью и утренней росой. Отражались в глади прозрачных источников, преумножая двойниками свою прелесть.

Количество лотосов безмерно возросло и украсило долину божественным ароматом, красотой идеальных линий. Душе стало легко и радостно от вида гармонии природы, и она слабо засветилась удовольствием, впитав силу высшего мира.

Правее от озер поднимались горы. Конечно, не такие высокие и могучие, как Гималаи, без снежных вершушек и острых вершин, но вполне сносные для обители тэнгри.

На пологих предгорьях разлеглись сотни строений.

Сначала Мархи они казались крошечными, смешными, пока он не пересек низину и не ступил на дорожку из чистого золота. Она вела наверх, к этим жилищам.

— Обиталища тэнгри, — сделал вывод парнишка, обведя взглядом роскошь рукотворных чудес. — Золота они не жалеют.

Покачав головой и шурясь от отраженных тропой лучей, он оценил извилистый путь, который предстояло преодолеть. Да, далековато, но не дальше того пути за спиной. Так что сойдет, терпимо.

Прошел час, другой, когда Мар, наконец, добрался до построек. Как ни странно, усталости не было, только сожаление об утерянных минутах. Или же сбереженных? Кто знает, как течет здесь время, если и вовсе течет. Ведь не зря же боги вечны. Быть может, их оберегает небытие прошлого и будущего.

У первого храма с покатой крышей возник силуэт мужчины и тут же исчез за скромным фонтаном, который скрывало от любопытных взоров персиковое многоцветье сада. Однако черепица цвета киновари, отбеленные стены не смогли спрятать черные одежды бога, спешно ретировавшегося при незнакомце.

Мар набычился, сжал кулаки. Какого черта они прячутся? Чего он сделал такого, чтобы от него скрывались?

— Эй, Ваше превосходительство! Да-да, вы, в черном кимоно. Я вас вижу.

Белолицый красавец с утонченными чертами девы выглянул из-за бьющих струй, пренебрежительно сморщил носик. В иссиня-черных волосах зазвенели заколки с цепочками из белого золота.

— Иди вон, маленький гнус. Иди мимо! — взвизгнул он и снова шмыгнул за водяную преграду.

— Офигеть. Нормально вы гостей встречаете, — возмутился Мар и, едва пройдя первый храм, все же обернулся, спросил. — Как вас величать, о великий? Простите за грубость.

Из-за ствола ближайшего к парню персика появился небесно-голубой глаз, сощурился, затрепыхалась на ветру угольная прядь.

— Хухэй Меткий, тэнгри голубого неба, усмиритель злых духов.

Бог снова спрятался.

Мархи поклонился богу и пошел дальше. Ему Хухэй точно не поможет. Смысла страшать пугливого тэнгри нег никакого.

Чуть поодаль, левее перед мальчишкой возникла новая обитель. Еще краше и выше. Богаче и изысканней. Киноварь на крыше горела ярче, белизна стен, походила, скорее, на мрамор, чем на обычную побелку.

На лестнице дома, спускающейся подобно пирамиде сразу с четырех сторон, сидел еще один бог. Такой же статный и могучий, как его жилище. В руках он держал книгу, рядом лежала прозрачная трость изо льда или хрусталя. В навершии блистала громадная, в человеческую голову снежинка.

Мархи, наученный предыдущим опытом, поклонился и опустил веки так, чтобы образ тэнгри почти исчез из поля зрения. Зато теперь ами увидел, что ступни бессмертного наги, и пальцы непрерывно поглаживают гладкое золото под ними.

— Здравствуйте. Подскажите, бессмертный, как найти дом Отца Неба?

Сребровласый мужчина не двинулся с места. Каменное лицо с тонкой бородкой осталось прежним. Он сосредоточился на чтении.

Мархи хотел повторить вопрос, решив, что его не расслышали, но бог внезапно заговорил:

— Прямо по дороге не сворачивая. Двадцать пять домов. Хочешь поблагодарить и спросить мое имя?

Мархи смущенно покраснел:

— М-м-м, да.

— Бударгуу Сагаан, божество снега. Иди, куда шел, мальчик. Мне не о чем говорить с черным.

Сердце кама похолодело. Оказывается, тэнгри и эжины знали, кто он, быть может, знали, зачем он здесь, но не желали разговаривать с шаманом, у которого черные корни. И Хухэй не боялся, а брезговал вести беседу с недостойным. Вот оно что!

Ла-а-адно, как знаете. Мала — милосердный, он-то не станет воротить нос от своего помощника с Земли. Не то что эти...

У третьего обиталища Мархи останавливаться не стал, мало ли как его тут встретят. Благо предыдущий тэнгри указал дорогу, и заводить разговоры с другими жителями теперь повода не было.

Осанистый, почти квадратный дом этого бога походил на вола. Даже крыша, слегка изогнутая гамаком или спиной полевого трудяги, была не красной, а бурой. Лестницы не имелось.

— Ишь какой! Хоть бы поклонился, паршивец, — громыхнул голос за столбом-опорой, на которой держалась правая часть дома.

На террасу неспешно вышел полнотелый муж и, растопырив локти, уперся тыльной частью ладоней в жиреющие бока.

Квадратное лицо было в поту.

— Классная броня, Салихгаан. Приветствую вас.

— А-а-а, узнал, гаденыш. Лады. Тимучин рассказывал?

— Да. Бог кузнецов всегда нам, шаманам, помогает. За что ему благодарность.

Тэнгри улыбнулся. Кожа на лоснящихся от жира и удовольствия щеках натянулась.

— А как бы вы без молний и огня? Металл податлив и куется не от грубой силы, а от умения кузнеца и от жара пламени.

Юный дух Мархи согласно кивнул.

— Обитель Мала далеко? — спросил он у бога-помощника и услышал несколько советов, как быстрее до нее добраться.

— Только вот что... — добавил Салихгаан, озираясь по сторонам в поисках случайных ушей. — Меня не выдавай. Остальные тэнгри гневаются на шаманов, не желают с вами вести дела. Узнают, что я помог, и лишат всякой благосклонности. С кем мне тогда на рыбалку ходить?

Едва сдержав недоумение, Мархи согласился молчать и пошел по узкой тропе, указанной тэнгри. Заметить ее самому меж зелени было невозможно. Протопанная прислугой и мелкими служками, она походила на лесную прогалину в густой чаще.

Два высоких, ступенеобразных подъема и шаман, наконец, добрался до храма бога небес. Так как подниматься ему пришлось не с главного входа, парадные ворота и стены обиталища скрылись за глубоким рвом и оградой из ало-рыжего металла, похожего на медь. Подобные высохшим лианам резные листы этого заграждения достигали в высоту двух, а то и трех метров. Шипы стеблей не давали ни единого шанса перелезть во внутренний двор.

Мар чуть ли не кубарем спустился в ров, наполненный водой и белыми лилиями. Преодолея мокрую преграду, которая оказалась чуть выше колен мальчика и, цепляясь за корни растущих растений, поднялся наверх. Ловко хватаясь за высоченный забор, он, словно обезьянка, полез по ним в окружную к главным воротам.

Рубаха мешалась, то и дело застревала мокрыми краями в вензелях ограды, а кое-где даже трескалась, когда парень пытался перелазить на следующую сцену — отрез. Грязь на ногах заставляла его скользить по прутьям, больно ударяться костяшками. От этого парнишка вскрикивал и матерился. Тихо, конечно, но внятно.

— Помочь? — неожиданно послышался мягкий баритон совсем близко от уха Мархи и тот, вскрикнув, отцепил руку от ограды.

Чуть не полетел назад, в ров.

Теплые мужские руки поймали в полете худое тельце, приподняли над землей и легко, непринуждённо опустили рядом с воротами, которые оказались неподалеку от того места, куда уже успел добраться паренек.

— Куда ты, ами, держишь путь? — спросил спаситель, повернув к себе лицом парня.

Тот ошеломленно, не отрываясь, посмотрел на величавое здание из чистого золота, утопающее в цветах сакуры. Затем понял, что его трясут за плечи и перевел взгляд на бессмертного.

— К Мала тэнгри, — ответил Мархи.

Медово-желтые, с вкраплениями золотых прожилок глаза спасителя улыбались. Такая же теплая улыбка играла на его губах. Он будто знал и понимал Мархи, будто видел его душу насквозь.

Взяв за руку мальчишку, юный бог неспешно прошел через ворота. Халат из алой парчи зашуршал по жемчужинам, рассыпанным на дороге и дворе вместо гравия. Парнишка ахнул, потянулся веревочкой за мужчиной, все еще не веря в реальность настоящего. Черные в косе волосы повелителя покачнулись, когда тот пригнулся и сильнее стиснул руку шамана. Ободряюще кивнул.

Глаза парнишки увлажнились от переизбытка эмоций.

Его ведет один из Небожителей! В храм верховного тэнгри! Чудо — не иначе!

Перед малахитовыми ступенями в тринадцать шагов бог остановился:

— Знаешь, в честь кого тебя нарекли Мархи? — бросил он неожиданно через плечо.

— Нет, — признался Мар, слегка смутившись, и тоже остановился.

— Присядем, — мягко распорядился тэнгри.

Примостился на первой ступени, слегка раскинув руки и откинувшись назад.

— Мне срочно... — начал Мар, но тут же был остановлен пальцем, небрежно приложенным к его губам.

— Тс-с-с-с. В честь умершего в младенчестве сына Улунхана. Ты часто споришь с ним, бранишься, а ведь он считает тебя пасынком. Любит, по-своему, как только может любить воин из жестоких, темных веков.

Щеки Мара начала заливать краска стыда и нетерпения. Да, этот разговор был ему интерес, но... Под небесами Ольхона его ждали холодеющие тела братьев, а в голове крутился образ девушки в ковбойской шляпе. Пришлось грубо отложить.

— Где Мала тэнгри? Я к нему, — настойчиво произнес кам и сдвинул брови.

Морочить себе голову он больше не позволит. Пусть для богов — люди и камы пешки, фигурки шахмат, с которыми не боязно прощаться в победоносной партии. Но для него Их

жизнь такая же пустая и бесцельная, если не состоит из служения народу и всему живому.

— Отец? — внезапно переспросил бог, будто до конца не осознавал, в чьей обители находится гость и он сам. — Отец ушел, когда Небеса узнали о потере Эдуген, моей сестры.

На лице хана отразилась неподдельная грусть и озабоченность. Тонкие черты исказила маска душевной боли. Он отвел глаза от Мархи, отчего длинные ресницы скрыли янтарную радужку и легли тенями на мраморно-белых щеках.

Не в силах сдержаться, мальчик-душа вскочил. Ами начало вибрировать и мерцать. Божественное начало, заложенное в этом осколке, свет чистой Вселенной стал медленно меркнуть.

— Как?! — закричал маленький Максим. — Кто тогда правит мирами?!

Сын небесного отца взял мальчика за руку и притянул к себе. Посадил на колени. Как только паренек ощутил руки бога на спине, он не выдержал и громко заплакал. Голос срывался, выходя из горла вместе с воем и рыданиями. Крупные капли падали на подол божественных одеяний и впитывались изящной вышивкой, вплетенной в ткань. Почти мгновенно высыхали.

Прошло совсем немного времени, как гость успокоился и прижался лбом к груди божественного создания. Тот подарил силу, невероятную безмятежность каждой частичке поломанной шаманской души.

— А надо править? Разве? — раздалось над макушкой Макса.

Хан улыбнулся и выдохнул. Теплый ветерок коснулся мальчика и еще больше усмирил в нем зверя, наваял мысли о сне.

— Мала никогда не делал этого, он творил и отпускал творения на свободу. Ибо гармония и хаос в самой сердцевине сущего, и только она способна уравнивать саму себя.

Ты пришел на Небеса за помощью, юный шаман, но боюсь, мы бессильны. Здесь идет война с тех пор, как не стало Отца. И все чаще побеждает Ата Улан.

— Но там... Мы... Ваши посланники... Мы можем умереть. Кто-то украл души шаманов и удерживает в плену, — затараторил Мар, которому друзья были в разы дороже битв бессмертных.

— Он и украл. Ждет, пока дочь наберет силу и поможет ему захватить трон Запада.

Мархи потупился, раздраженно потер свой гладкий, детский подбородок.

— Клубничка? Она? Когда ее ие-кыла проснется?

— Совсем скоро. Девочка та нить, что соединяет Восток и Запад, а мощь ее равна мощи Мала. Вот и посуди, кто победит, если Отца Неба здесь нет.

А что касается шаманов: они в Нижнем мире. Пока живы. Но как видишь, спасти их тебе придется самому.

— Как? — отстранившись от хана, спросил в растерянности Мар.

— Как? Говорю тебе, тэнгри земли и покровитель людей Ульген: внук повелителя Ольхона и будущий эжин таких вопросов не задает. С фениксом Улунханом, помощником Асаем и самой Жизнью в закромах ты способен на все. Иди по пути духов. Иди и спасай.

Больше книг на сайте - Knigoed.net